

HASMPOBEKUM APXMB

№3 (9), 2015

МИНОБРНАУКИ РОССИИ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Приамурский государственный университет имени Шолом-Алейхема»

HASMPOBEKIMI APXMB

Научный журнал

Основан в 2013 г.

Выходит 4 раза в год

№3 (9), 2015

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «ПРИАМУРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ ШОЛОМ-АЛЕЙХЕМА»

Главный редактор:

Б. В. Орехов, кандидат филологических наук (Москва)

Зам. главного редактора:

С. С. Шаулов, кандидат филологических наук, доцент (Уфа)

Редакционная коллегия:

- В. В. Борисова, доктор филологических наук, профессор (Уфа)
- Е. А. Выналек, кандидат филологических наук (Вроцлав)
- А. А. Галлямов, кандидат филологических наук, доцент (Уфа)
- П. Н. Толстогузов, доктор филологических наук, профессор (Биробиджан)
- С. М. Шаулов, доктор филологических наук, профессор (Уфа)

Редактор — Е. Подгорная, редактор английских текстов — И. Иваненко, компьютерное макетирование — Д. Муслимов, технический редактор — А. Юсупова, дизайн — Д. Муслимов

Назировский архив — электронный журнал

Адрес в Интернете:

http://nevmenandr.net/nazirov/journal.php

Адрес редакции:

450000 г. Уфа, ул. Заки Валиди, д. 32. к. 420 e-mail: nevmenandr@gmail.com

Ссылка на журнал обязательна.

Подписано в печать 30.9.2015. Усл. печ. л. 9,30. Уч.-изд. л. 9,31.

Приамурский государственный университет им. Шолом-Алейхема 679015, г. Биробиджан, ул. Широкая, 70-А

- © ФГБОУ ВПО «ПГУ им. Шолом-Алейхема», 2015
- © Редакция журнала, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	4
Публикации	
Р.Г.Назиров Личность Достоевского в изображении Анри Труайя. Предисловие и публикация С.С.Шаулова	6
Р. Г. Назиров История религиозной мысли от Платона до наших дней или учебник филолога в области истории религии. Часть II (Продолжение). Публикация С. С. Шаулова.	16
Биографический отдел	
О Михаиле Михайлове. Из архива Р. Г. Назирова. Предисловие Б. В. Орехова, публикация С. С. Шаулова	96
Исследования	
С. С. Шаулов Возвращение к христианскому пониманию истории	113
Библиография	
Дополнения к библиографии Р. Г. Назирова	128
Правила для авторов	131

В текущем номере журнала впервые отсутствует раздел рецензий. Мы щепетильно относились к тому, чтобы каждый раз выдерживать однажды принятую композицию: в номере обязательно есть публикации новых материалов из архива, биографические документы (извлечённые из архива или полученные от очевидцев), исследования, позволяющие яснее представить место наследия Назирова в современной гуманитарной ситуации, развёрнутый отклик на одну из «назировских» книг (либо представляющих его труды, либо посвящённых Ромэну Гафановичу как-то иначе) и дополнения к библиографии трудов Назирова или работ о нём. Однако в силу вступили объективные обстоятельства: все посмертные издания оказались отрецензированы и раздел снова наполнится только после выхода новой книги.

Недостачу, как мы надеемся, покрывает собственная рецензия Назирова на книгу Анри Труайя «Достоевский».

Редакция

Публикации

Р. Г. Назиров

Личность Достоевского в изображении Анри Труайя

В дневнике Назирова за 4 января 1963 есть запись: «В январе я обещал Александру Николаевичу Соколову сдать ему рецензию на книгу французского академика *Henry Troyat* "*Dostoewsky*". Не знаю, как получится. Надо спешить» 1. По каким-то причинам (дневник о них умалчивает) рецензия не была опубликована. Возможно, некоторую роль в этом сыграла биография самого Анри Труайя, семья которого — русские купцы Тарасовы — покинула Россию в 1918 году.

Тем не менее, рецензия Назирова, «задержавшаяся» более чем на полвека, обладает не только архивной ценностью. Конечно, научное значение этого «байопика» о Достоевском проблематично. Однако книга Труайя до сих пор актуальна и активна в рецептивном «пространстве». Достаточно сказать, что за последние десять с небольшим лет она трижды (2003, 2007, 2015) выходила на русском языке, ее общий тираж приближается к сорока тысячам. При этом издается она весьма демократично, что превращает «Достоевского» Труайя чуть ли не в самую доступную массовому читателю версию биографии классика. Отсюда понятно, что непредвзятый критический разбор этого труда (пусть даже он осуществлен с методологических позиций, сегодня не входящих в литературоведческий мейнстрим) будет современному читателю полезен.

С другой стороны, эта рецензия — важное свидетельство становления самого Назирова как достоевсковеда. По времени создания она соотносится с монографией об «Игроке» и докладе о Фрейде и фрейдизме², однако некоторые ее пассажи стилистически и концептуально вполне соотносятся и с поздним Назировым (и вообще, она выглядит более «современной», чем указанные тексты).

Рецензия, очевидно, была сдана научному руководителю. Сохранившаяся рукопись (включающая себя полный текст и отдельные листы чернового варианта), возможно, содержит следы не только авторской правки. Все подобные места отмечены нами редакционной сноской (дается под знаком «*»). Авторские ссылки оставлены нами без изменений.

Сергей С. Шаулов Башкирский государственный университет

¹АРГН. Оп. 4, д. 6, л. 0038 А. Н. Соколов — профессор МГУ, научный руководитель Р. Г. Назирова в аспирантуре. Сама рецензия в рукописи имеет помету — «1962». 2Оба текста опубликованы в «Назировском архиве» (2013, № 1; 2014, № 1).

Личность Достоевского в изображении Анри Труайя*

1962 г.

Французский академик Анри Труайя, известный романист, по происхождению связан с Россией. Им написаны биографии Пушкина, Лермонтова и Достоевского. «Достоевский» Труайя, впервые изданный в 1940 году, выдержал несколько переизданий. В 1956 году вышла книга Труайя «Святая Русь», соединяющая воспоминания о России в канун Октябрьской революции с «размышлениями» о крупнейших русских писателях. Очерк о Достоевском представляет собой сильно сокращённое и несколько переработанное изложение книги «Достоевский» 1.

Чем интересна биография Достоевского, написанная Труайя? Прежде всего, относительная долговечность книги — последнее издание относится к 1960 году — свидетельствует о её популярности. Она написана в свободной и красочной манере и приближается к жанру романа-биографии с попутным (порою весьма пространным) анализом творчества. Можно предполагать, что именно через эту книгу французский читатель входит в литературу о Достоевском.

Кроме того, биография представляет собой своеобразное художественное резюме различных точек зрения на Достоевского: от Мережковского до Жида и от Фюлоп-Миллера до Бердяева. Труайя хорошо знаком и с работами советских учёных довоенного периода. Книга Труайя как бы знакомит нас с наиболее распространёнными на Западе воззрениями на жизнь и творчество Достоевского.

В своём вступлении автор говорит, что эта книга написана «с большим чувством искренности и любви». Образный стиль, драматизм изложения, выразительность формулировок — всё это способствует тому, что книга легко ** великолепно читается. Она богато документирована, хотя автор почти совершенно не даёт указаний к многочисленным цитатам, ограничиваясь лишь библиографией в конце книги. Труайя стремится создать портрет живого Достоевского с его страстями, сомнениями и противоречиями, с его человеческими слабостями, показать «точки соприкосновения» жизни великого писателя и его творчества. Увлечённость автора сказывается уже в таком утверждении, содержащемся во вступлении: «Кажется, что этот гениальный писатель организовал свою жизнь в стиле своих романов, что он сделал из неё свой самый волнующий роман».

^{*} Зачеркнутый вариант заголовка: «Достоевский в изображении Анри Труайя».

Henri Troyat. «Dostoïevsky», P., Fayard, 1960.

Henri Troyat. «Sainte Russie. Souvenirs et réflexions», P., Grasset, 1956.

^{*} Вписано и далее зачеркнуто простым карандашом, возможно, не почерком Назирова.

Такой подход к Достоевскому имеет и свои теневые стороны. Увлечённый драматизмом и динамикой необычной жизни этой знаменитого писателя, автор несколько сужает подчиняет биографическому принципу круг захватываемых им проблем^{*}. Идеи и образы Достоевского прямо выводятся из фактов его биографии. Значение мировоззрения писателя, его социальных и политических симпатий молчаливо признаётся второстепенным. На первый план выступают «алогичность» и «тайна», «метафизическая тоска» и «универсальные проблемы» ***.

Хотя историческим событиям России XIX века посвящено несколько ярких страниц, где затронута даже статистика крестьянских восстаний накануне реформы, в целом жизненный путь Достоевского в изображении Труайя мало связан с эпохой: чуждые и враждебные силы истории как бы извне врываются в жизнь Достоевского, чтобы втянуть его в заговор петрашевцев, (освещённый, впрочем, довольно юмористически), подвергнуть чудовищному испытанию, а затем вновь отвязаться от него и предоставить его изолированному внутреннему развитию. Возникает упрощённопрямая связь между личностью (или, по терминологии Труайя, существованием, l'existence) и творчеством. При этом личность трактуется биологически. Легче всего проиллюстрировать это классическим примером.

Речь идёт об убийстве Михаила Андреевича Достоевского. «В тот самый момент, — пишет Труайя, — когда старый Достоевский, искалеченный, с искалеченным телом, "" с расширившимся от ужаса глазами, испускал последний вздох, его сын бунтовал против него, упрекая отца в старческом эгоизме. Преступление мужиков пало на Фёдора Михайловича». «Он был виновен за пределами человеческих законов. Это открытие ослепило его с жестокостью очевидности. Страшный толчок потряс его, скорчил, бросил наземь, хрипящего и с пеной у рта. Его первый припадок эпилепсии? Может быть. Во всяком случае, он никогда не заговорит об этом событии в своей переписке.

Но потрясение было слишком сильным, чтобы мгновенно не наложить на него отпечатка. Именно в книгах Достоевского нужно искать признания его морального смятения. И прежде всего в "Братьях Карамазовых"» 2 .

В главе, посвящённой этому роману, содержатся такие утверждения: «Этот старик [Фёдор Карамазов]... выглядит подмалёванным чёрной краской портретом отца Достоевского» 3 . «Иван Карамазов — это Достоевский, которого "Бог мучил всю жизнь"» 4

^{*} Правка синими чернилами. Возможно, не почерком Назирова.

^{*} В черновике следующий абзац начинается с фразы: «Таким образом, биографический метод Труайя мало-помалу становится чистой формальностью».

^{**} Правка синими чернилами. Возможно, не почерком Назирова.

² *H. Troyat.* «Dostoïevsky», P., Fayard, 1960.

³ Там же, стр. 391.

⁴ Там же, стр. 394.

Эта точка зрения прямо восходит к воспоминаниям Л. Ф. Достоевской, оказавшим на Труайя первостепенное влияние: «Достоевский, создавая тип старика Карамазова, думал о своём отце...» «Согласно передававшимся в семье рассказам, мой отец изобразил себя в Иване Карамазове». Она же сообщает «семейное предание», что с Достоевским при известии о смерти отца произошёл первый припадок эпилепсии⁵. Однако Труайя выражается прямее: «Он был виновен за пределами человеческих законов», «ответственность за этой убийство» и т. д. Иными словами, Достоевский прожил всю жизнь под гнётом чувства вины, в «Братьях Карамазовых» им выражено сознание вины за тайную жажду отцеубийства, а эпилепсия писателя — это форма самонаказания. Как известно, таковы тезисы, выдвинутые Зигмундом Фрейдом в его статье «Достоевский и отцеубийство». (?).

Труайя написал биографию Достоевского накануне смерти Фрейда. Но вот эссе «Святая Русь» относится уже к 1956 году. В нём, как и в биографии, нет упоминаний о Фрейде и его теориях. Но заключение очерка в этой книге звучит несколько откровеннее*: «Творчество Достоевского — попытка заклинания дурных инстинктов, которые носил в себе автор...» «Обвиняя себя посредством своих персонажей, Достоевский облегчает и очищает себя. Он отделяется от своих пороков, называя их»⁶. На хорошем, честном психоаналитическом языке это называется сублимированием подавленных инстинктов. Надо полагать, некая анонимная тень со скромным удовлетворением следила через плечо Анри Труайя за движением его пера: она Анри Труайя изобразил Достоевского носителем острых внутренних конфликтов, возникших на почве комплекса Эдипа.

Стыдливый фрейдизм академика Труайя обнаруживает себя приподнимает своё покрывало ещё раз: при решении «сексуальной проблемы Достоевского». Десятки лет западных исследователей Достоевского, как больной зуб, мучит «проклятый вопрос»: виновен ли сам Достоевский в том преступлении, в котором исповедуется Ставрогин? Доминика Арбан, например, со всею фрейдистской неподкупностью выносит вердикт: «да, виновен»^{*}. Анри Труайя говорит: «Документы совершенно не дают оснований сделать какой-либо вывод из этого спора, но эротическая одержимость Достоевского делает позволительными все подозрения»^{7**}. И вот мы видим, как один из «бессмерт-

⁵ «Достоевский в изображении его дочери Л. Достоевской», М.—Пг., 1922, стр. 17—18.

^{*} В черновике добавление: «...в 1956 году Анри Труайя выражается ещё прямее и определённее. Любопытно отметить одно маленькое исправление. В биографии 1940 года (равно, как и в её последующих переизданиях) о героях Достоевского говорится: "Они выставляют на дневной свет то, что мы закапываем в потёмках наших совестей (nos consciences)" [H. Troyat. «Dostoïevsky», P., Fayard, 1960]. В очерке 1956 года та же фраза звучит чуть-чуть иначе: "Они выставляют на дневной свет то, что мы закапываем в потёмках бессознательного (l'inconscience)"». [H. Troyat. «Sainte Russie. Souvenirs et réflexions», P., Grasset, 1956, p. 146. Разрядка Назирова].

⁶ H. Troyat. «Dostoïevsky», P., Fayard, 1960, p. 52.

^{*} В черновике дается следующая ссылка: «Dominique Arban, «Дост. и "Бесы"», газета Monde???

⁷ H. Troyat. «Dostoïevsky», P., Fayard, 1960, crp. 352.

^{*} В черновике: «И тон, и смысл его высказываний гораздо умереннее: "Почему бы не предположить, что Достоевский желал ребёнка и что этого единственного воображаемого оскорбления хва-

ных» Франции, декларируя свою любовь к Достоевскому, покидает берег исторических фактов и пускается крейсировать по мутным волнам легенды. Он предполагает, что Достоевский испытывал острое влечение к малолетней девочке и «с болезненным наслаждением» давал выход этому влечению в устных рассказах и в аналогичных ситуациях своих романов (катартическое лечение в полном соответствии с Фрейдом).

Итак, романтически волнующая личность писателя сводится к комплексу виновности, порождённому жаждой отцеубийства, к «сексуальной одержимости» и к раздвоению личности.

Нбо Раздвоение личности самого Достоевского играет особую роль в концепции Труайя. «Он не сумел реализовать себя ни в Ставрогине, "демоне", ни в Мышкине, "святом", потому что он был тем и другим одновременно... Он колеблется между плотским миром сладострастия и духовным миром отречения». «Достоевский раздваивается, как его герои» ****. Так оживает в книге Труайя старая формула филистеров: «полузверь, полуангел», которую в своё время подверг остроумной критике Фридрих Энгельс. Так противоречия творчества Достоевского выводятся прямо из недр его разорванной психики. Сложность мировоззрения и опыта писателя, противоречия между его философией и практикой (достаточно вспомнить известный разговор с Сувориным о невозможности политического доноса) Анри Труайя отбрасывает изящным жестом: «Он — воплощённое отрицание "выбора". После этого не нужно удивляться, что этот христианский пацифист проповедует войну на Востоке, что этот эпилептический визионер переполняет свои книги реалистическими деталями» ***

По мысли Труайя, бог и эпилепсия составляют основу той части психики Достоевского, которая влечёт его за пределы разума, в необозримые просторы непозноваемого. «Плотскую» часть этой личности Труайя нам уже объяснил: это Эдипов комплекс и сексуальная аномалия. Теперь коснёмся «духовной» части. В «Бедных людях» критик слышит «колеблющиеся аккорды» и героев, «ограниченных в самих себе». Их страдания — моральные, социальные, материальные, земные. «Они не знают метафизической тоски». «Один персонаж отсутствует в составе исполнителей:

тило, чтобы отравить его жизнь? Это насилие, которое он мог бы совершить, — он вызывает в грандиозной галлюцинации. Он взваливает его на себя, он обвиняет себя в нём с каким-то болезненным наслаждением. Он смакует радость циничного самоунижения...» [H. Troyat, «Dost.», P., Fayard, 1960, p. 353].

⁸ Там же, стр. 438.

^{**} В черновике: «Вслед за Андре Жидом, Труайя цитирует Бодлера: "В каждом человеке есть». Фраза не завершена; видимо, подразумевается следующая цитата: «В любом человеке в любой час есть две одновременные просьбы — одна к Богу, другая к Сатане. Мольба к Богу, или духовность, — это желание возвыситься; та, что к Сатане, или животное начало, — это радость от спуска». Здесь приводится по следующему изданию: Бодлер Ш. Мое обнаженное сердце. Статьи, эссе. СПб., 2014. С. 14. Назиров, возможно, по памяти опирается на французский текст.

^{*} Заметка на полях в черновике: «Достоевский тоже порой выносил приговоры, не подлежащие обжалованию: таков конец Ставрогина, который был ни холоден, ни горяч... Свидригайлова... И т. д. Как же «никто не виноват»? И князя Валковского считать не виноватым? Автор думал иначе, хотя и не наказал злодея».

Бог. Нужно будет испытание эшафотом и Сибирью, чтобы он возник на заднем плане мира Достоевского» ¹⁰. Следует описание весьма «случайного» участия Достоевского в заговоре петрашевцев, затем — катастрофа. Глава «Эшафот» впечатляет своим безупречным мастерством, ярким и точным изложением фактов. В целом хороши и главы, посвящённые каторге Достоевского. По словам Труайя, его герой совершил в стенах Омского острога «тройное открытие»: он открыл народ, Россию и евангелие. Последнее определило всю его дальнейшую жизнь и творчество.

По мысли Труайя, религия Достоевского не соответствует официальной доктрине церкви. Спокойной, гарантированной веры не существует: нужно всегда защищать веру от врага — от себя самого. «Угроза придаёт цену угрожаемому объекту. Вера — это риск». Достоевский «хочет бороться один», «сам найти свою дорогу». Анализируя роман «Бесы», Труайя говорит: «Достоевский, как Шатов идёт к богу через народ. Но тогда как для Достоевского народ был только этапом, для Шатова народ был целью» Проблема бога выдвигается на первый план, а народ, к которому в конёчном счете были обращены все мысли и чаяния Достоевского, народ, который он понимал как огромную, высшую силу, как последнюю инстанцию идейных споров, как единственного вершителя судеб мир, — этот народ превращается в «этап» мистической эволюции.

Своим видением мира Достоевский обязан чудесному озарению той «ауры», которая предшествует его эпилептическим припадкам. «Может быть, Достоевскому было дано во время его эпилептических припадков взобраться до гребня стены и обнять взглядом запретный простор. Он падает обратно, ослеплённый, в сердце сожаление об этом чудесном видении. Но он видел, он видел!... Он один из единственных, которые видели» 12* . Итак, для академика Труайя галлюцинации, болезненные видения, озарения эпилептических припадков — источник высшего познания, откровение потусторонней истины, недоступной бедному научному познанию. Отсюда — весь Достоевский, разрываемый «между естественной и сверхестественной концепцией мира». «Он не выбирает между миром причинности и миром "дважды два — три". Он уравновешивает более или менее удачно две архитектуры». С болезненным усердием он силится воплотить экстравагантную историю в плотной массе действительности. Вокруг кошмара он аккумулирует материальные детали, от которых не отказался бы Флобер» 13. Но для автора само собой разумеется, что все усилия Достоевского тщетны. В реалистической «декорации» всё звучит фальшиво; его герои — «это идеи, которые движутся в рамках материи» ¹⁴. Это утверждение повторяется на протяжении

¹⁰ Там же, стр. 69.

Там же, стр. 346.

¹² Там же, стр. 247.

^{*} Над словом «единственных» вписано «немногих».

¹³ Стр. 247.

Стр. 248.

всей книги. Каждый персонаж — «идея, только идея» ¹⁵. У них нет тела, они лишь «носители наших собственных мыслей, наши мысли». Мир Достоевского автор называет «декорацией сновидения». «Это не реалистическая живопись, это кошмарное видение» ¹⁶.

Итак, Для Труайя великий писатель оказывается прежде всего религиозным мыслителем, мистически озарённым поэтом кошмарного сна, в котором воплощена высшая «вторичная реальность», превосходящая наше жалкое, познаваемое, земное существование бытие. Элементы иррационализма в творчестве Достоевского под пером Труайя превращаются в один исполинский кошмар, в «хаос мрака и нечисти», и даже остро-экспрессивные реалистические детали Достоевского «поражают как знаки сверхъестественного садизма», «имеют таинственный смысл». Достоевского — реалиста больше не существует! И если он сам считал своё искусство реализмом, то он, очевидно, плохо понимал самого себя^{*}.

Несомненно, Достоевский в известном смысле противоположен Гончарову или Тургеневу. Его «реализм исключительного» занимает особое место в истории русской классической литературы. Подобно тому, как искусство Микеланджело — высочайшая вершина, склоны которой усеяны костями маньеристов, так и эпигоны Достоевского превратили его гениа подчас гениальные прозрения глубин человеческой души в дешёвый «гран-гиньоль» картонных ужасов, а его мучительные, до гроба не прерываемые непрерывные поиски решения сложных философских и моральных проблем — в своего рода литературный спиритизм, глубокомысленное столоверчение. И в своей оценке искусства Достоевского академик Анри Труайя сближается с точкой зрения декадентских осквернителей могил, не умевших и не желавших учиться у гениального писателя его главной тайне — золотой пропорции, в которой сила творческого воздействия на окружающий мир сплавлялась с великой правдой об этом мире, — мире реальном, земном, совершенно материальном, ибо никакие призраки и кошмары не могут причинить такого страдания человеческой душе, как оскорбление золотом, человека человеком, оскорбление человека неправедным обществом.

Для Достоевского проблема бога — это проблема бунта. Аргументация Ивана Карамазова, «почтительнейше возвращающего» богу свой билет на вход «в высшую гармонию», остаётся художественно неопровержимой. Анри Труайя считает «очень вероятным», что Иван Карамазов играет в глазах Достоевского ту же роль, какую Смердяков — в глазах Ивана. «Иван для Фёдора Михайловича есть воплощение той

¹⁵ Стр. 338.

¹⁶ Стр. 271.

В черновике: «Анри Труайя, родившийся в Москве, детально изучавший Россию XIX века, словно бы и не знает о том, что действительно существовали в ней когда-то «секуны», «серальники», тираны и титулованные «заплечных дел мастера», все эти Каменские и Салтычихи, которые травили детей борзыми, превращали в наложниц своих крепостных актрис и насиловали малолетних девочек. Для Труайя и преступление Свидригайлова, и исповедь Ставрогина — проето-напроето всего лишь сублимация, «подавленного влечения» самого Достоевского...»

Правка, возможно, не почерком Назирова.

части самого себя, которая ему ненавистна. Иван — это то, в чём автор хотел отказать себе самому; Иван — это главное наказание его автора» ¹⁷. (По мысли Труайя, двойники в романах Достоевского — инструменты самонаказания героев, чья преступная психика их породила). Один из самых сильных и художественно убедительных образов великого романиста объявляется результатом его внутрипсихического конфликта, воплощением собственных ненавистных мыслей, от которых Достоевский «избавлялся, называя их». Но если идти таким путём, то мнимые любимцы Достоевского — Иван Петрович в «Униженных и оскорблённых», Соня Мармеладова, князь Мышкин, Макар Долгорукий, старец отец Зосима, Алёша и другие — составят монотонную картину, бледнеющую перед другой половиной его героев. В том-то и дело, что Достоевский любил все свои создания, за исключением презренных Λ ужиных и Тоцких, а бунтарей своих, грешников, мучеников сомнения он любил, быть может, ещё горячее, ещё неистовее, ещё безрассуднее, чем смиренных, осенённых благодатью. В том-то и дело, что Достоевский — не «воплощённое отрицание "выбора"», а воплощённое искание, мучительное блуждание в поисках этого выбора, воплощённый разрыв, возвращение и переоценка.

Кстати, о Лужине. Случайно ли Анри Труайя вещает его портрет в галерее страдальцев? Что это, lapsus calami: «Мармеладов, Соня, Дуня, Свидригайлов, Лужин, все канальи, все циники, все несчастные, которые обрамляют крупную фигуру Раскольникова, несут в себе своё оправдание. Они знают о своём падении» 18 . В чём падение Дуни, сестры Раскольникова? И что может оправдать Лужина? Нет, это диковинное упрощение явно расходится с фактами творчества Достоевского, в зоологическом атласе которого нет животного отвратительнее, чем самодовольный и сытый буржуа, будь то лощёный французский псевдо-маркиз или свой отечественный надворный советник. Пусть это мелочь, но как же забыть, что подпольный человек Достоевского («ключ ко всему его творчеству», по словам автора) отрицает не только Хрустальный дворец социалистов, но и капитальный дом «благоустроенного» буржуазного общества с квартирами для бедных жильцов и с зубным врачом Вагенгеймом на вывеске? Однако Труайя забывает об этом. Если же забыть прямо-таки невозможно, то он отделывается снисходительной, извиняющей усмешкой, с какою он, например, перелистывает «Зимние заметки о летних впечатлениях», в частности, «Опыт о буржуа».

Да, проще всего исключить из памяти всё, что остаётся подлинно больным и животрепещущим в творчестве Достоевского, равно как и в мире, перенести проблему зла в плоскость исключительно метафизическую, забросить подальше реа отодвинуть реализм Достоевского на второй план и затем с чистой совестью принять «бесконечное беспокойство» великого романиста. «Достоевский ввёл понятие неразрешимости в

¹⁷ Стр. 395.

¹⁸ CTp. 270.

романную метафизику». «"Не останавливаться — в этом твоё величие", — писал Гёте. Достоевский велик, потому что он не остановился» 19, — так заканчивается книга Труайя. Не остановился, не принял окончательного решения? Он велик во-первых тем, что не принял <u>ложного</u> решения, к которому склонялся в силу обстоятельств. А ещё более велик Достоевский тем, что, изнемогая и почти падая в борьбе с собственной слабостью, он всё же явил пример огромной неукротимости и поиска, который наряду с его свидетельством о мире драгоценен для нас, его потомков, вечных искателей правильного решения вопросов, возобновляемых перед каждым из нас историей.

¹⁹ Стр. 439.

Р. Г. Назиров

История религиозной мысли от Платона до наших дней или учебник филолога в области истории религии Часть II.

Западное христианство в Средние века (Продолжение)

33. Авиньон и Рим

Альфонс Додэ в сказке «Папский мул» рассказывают: «Кому не довелось видеть Авиньон во времена пап, тот ничего не видел. По части весёлости, оживления, празднеств это был первый город. Туг с утра до вечера устраивались процессии, шествия богомольцев; улицы были завалены цветами и убраны ткаными коврами; кардиналы приплывали по Роне, распустив флаги по ветру и разукрасив галеры; папские солдаты распевали свою латынь на площадях; трещотки братьев — собирателей милостыни раздавались повсюду. И сверху донизу, во всех домах, теснившихся с жужжанием вокруг обширного дворца папы наподобие пчёл, снующих вокруг своего улья, раздавалось тиканье кружевников, слышались молоточки чеканщиков, работавших над церковными сосудами, звуки столов — гармоникумов, которые приготовлялись у инструментальных мастеров, и кантики ткачих, работавших основу; над всем этим — гул колоколов и всегда несколько тамбуринов, рокотавших где-то та, в стороне моста. Ибо у нас, если народ весел, он должен плясать, ему нужно плясать. А так как в то время улицы города были чересчур узки для хороводов, флейты и тамбурины помещались на авиньонском мосту, на свежем ветерке, дувшем с Роны, и там плясали, плясали день и ночь. Счастливые времена и счастливый город! Алебарды не действовали, в государственных тюрьмах для освежения угощали вином. Никогда никаких раздоров, ни одной войны! Вот как папы графства умели управлять своим народом. Вот почему и народ так горюет о них».

Эта прелестная средневековая идиллия наполовину верна. Авиньон XIV века был одним из самых богатых и цветущих городов Европы. Несомненно, он переживал период благосостояния. Но в остальном...

Первым авиньонским папой был француз Климент V, уничтоживший орден тамплиеров. Он накопил огромные богатства и в 1314 году умер, окружённый своими любовниками и любовницами. После него два года апостольский престол оставался вакантным. Только в1316 году в Лионе кардиналы избрали нового папу — семидесятилетнего Иоанна XXII. Он был сыном бедного сапожника из Кагора, потом поварёнком одного архиепископа, прелатом и, наконец, кардиналом. Став папой и застав казну разграбленной, Иоанн XXII начал раздувать деятельность трибуналов инквизиции. Он объявил еретическим и отправил на костёр монашеский орден «фратичелл», утверждённый Целестином V. Его казну папа разделил с инквизицией, т. е. доминиканским орденом. Зато в 1329 году, под давлением францисканцев, папа специальной буллой осудил 28 тезисов учения доминиканца Экхарта. Когда в ордене францисканцев произошёл раскол, папа велел сжечь раскольников. Говорят, он отправил на костёр свыше 10 000 человек. Зато он собрал 50 млн. золотых флоринов и украсил

Авиньон великолепными постройками. Иоанн XXII умер 4 декабря 1334 года, 90 лет от роду.

Папой был избран кардинал Джакопо, которого памфлетисты называли сыном покойного Иоанна XXII и его сестры. При интронизации он принял имя <u>Бенедикта XII</u>. При этом ничтожно и бесхарактерном папе (1334—1342) правили его кардиналы, унаследовав сокровища своего отца, Бенедикт отличался крайней скупостью и чудовищной развращённостью. После его смерти 28 кардиналов сначала разделили его богатства, а затем начали выборы. Был избран кардинал Нерей, интронизированный под именем <u>Климент VI</u> (1342—1352). Он быстро наполнил казну.

Авиньон находился на земле графства Венессен, которым владела красавица Иоанна Первая, королева Неаполя и Сицилии, графиня Прованса. Своим бесстыдством она превзошла легендарную Мессалину. Своего мужа Андрея Венгерского она задушила и выбросила в окно. Брат убитого короля Людовик Венгерский переплыл с войском через море; Иоанна бежала в Авиньон и заключила договор с папой, который за графство Венессен со столицей обещал ей 80.000 золотых флоринов и помощь в возвращении неаполитанского трона.

Так в 1348 году Климент VI купил у королевы Иоанны Авиньон с графством (говорят, что 80.000 флоринов она так и не увидела). Папа обрушился на Людовика Венгерского и других врагов Иоанны с громовыми буллами. Иоанна в Авиньоне предавалась чудовищным оргиям и даже была в плотской связи с папой. Он добился того, что Иоанна была восстановлена на престоле и вернулась в Неаполь.

Жажда наживы толкнула Климента VI особой буллой 1343 года сократить срок, разделяющий юбилейные годы, со 100 лет до 50 и провозгласить 1350 год «святым годом». В этом году Рим снова заполнился огромными толпами паломников. Папский легат — инкассатор принимал приношения, беспрерывно нагромождавшиеся у гробницы святого Петра. По окончании святого года легат отправился в Авиньон во главе огромного каравана из 50 больших повозок с золотом и серебром. При Клименте VI блеск и роскошь курии превзошли великолепие сатрапов и цезарей. Авиньонская курия предавалась распутству, какого не ведали Содом и Гоморра; пиршества её не уступали пирам Аниция и Лукулла; дворцы кардиналов были переполнены шутами, комедиантами, скоморохами и танцовщицами.

Климент VI вёл яростную борьбу против *флагеллантов* (бичующихся). [См. раздел 26]. В 1349 он обрушился на это движение с грозной анафемой, и флагеллантов стали предавать суду инквизиции.

После смерти Климента папой был избран кардинал Остия, принявший имя Иннокентия VI (1352—1362). Холодная жестокость этого старика вызывала

отвращение современников. Истеричка <u>Бригитта</u> (около 1303—1373), вдова одного шведского князя, впоследствии канонизированная, заявила: «Папа Иннокентий VI презреннее еврейских ростовщиков, коварнее и вероломнее Иуды, безжалостнее Пилата. Он пожрал овец, он задушил истинных пастырей, он обрёк своих кардиналов на тот огонь, который пожрал Содом и Гоморру».

Петрарка назвал Авиньон гнездом предательства, где «ютится все зло, какое только существует на свете».

Очевидно, Петрарка лучше знал Авиньон папской эпохи, чем сказочник XIX века Альфонс Додэ.

После Иннокентия VI папой стал аббат Гримо, настоятель монастыря святого Виктора в Марселе, принявший имя <u>Урбана V</u> (1362—1370). Папа сделал попытку вернуться в Рим, но жители Рима были раздражены хищничеством папского легата: Урбан не доехал до Рима, остановился в Витербо. Через некоторое время он обосновался в Ватикане, но ненадолго: его выжили всемогущие князья Висконти. Урбан воротился под крыло французского короля и умер в Авиньоне (1370).

Папой стал <u>Григорий XI</u>, француз, уроженец Лиможа (1331—1378). Его понтификат превратился в сплошной праздник. Авиньон был самым блестящим и самым испорченным городом Европы. Роскошные дворцы папы и кардиналов были полны шутов, танцовщиц, музыкантов и куртизанок. Двор папы своей элегантностью и утончённостью затмевал наиболее весёлые дворы <u>раннего Возрождения</u>. Ибо мы уже вступили в эту великую эпоху.

В период авиньонского пленения папство, ставшее орудием французской политики, переживало *глубокий упадок* своего влияния. Авторитет пап никогда ещё не стоял так низко. Самое низменное моральное разложение пап и их двора вызывало ужас и

¹Карл IV (1316—1378) — германский император с 1346 года, сын Иоанна Люксембургского, короля Богемии. Он основал университеты в Вене и Праге. В 1356 он издал знаменитую «Золотую буллу», хартию Германского империи; этой буллой регулировалось престолонаследие империи.

негодование всей христианской Европы. Церковь была поколеблена в самых основах, необходимо было срочно искать спасения.

V первым шагом к нему необходимо явилось возвращение в Рим. Попытка Урбана V была знаменательна.

Папа Григорий XI в 1377 году вернулся в Рим, и этот год считается датой окончания авиньонского пленения. Но и после возвращения курии в Рим прямые последствия авиньонского пленения выразились в <u>Великом Расколе</u> церкви (1378—1417), в течение которого одни кардиналы (главным образом, английские, немецкие и итальянские) избирали одного папу — в Риме, а другие (французские, испанские, шотландские) — другого папу, в Авиньоне.

Когда Григорий XI вернулся в Рим, часть кардиналов не захотела оставить весёлый Авиньон. В 1378, по смерти Григория XI, они избрали на папский престол своего человека, под именем Климента VII, которого поддерживала Франция (ныне история церкви не признаёт его папой). Кардиналы, находившиеся в Риме, избрали папой Урбана VI (1378—1389). Так начался церковный раскол, который продолжался сорок лет.

В борьбе не останавливались ни перед какими преступлениями. Когда Урбану VI случилось бежать из Рима в Геную, он приказал зашить в мешки пять враждебных ему кардиналов и выбросить их в море.

В 1389 Урбан VI, ссылаясь на краткость человеческой жизни, предписал праздновать юбилейные годы через каждые 33 года (длительность земной жизни Господа Иисуса Христа). В том же 1389 году папа Урбан VI умер.

Его преемником на римском престоле был <u>Бонифаций IX</u> (1389—1404). Он всё превратил в предмет открытой торговли. В хронике <u>Дитриха фон Нима</u> (немец, который был секретарём Урбана VI), целых 12 глав заполнены описанием бесстыдных проделок, с помощью которых Бонифаций в течение ряда лет собирал звонкую монету со всего европейского континента: даже его мать и братья занимались продажей церковных должностей, приходов и отпущения грехов.

Борьба двух пап, проклинавших и отлучавших друг друга, вела к упадку влияния церкви. Чтобы покончить с Великим Расколом, богословы Парижского университета предложили обоим папам добровольно отказаться от престола, чтобы вместо них был избран новый папа. Но оба папы отклонили это предложение.

По смерти антипапы Климента VII (1394) кардиналы избрали папой <u>Бенедикта XIII</u>: он в истории считается антипапой и в счёт пап не входит, как и его предшественник. Преемником Бонифация IX в 1404 году был избран <u>Иннокентий VII</u>, которого уже скоро (в 1406) сменил <u>Григорий XII</u> (1327—1415, уроженец Венеции). В 1409 был

созван церковный собор в Пизе, где был избран <u>третий папа</u> — <u>Александр V</u> (церковная история считает его незаконным, но <u>включает в счёт пап</u>). Оба прежних папы, авиньонский и римский, прокляли участников Пизанского собора и не признали его решений.

Теперь уже трое пап боролись между собою. По смерти Александра V (в 1410 году) третьим папой был избран <u>Иоанн XXIII</u>, занимавшийся прежде морским разбоем. Церковь ныне не считает его папой, но именно этот пират в 1414 году председательствовал <u>на церковном соборе в Констанце</u> и назначил следственную комиссию, которая обвинила в ереси <u>Яна Гуса</u>.

34. Соборное движение. Констанцский собор.

Бесславие папской власти привело к тому, что с конца XIV века развернулось так называемое <u>соборное движение</u>, представители которого, желая покончить с папским абсолютизмом, настаивали на необходимости <u>реформы церкви</u> с приданием нового значения <u>вселенским соборам</u> в качестве регулярно и независимо от папы созываемого верховного органа всей католической церкви.

Движение было обусловлено стремлением национальных церквей добиться большей самостоятельности, оно отражало прогрессирующее разложение все феодальной системы и укрепление национальных государств. Наконец, деспотический и бесконтрольный произвол пап вёл к скандальным поступкам, потрясавшим церковь.

Под знаком идей соборного движения проходили вселенские соборы XV века, которые заседали на протяжении почти всей первой половины столетия.

В 1414—1418 заседал собор в <u>Констанце</u>, немецком городке на берегу Констанцского озера, в княжестве Баден.

Собор имел главной целью положить конец «Великой Схизме» церкви, а также — одолеть ересь Яна Гуса и Иеронима Пражского.

Император Сигизмунд Люксембургский (1361—1437), сын Карла IV, стал венгерским королём в 1387 году, а императором в 1411 году. Это был жалкий трус, пьяница, попрошайка и безвольный тунеядец. Он понимал, что распространение учения Гуса грозит страшными смутами, а то и потерей Чехии.

Уже в XIV веке национально-освободительное движение в этой богатой стране захватило крестьян, горожан и часть рыцарства, ущемлённого немецкими феодалами. С национальной борьбой сливалась острая социальная борьба. Католической церкви принадлежало в Чехии свыше 1/3 всех земель. Роскошь, алчность и разврат

духовенства вызывали к нему всеобщую ненависть. Вот почему чешское национальноосвободительное движение приняло антипапскую форму — форму религиозной реформации. Вот почему вождём движения стоял священник, философ, профессор университета \mathfrak{A} н Γyc .

Его учение о «неповиновении неправедным властям» стало идеологическим обоснованием антифеодальной борьбы горожан и крестьян. Его сочинения (главное из них — «О церкви», 1413) вызывали страшный резонанс в Европе. Распространение его идей в Чехии и за её пределами вызывало страх императора, князей, духовенства. <u>Так сложился заговор против Гуса</u>.

Его возглавил бывший пират, папа Иоанн XXIII, человек, замешанный во многих преступлениях, «циник и развратник с противоестественными похотями» (К. Маркс). Исполнителем заговора стал ничтожный Сигизмунд Люксембургский.

Иоанн XXIII вызвал Гуса на Констанцский собор. Император Сигизмунд прислал Гусу охранную грамоту, которая гарантировала чешскому вождю полную безопасность.

Когда Гус приехал в Констанцу, император выдал его епископу Констанцскому, который отправил его в свой замок Готтлебен, приказав заточить и заковать в цепи. Иоанн XXIII назначил комиссию для суда над Гусом (1414 год).

Гус продолжал писать и в заточении. Собор объявил его еретиком и потребовал отречения. Гус отказался отречься от своих взглядов: «Если изменю слову своему, какими глазами буду смотреть на свой народ, который я всегда учил говорить правду».

Следствие по обвинению в ереси и само судилище тянулись довольно долго. События громоздились одно на другое. Папа Иоанн, опасаясь, что на соборе будет поднят вопрос о его преступлениях, в марте 1415 бежал из Констанцы, но был арестован и заключён в тюрьму. Хотя собор и низложил Иоанна, через три года он за крупную взятку был выпущен из тюрьмы и назначен кардиналом.

Но к Гусу церковь не проявила такой снисходительности. Вот отчёт о заключительном заседании Констанцского собора по делу Яна Гуса:

«Врагам чеха хотелось сегодня же непременно достигнуть своей цели, потому что дрова уже были приготовлены для костра и облиты смолой.

Император Сигизмунд настоятельно и строго предложил Гусу отречься от своего учения. Сигизмунд глубоко и часто вздыхал. Глаза Сигизмунда постоянно блуждали вокруг собравшихся, как будто бы он боялся тяжкой правды.

Наступила тишина. Тогда Гус начал говорить следующее: «Я не могу отречься ни от одного положения, написанного или высказанного мною». После того поднялся страшный крик: посыпались на Гуса проклятия и послышались требования голосования 2 .

<u>Пан из Хлюма</u>³. Всё римское духовенство представляет собой презренную толпу кутил и глупцов, в своей жизни наблюдающих за собой менее, чем свинья смотрится в зеркало. Именем своего короля и всех чехов я клянусь в том, что чехи страшно отомстят в случае дальнейших терзаний или смерти Гуса. В крови папистов чешский гусь 4 вымоет свои крылья. Имеющий уши слышать да слышит. Жизнь и свободу Гусу. <u>Да!</u>

<u>Архиепископ лондонский</u>. Если бы у этого чеха было десять жизней, тогда бы я взял их все у него: во-первых, за то, что он унижал наместника Христова; во-вторых, за то, что он обнажил духовенство, не оставив ему ни клочка, чтобы прикрыть свою наготу; в-третьих, за то, что он сбил с пути много народа. Между тем народу лучше ничего не знать и слепо верить. Пусть сгинет этот чех! <u>Hem!</u>

E пископ бриксенский. Гусю не причинится зла, если его ощипать и испечь. Мы уже ощипали его. Пусть печётся, и сегодня же. Hem!

Eпископ журский. Подаю голос за свободу, честь и жизнь Гуса. Какую пользу получите вы, если гусь будет испечён, а перья его крыльев распространят сильные бури во всех землях? Камень, который мы хотим ныне бросить вверх, может упасть на наши головы. A1

<u>Епископ констанцский</u>. Если завтра не сожжём Гуса, то послезавтра народ сожжёт всех нас, здесь пребывающих. Пусть он умрёт. <u>Hem!</u>

Император, выслушав окончательный результат голосования, побледнел и затрясся: он знал, что от него зависела свобода и жизнь Гуса. Гробовое молчание воцарилось под сенью храма, когда отзвучала последняя речь и Сигизмунда спросили: «Ваше величество император! Каково будет ваше окончательное решение: за учение Гуса или против? Признаёте ли его еретиком, заслуживающим смерти?» Вопрошаемый взволнованным голосом ответил так: «Продолжаю утверждать, что Гус вполне заслуживает смерти, если не отречётся». Сказав это, он встал и хотел удалиться.

Тогда Гус мужественно спросил: «Ваше императорское величество! Неужели вы сами уничтожаете вашу охранную грамоту, скреплённую вашей печатью и подписью, беря на свою голову преступление и вероломство?»

 $^{^{2}}$ Те, кто голосовал за оправдание Гуса, кончали свои выступления словом «Да!», сторонники его казни — слово «Нет!»

³Чешский феодал, сопровождавший Гуса на собор.

⁴По-чешски *hus* означает «гусь». Отсюда все аллюзии в речах.

«Я действительно обещал тебе, еретик, безопасный проезд, но только сюда, а это ты получил. Обратного же пути я не обещал. Твоё требование не основательно. Тебя осудил собор большинством голосов». Так ответил Сигизмунд.

[Уловка императора не помогла: в глазах современников, даже и тех, кто приветствовал приговор собора, Сигизмунд покрыл себя позором. В те времена слово монархов ещё ценилось, и европейское рыцарство молчаливо признало Сигизмунда обманщиком и клятвопреступником.

Ян Гус был сожжён заживо 6 июля 1415 года. Согласно легенде, к его костру приблизилась бедная простая старушка и благочестиво подбросила свою вязанку хвороста в костёр еретика. И горящий Гус сказал: «О sancta simplicitas» («О святая простота!»). Так или иначе, Гус встретил смерть мужественно. Менее чем через год был сожжён Иероним Пражский (1416). Его мужество перед смертью поразило даже врагов⁵.

Казнь Гуса ускорила взрыв чешской крестьянской войны, проходившей под знаменем гуситской реформации.

В 1415 году Констанцский собор низложил двоих из трёх тогдашних пап, а в 1417 — и третьего, после чего папой был избран Мартин V (1417—1431). Его избрание положило конец Великой Схизме.

Собор принял пять декретов о реформе церкви, согласно которым вселенские соборы превращались в постоянный институт, контролирующий действия папской власти, и <u>стоящий над ней</u>. Устанавливались твёрдый порядок и сроки созыва вселенских соборов.

Сигизмунд Люксембургский командовал европейским рыцарством в знаменитой битве при Никополе (1396), где турецкий султан Баязид нанёс сокрушительное поражение христианским войскам.

Венцеслав IV по прозванию Π ьяница, из Люксембургской династии, был королём Богемии в 1372—1419 годах и германским императором в 1378—1410. Венцеслав был сыном Карла IV и родился в 1361; с детства провозглашён королём Чехии, с 1378 — императором, в 1400 низложён и брошен в тюрьму. Жестокий и развратный король.

⁵Итальянский гуманист *Поджо Браччолини* (около 1380—1459) в качестве чиновника курии присутствовал на Констанцском соборе. По его отзыву, никто из современников не приближается до такой степени, как Иероним Пражский к великим ораторам древности. По философскому спокойствию Иероним — истинный стоик. Поджо пишет в одном из писем об Иерониме: «Он стоял бесстрашно, не только презирая смерть, но даже желая её, так что ты назвал бы его вторым Катоном. О муж, достойный вечной памяти!» Поджо тут же добавляет, что, удивляясь его талантам и знанию, он не может одобрить его антицерковных принципов. — Именно Иероним привёз из Оксфорда в Прагу тезисы Уиклифа и ознакомил с ними своего друга Гуса.

36. Ответ чехов.

Казнь Гуса вызвала сильное волнение в Чехии. Толпы крестьян шли в горы и слушали там проповеди последователей Гуса, которые уже прямо призывали к оружию. В 1418 папа Мартин V издал буллу против <u>гуситов</u>, в которой подверг чехов грубейшим оскорблениям.

В 1419 произошло восстание в Праге; борьба началась по всей стране — изгнание немецких феодалов, епископов и монахов, разгром монастырей и церквей.

Излюбленным местом народных собраний была гора <u>Табор</u> в Южной Чехии. В июле 1419 года здесь собралось около 42.000 крестьян и горожан; к ним примкнула мелкая шляхта и часть <u>панов</u> (чешских феодалов). Они создали новый город, обнесли его мощными укреплениями и назвали *Табором*. Все люди, приходившие в Табор, клали свои деньги и драгоценности в специальные бочки, стоявшие на улицах: так создавалась казна восстания. Частную собственность табориты объявили смертным грехом. «Всех господ, дворян и рыцарей следует уничтожить, как сорную траву». Табориты ввели богослужение на чешском языке, провозгласили реформу церкви и доходили до республиканских планов: государство без короля.

Это было левое крыло гуситского движения, а первое образовалось из бюргеров, шляхты и панов, стремившихся к захвату церковных богатств: они получили название <u>чашников</u> или <u>каликстинцев</u> (от лат. calix = чаша), ибо на своих знамёнах изображали <u>чашу для причащения</u> и требовали причащения всех верующих и хлебом, и вином: «Верните нам чашу!» Их называли также <u>утраквистами</u> (sub utraque species = под обоими видами).

В 1420 году Мартин V провозгласил <u>крестовый поход</u> против гуситов. В Чехию вторглось 100.000-ое войско крестоносцев и двинулось на Прагу, отмечая свой путь пожарами и потоками крови. Крестоносцы осадили Прагу, но были здесь наголову разбиты у восточных ворот и в смятении бежали от стен Праги (1420).

В 1420—1431 всего было организовано <u>пять крестовых походов</u> против гуситов, и все они потерпели поражение. Вождь гуситов, обедневший рыцарь <u>Ян Жижка</u>, прославился на всю Европу. Вскоре после победы под Прагой он был ранен в голову и ослеп, но продолжал командовать. Враги прозвали его «страшный слепец». В 1424 он умер (в возрасте 54 лет), и табориты стали называть себя «сиротами». После его смерти народную армию возглавил Прокоп Большой.

Табориты перешли в наступление, вступили на территорию Австрии, Саксонии, Баварии, совершали победоносные походы в Польшу и Венгрию, далеко проникли в глубину Германии, а в 1433 даже вышли к Балтийскому морю.

Поскольку они громили монастыри и феодальные замки, но не трогали хижин, немецкое крестьянство колебалось в отношении этих чужаков. В Германии и Польше начались созвучные гуситам народные восстания. «Чешский яд» (т. е. идеи таборитов) распространялся по всей Европе.

Ересь Яна Гуса не только подрывала церковь, но и угрожала всему социальному порядку феодальной Европы. Так ответили чехи на сожжение Яна Гуса и Иеронима.

Справиться с гуситами в открытом бою было невозможно. Оставались только кривые пути — самые испытанные.

К ним прибегнул Базельский собор (1431—1449), пытавшийся осуществить коренную перестройку католической церкви. Собор постановил, что давать мирянам причастие под двумя видами — профанация. Но главное, что сделал собор, — это решение (для церкви) «чешской проблемы».

Обзор гуситских войн

Гус бичевал разврат и алчность князей церкви, требовал конфискации церковных земель и отмены индульгенций, перевёл на чешский язык священные книги. Папу он называл Антихристом, а учение о непогрешимости папы <u>богохульством</u>. Сторонник Гуса Иероним водил по улицам Праги всем известную блудницу с индульгенцией на шее, а потом сжёг индульгенцию.

Немцы ненавидели Гуса; король Венцеслав IV, бароны и герцоги, папы и кардиналы объявили Гуса врагом христианской веры. Констанцский собор потребовал Гуса к ответу. Гус колебался, ехать ли ему в Констанц, но император Сигизмунд обещал ему полную безопасность и дал охранную грамоту. На собор Гуса привели в цепях. 5 июля 1415 ему был вынесен смертный приговор, а на другой день его сожгли. Прах Гуса, тщательно собранный, был брошен в Рейн. Современные летописи говорят, что гуситы перенесли в Прагу часть той земли, на которой Гус испустил дух.

Предательское убийство Гуса ещё более усилило национально-религиозное движение в Чехии. Гуситы изгоняли католических попов. В 1419 дошло до открытого восстания: чешское население Праги бросилось громить церкви и монастыри, ремесленники взяли штурмом ратушу, где заперлись члены городского совета, и двух советников выбросили из окон. Как раз умер Венцеслав, и чехи отказались признать своим королём императора Сигизмунда, который предал Гуса.

Папа объявил крестовый поход против гуситов. Взяли крест преимущественно немцы, к которым примкнули рыцари всех стран Европы: от Испании до Польши. Во главе с Сигизмундом они двинулись на Прагу, означая свой путь огнём и кровью.

Разбитые гуситами, крестоносцы рассыпались по Чехии, грабя и опустошая беззащитные селения. В ответ на это гуситы разрушали католические храмы и монастыри, захватывали земли церкви, короля и католических феодалов. Земель феодалов — чехов, принявших реформу Гуса, гуситы не трогали.

Гербом гуситов служила кроваво-красная <u>чаша</u>, которую они изображали на своих чёрных знамёнах. Эти <u>чашники</u> были самые набожные люди, свои крепости они называли библейскими именами: *Табор*, *Сион*, *Вифлеем*. От названия города Табор произошло наименование всего левого крыла гуситов. Даже во время походов, в полях и лесах, гуситы служили долгие полевые обедни.

Чаша стала символом того религиозного повода, которым воспользовалась гуситская национальная революция. «Славная чаша, к которой бедняк шёл утолять и обновлять свою душу, скрылась в шкатулке из кедрового дерева, разукрашенной деревом, откуда причастие извлекалось только для того, чтобы приблизиться к устам

священника. Он один стал достоин вкушать от крови и слёз Христа. Смиренный верующий должен был, став на колени, лизать его руку, чтобы вкусить хлеб ангелов. Теперь вы понимаете, почему народ закричал в один голос: "Чашу, верните нам чашу! Чашу для простого народа, чашу для детей, женщин, грешников и бездомных! Чашу для всех нищих, всех убогих и телом и духом!" Таков был крик возмущения, соединивший всю Чехию».

Табориты (из крестьян, ремесленников, рудокопов) составили левое крыло гуситского движения. Главной их силой были крестьяне: для них война против немцев была войной против феодалов, против крепостного строя. Крайние табориты требовали полной отмены частной собственности и установления общности имущества. К таборитам примкнули некоторые разорившиеся чешские рыцари.

В Риме гуситов называли «утраквистами», ибо последователи Яна Гуса требовали и исполняли Святое Причастие <u>под обоими видами</u> (sub utraque species) — хлебом и вином. Табориты исповедовали закон дележа и полного равенства, верили в вечную жизнь и перевоплощение душ, ждали пришествия и торжества Христа и <u>телесного воскресения</u> Яна Гуса, а позже Яна Жижки и Прокопа Лысого.

Рыцарь <u>Ян Жижка из Трочнова</u> (1360—1424), известный полководец, герой сражения при Грюнвальде в 1410, был любимым вождём таборитов. На возвышенности Табора он создал мощную народную армию, вооружённую цепами и пиками. Сплочённые суровой дисциплиной, подвижные и быстрые войска Жижки дошли до самой Праги и дважды наголову разбили малоподвижную, тяжёлую, закованную в железо конницу кайзера Сигизмунда.

Монастыри в Чехии были разграблены, иностранцы изгнаны. Табориты были беспощадны к врагам. Кровь лилась рекой, горели сёла и города, осквернялись римские храмы. Табориты вешали католиков, уничтожали монастыри, бросали в кипящую смолу монахов и попов. Немцы отвечали равной жестокостью. Города обращались в развалины, целые области опустошались; немцы бросали тысячи гуситов в рудники. Но свирепые и непоколебимо твёрдые гуситы продолжали свою борьбу.

Немца организовали в 1420—1431 <u>пять крестовых походов против гуситов</u>. Все пять походов закончились полной неудачей. Против рыцарской конницы Жижка выставил превосходную пехоту и лёгкую артиллерию, передвигавшуюся на повозках. Из обозных телег, скреплённых цепями и досками, Жижка устраивал неприступные укрепления. Высокие стены больших повозок были прорезаны бойницами, из которых торчали самопалы и пушки. В защите этих передвижных крепостей участвовали женщины.

В одном из сражений Жижка был ранен стрелой и потерял зрение, но продолжал командовать войсками; они называли его «Отцом». Его никогда не покидали четверо верных людей, которые правили его лошадью или телегой и заменяли ему глаза, давая подробнейший отчёт об окружающей местности и передвижениях императорских войск. Он очень хорошо знал и помнил Чехию, это позволяло ему командовать вслепую.

Однажды на восточном склоне Чешского Леса⁶ на пути Жижки встала крепость Riesenburg («Замок Великанов»), в которой засели саксонцы. Жижка приказал взять крепость. Была ночь; солдаты заворчали: «Слепой думает, что все могут обойтись без света, как и он».

«— Дети, — сказал Жижка, обладавший очень острым слухом, — зажгите соседнюю деревню и при свете её возьмите замок».

Деревня запылала; через 2 часа Ризенбург был взят. Жижке доложили, что среди обгорелых развалин деревни сохранился молодой крепкий дуб.

«— Вот и хорошо, — сказал Жижка, — повесьте на его ветвях двадцать августинцев, захваченных вчера в монастыре».

Одно лишь имя грозного вождя каликстинов наводило страх на врагов. Войска Жижки были очень подвижны и появлялись там, где их не ждали. Рассказывают, что крестоносцы обращались в бегство при одном стуке гуситских телег. Армия гуситов была набрана на основе всеобщей воинской повинности; в ней была введена суровая дисциплина и господствовало революционное воодушевление. «Врагов не бойтесь, на множество их не смотрите», говорил Ян Жижка. Немцев он истреблял безжалостно, называя их идумеянами и моавитянами (упоминаемые в Библии народы, враждебные Израилю).

Мрачная легенда окружала его имя. У Жижки когда-то была сестра Ванда, монахиня; она умерла в своём монастыре от стыда и горя, изнасилованная гнусным монахом. С тех пор вся жизнь великого фанатика стала долгой местью за сестру. При погребальном звоне монастырских колоколов худые, полунагие и свирепые табориты спускались с вершин своих укреплённых гор. Ян Жижка, как молния мчался в своей колеснице, в круглой каске, ржавом панцыре, с окровавленной повязкой на глазах. Враги бежали перед «Грозным Слепцом».

Жижка умер в 1424 году, и табориты стали называть себя «сиротами». Его могила находилась в г. Чеславе и была разрушена в 1623 году. После смерти Жижки $\underline{\imath emmahom}$ и «отцом таборитов» стал $\underline{\Pi}$ рокоп $\underline{\Gamma}$ олый (т. е. Лысый, с голой макушкой).

⁶Чешский Лес — хребет из западных отрогов Карпат, отделяет Баварию от Чехии. Этот хребет получил своё имя (Чешский лес, Böhmer Wald) от вековых сосновых лесов, покрывающих его.

От обороны гуситы перешли к наступлению, ходили на Германию, достигли балтийских берегов и всюду распространяли своё учение, находившее отклик в немецком народе и прозванное врагами «чешский яд».

Гуситы отвергали <u>тайну исповеди</u>, отвергали необходимость разрешения священника на святое причастие. Они причащались в любое время. Священнослужители Рима в церквах употребляли для причастия золотые чаши, украшенные драгоценными каменьями. Гуситы, подражая бедности апостолов и протестуя против пышности римской церкви, причащались из деревянных чаш, все вместе. Рыцарь пил освящённое вино из одной чаши с нищим.

Когда гусит погибал в бою, его клали в могилу и покрывали громадным гуситским деревянным щитом, на котором была выгравирована чаша и надпись по латыни: «Смерть, как горестно воспоминание о тебе для злых людей, но с каким спокойствием думает о тебе тот, кто поступает справедливо, памятуя о своей кончине». Это три стиха из 41 главы Экклезиаста.

Таус — чешский городок на восточном склоне Чешского Леса, по дороге из Пльзена в Регенсбург (Бавария). Этот городок по-чешски называется $\underline{\mathcal{A}oмажлице}$, а хребет Чешский Лес — Шумава.

Он покрыт густыми лесами пихт, буков, дубов, обилен журчащими водами; в долинах лежат маленькие голубые озёра. Между северной и южной половиной Шумавы открывается широкий проход из Чехии в Баварию, находящийся к востоку от города Тауса. В Средние века через эту брешь немцы не раз вторгались в Чехию. Другой проход, гораздо более возвышенный и с древних пор служивший мирным торговым целям, назывался «Золотой Тропой».

В 1431 году возле Тауса (это Западная Чехия) гуситы разбили пятый крестовый поход немцев, которым руководил бранденбургский курфюрст Фридрих І. Это был последний поход. Феодальное войско потеряло боевой дух. Рыцари, оружие которых освятил на борьбу против еретиков кардинал, легат папы, разбежались при первом приближении чешской народной армии.

Эти войны велись главным образом силами таборитов. Умеренные сами боялись таборитов и искали соглашения с немцами. Кайзер Сигизмунд решил принять требования умеренных: он согласился, чтобы за ними остались земли, отобранные у католической церкви, согласился на самостоятельность чешской церкви. Тогда умеренные признали императора Сигизмунда королём Чехии (как он именовался с 1419, после смерти Венцеслава).

Табориты восприняли это соглашение как предательство своих недавних союзников. Началась война <u>внутри</u> чешской нации — между умеренными и таборитами.

Умеренные предательски напали на лагерь таборитов при <u>Лъпанах</u> и одержали победу (30 мая 1434 года). В этом сражении геройски погиб Прокоп Голый. Чешские феодалы и бюргеры торжествовали. Прага была предана немцам. Император Сигизмунд подтвердил права и привилегии умеренных.

Но последние табориты ещё боролись и после этого. Героем этой борьбы стал $\underline{\mathit{Я}}_{\mathsf{H}}$ Рогач.

Один из гуситских полководцев, таборитский гетман Ян Рогач, покидает Прагу. Он уцелел в трагическом сражении при Липанах. Рогач отправляется в Табор, город свободолюбивых чехов, а оттуда в крепость Сион, где собирает последних таборитов для новой борьбы со знатью и немцами. В день коронации Сигизмунда на чешский королевский престол послы Яна Рогача объявляют Сигизмунду войну от имени чешского народа. Снова в чешских горах и долах палят мушкеты и стучат сабли по панцырям, как молоты по наковальням. В неравных боях тают силы Рогача; дерутся, как львы, и гибнут табориты, а по трупам их скачет регулярная конница феодалов и маршируют немецкие ландскнехты. Сион окурен пушечным дымом. С мечом в руках гибнут его защитники. Рвы наполнены трупами в разбитых латах. Ян Рогач истекает кровью, несколько стрел сидят в нем, под тяжестью навалившихся врагов он падает. И вот его и немногих уцелевших защитников Сиона ведут на казнь. Гордый и несгибаемый, как старый дуб, восходит он на эшафот, скрипящий под его ногами. Последние слова его звучат, как клич, как призыв. Он гибнет. Над всеми таборитами произведена жестокая расправа. Восстание подавлено.

Pravda vitazi (правда победит) — лозунг гуситов.

<u>Либуша</u> — легендарная чешская королева (VII век н. э.), жена Пржемысла, основателя чешской королевской династии Пржемысловичей.

<u>Святой Вацлав</u> — католический святой, патрон Чехии.

В IX веке Великая Моравия образовала единое государство, христианизированное двумя греческими миссионерами, святыми Кириллом и Мефодием. Оно пало в X веке под натиском мадьяр, и центр державы сместился к Западу. Богемское герцогство (Чехия) со столицей в Праге приобрело большое значение при Пржемысловичах, особенно при Венцеславе Святом (умер в 929), при Вратиславе II (1061—1092), который венчался королевской короной, и при Оттокаре II, который взошёл на королевский престол в 1253 году и который владел Австрией и Штирией. В 1310 году род Пржемысловичей угас; на принцессе из этой династии был женат Жан Люксембургский, и чешская корона перешла к Люксембургам. Жан погиб в битве при Креси, где он сражался на стороне французов.

Карл IV Люксембургский (1348—1378) во многом способствовал развитию Чехию и украшению Праги. Особая «золотая булла» урегулировала взаимоотношения Чехии и Империи. При Карле IV Чехия достигла апогея своего могущества и процветания.

При Венцеславе IV (1378—1419) и Сигизмунде (1419—1437) разыгралось движение гуситов и кровавые религиозные войны. Георгий Подибрад (1420—1471), с 1458 занявший чешский престол, был активным и энергичным королём. Но только династия Ягеллонов (из Польши), царившая в Чехии с 1471 по 1526, восстановила порядок.

После Ягеллонов чешская корона перешла к Габсбургам, которые сначала правили Венгрией и Чехией на основании простой личной унии. С 1545 года Чехия утратила самостоятельность и влилась в состав Австрии. Снова началась усиленная денационализация страны и проникновение немцев.

Император Сигизмунд Люксембургский владел 7 языками, был любителем искусства и внимательно следил за сменой моды и стиля в Западной Европе.

<Черновой фрагмент о гуситских войнах>

В начале 1419 года император Венцеслав начал ограничивать богослужение утраквистов, на стороне которых была вся Прага, и стал метать громы и молнии против еретиков. Его лучший государственный деятель Николай из Гусинца и лучший полководец Жижка из Трочнова, старый воин, прославивший свой герб на полях Грюнвальда, бросили службу у Венцеслава. Кайзер бежал из замка Вышеграда в замок Венцельштейн близ Кунратица. Венцеслав объявил Жижку и Николая из Гусинца еретиками и изгнал их из страны. На горе Табор утраквисты основали свой лагерь; эта гора есть холм Градшт у Лужницы, с трёх сторон окружённый ущельями, в которых текут многоводные реки; с 4-й же стороны этот холм был неприступен, как крепость.

На горе Табор священники летом 1419 года совершали под открытым небом богослужение, на которое стекались многотысячные толпы. 23 июля 1419 года Николай из Гусинца собрал здесь со всех концов Чехии 42.000 мужчин, женщин и детей на религиозный национальный праздник; собравшиеся называли себя народом божьим и коленом Иуды. По их словам, крестьяне и дворяне — братья. Праздник на усеянном палатками холме продолжался несколько дней; всё носило мирный характер. Венцеслав поставил на место смещённых гуситов в магистрате Нового города в Праге их врагов и собирался сделать то же самое в Старом городе и в Малом городе. 30 июня 1419 года процессия по всем улицам Праги, под руководством бывшего монаха Иоанна, основавшего в Новом городе в Праге фанатическую секту <нрэб> магистратом, правоверными католиками — горожанами и служителями городского совета. Тогда толпа при поддержке Жижки и его вооружённых людей штурмом взяла ратушу; 7 муниципальных советников и городской судья Никлашек были выброшены из окон; их подхватили на копья и убили; прочие советники скрылись.

16 августа 1419 года Венцеслав умер. Это послужило сигналом к всеобщему восстанию в Чехии; гуситы всюду взяли власть в свои руки. 29 сентября и 11 ноября 1419 года снова собрания на горе Табор, в которых участвовал Жижка во главе 4.000 воинов и гуситский священник Вацлав Коранда. Большинство городов ещё долго оставалось во власти немцев с одобрения большинства чешских магнатов. Жижка через фанатических проповедников и путём прокламаций обратился к крестьянам и к всему чешскому населению, призывая не доверять ни одному немцу и не щадить ни одного из них. Началась борьба против «антихриста». В Праге удержались у власти умеренные, имевшие пушки и мушкеты. Но в городе происходили убийства и пожары дворцов. Все чешские города, кроме 5, были в руках умеренных. Жижка разбил рыцарей у Пильзена и

отнял у них этот город. В кровавой сече фанатики разбили Розенберга, опустошили Аусти, построили крепость на горе Табор. Число умеренных было ещё велико.

Папа Мартин V издал буллу, призывавшую к крестовому походу против гуситов. Пражские горожане и университет высказались против прохвоста Сигизмунда и впустили в Прагу Жижку и его таборитов. Чехи объявили кайзера Сигизмунда низложенным и врагом чешской нации. Тогда немецкие князья и епископы, боясь, весьма основательно, что немецкий народ потребует того же, что и чешский решили задушить молодую революцию.

Курфюрсты, епископы, рыцари и графы привели шайки ландскнехтов; сверх того явились тысячи насильственно набранных горожан и крестьян, которых князья и рыцари сгоняли, как стада баранов, и которые при первом же удобном случае убегали. Крестоносцы подошли с Запада и встретились у Праги с прохвостом Сигизмундом, подошедшим из Силезии; соединённое войско состояло из 150.000 человек.

14 июля 1420 года в Праге Жижка отбил штурм немцев, затем нанёс им решительное поражение на горе, носящей с того времени имя горы Жижки. За недостатком продовольствия немцы начали разорять окрестности Праги: это вызвало месть славян.

Жижка и Сигизмунд старались превзойти друг друга в жестокости: со стороны чехов зверства совершались преимущественно крестьянами двух фанатических сект — хоривитов и таборитов — и дикими воинами Жижки, которые впоследствии после смерти своего «отца» Жижки, стали называть себя сиротами (орфанитами). Весь июль пражские умеренные вели тщетные переговоры с Сигизмундом.

19 июля несколько фанатиков Жижки подожгло в немецком лагере под Прагой шалаши, построенные из хвороста и валежника; буря и ветер усиливали пламя.

30 июня 1420 года немецкие остолопы с позором возвратились домой. Сигизмунд, однако, успел устроить своё коронование пражским архиепископом, в руках которого ещё находился пражский замок, оставил в крепости Вышеграда гарнизон и уехал. Революционеры своим натиском довели Вышеград до крайности. Сигизмунд вернулся с войском из ещё верных ему чехов и моравов. 1 ноября 1420 года в битве под Вышеградом «Прохвост» был наголову разбит и бежал вместе со своим войском.

2 ноября Вышеград сдался. В последовавшей войне венгры прохвоста Сигизмунда и фанатики Жижки старались превзойти друг друга, предавая огню города и сёла, убивая и калеча людей. В конце 1420 года Николай из Гусинца умер; Жижка тогда оказался один во главе всех «неумеренных».

В начале 1421 года Жижка двинулся со своими организованными отрядами в Моравию, толпами жёг чехов — католиков, а также «безбожных» адамитов, всюду разбивал королевские войска.

K концу февраля 1421 года Прохвост был вынужден отступить из Чехии в Моравию.

Жижка варварскими средствам добился на ландтаге в Чеславе в июле 1421 года всеобщего признания 4-х статей, выставленных раньше умеренными. До избрания нового короля ландтаг назначил временное правительство из 20 директоров. С сектами Жижка не справился, но на поле сражения он был непобедим, хотя один глаз его был совсем слеп, другой сильно повреждён на войне. Жижка нашёл себе двух младших военачальников в лице двух монахов, которые оба носили имя Прокоп: их различали по росту: высокого звали Прокоп Большой или Прокоп Голый (т. е. с голой макушкой, постриженный монах), а более низкого ростом звали Прокоп Малый или Прокопек.

После отступления Сигизмунда с войском из Чехии табориты, хоривиты и другие вторглись в соседние страны; «несказанно — и по заслугам — от их диких набегов страдали немцы».

Прохвост вэдумал спекулировать своей дочерью Елизаветой; одно время он даже думал её продать турецкому султану. Ей было тогда 12 лет; в конце концов она осталась за Альбрехтом II Австрийским, с которым была помолвлена ещё в колыбели (с 2 лет). Сигизмунд должен был Альбрехту 200.000 дукатов, истраченных на войну в Чехии, и Альбрехт обещал уплатить за эту скотину ещё 60.000 дукатов наличным. Уже в 1422 году Елизавета обвенчалась с Альбрехтом II Австрийским, которому Прохвост уступил также и Моравию. «Альбрехт II свирепствовал в Австрии против еретиков и евреев и сжигал их сотнями; он был твердолобый католик (dick-kupfig Orthodox); своими походами против гуситов он привлёк последних в Австрию, которую они основательно разорили. Войска, снаряжённые Альбрехтом и подкреплённые мадьярскими и кужинскими ордами Прохвоста, терпели одно поражение за другим; так, например, в сентябре 1421 года под Жатцем (Заац), поджидая Сигизмунда с востока, стояли лагерем маркграф Мейссенский, курфюрсты Майнцский и Бранденбургский и много других епископов и феодалов. При получении известия о приближении Жижки войско немцев обратилось в паническое бегство; во время бегства бульшая часть его была перебита».

В ноябре 1421 года Прохвост явился с войском, которым командовал «кондотьйрро» Пипо из Флоренции; он дошёл до Праги и был уверен, что окружил Жижку у Куттенберга, но Жижка ночью прорвался через армию немцев. В январе 1422 года немецкая армия отступила. «У Немецкого Брода её настиг Жижка, разгромил, отнял знамёна и обоз, рассеял и преследовал до Иглау. Сигизмунд лично предал огню

Куттенберг и перебил его жителей; Жижка сделал то же самое в Немецком Броде, который после этого на 14 лет превратился в пустыню.

Летом 1422 года Сигизмунд отправился на германский сейм в Нюрнберг; всяческие бумажные мероприятия относительно крестового похода против Чехии. Предводитель его Гогенцоллерн Фридрих Бранденбургский принял в церкви святого Зебальда в Нюрнберге освящённое папой знамя. Но и этот «крестовый поход» не удался. Теперь в Германии Сигизмунд мог рассчитывать на одного Альбрехта Австрийского и на нового курфюрста саксонского, которым, по пресечении асканской линии в 1422 году, Прохвост на другой год назначил Фридриха Строптивого, маркграфа Мейссенского и ландграфа Тюрингенского.

В октябре 1424 года Жижка умер. Среди вождей самых ярых фанатиков, которые стали называть себя теперь «сиротами» (осиротевшими), самым выдающимся был Прокоп Малый; прочие — табориты — находились под влиянием Прокопа Большого. Одни магнаты вели переговоры с Прохвостом, другие, а также горожане Праги, с литовским принцем Сигизмундом Корибутом, приезжавшим в Чехию в 1422 году, когда пражане предложили ему корону, но уже в 1423 году вновь уехавшим домой. Фридрих Строптивый, новый саксонский курфюрст, желал использовать смуту в Чехии для расширения своих владений, но чехи разорили переданные ему Прохвостом пограничные города Дукс и Брикс, вырезали жителей, разбили спешившие на помощь саксонские и тюрингенские войска, уничтожив в одном лишь сражении 4.000 врагов; они осадили чешский город Ауссиг (Аусти, «Усти на Λ абе»), тоже незадолго перед тем перешедший к Саксонии. «Жена Фридриха, который находился тогда — в начале июля 1426 года из многочисленных в то время немецких сеймов, послала войско (из саксонских, тюрингенских и франконских воинов) под начальством графов Вейденского и Шварцбургского; последние, как взбесившиеся ослы (als hirntolle Elsel), пошли на приступ вагенбурга чехов; табориты нанесли немецкой сволочи страшное поражение; 15.000 немцев осталось на месте под ударами зубчатых копий и железных цепов таборитов; 4.000 повозок с провиантом и поклажей стали добычей гуситов.

«6 июля 1426 года <u>чехи взяли приступом Усти, превратили его в пепел, варварски</u> <u>перебили население</u>.

«Непрекращающиеся <u>набеги обоих Прокопов и целых полчищ фанатиков на</u> Силезию, Мейссен, Лаузиц, Саксонию и Франконию. Горожане Праги и всё чешское

⁷Вагенбург — укрепление из повозок; изобретённое гуситами.

⁸Лужиц.

рыцарство, которые были настроены умеренно монархически и вели переговоры с Сигизмундом, оказывались более слабой стороной. Иное дело табориты, находившиеся под предводительством Прокопа Большого, и фанатические секты,; не имевшие настоящего вождя; они ничего и знать не хотели о городах и крепостях, они жгли все населённые пункты, которые попадались по пути; они жили под открытым небом, лагерь их состоял из сотен повозок, связанных между собой цепями, и т. д. и т. д., они называли себя народом божьим, Чехию — обетованной землёй, жителей Мейссена — моавитянами, саксонцев — эдомитянами, а немцев — филистимлянами (Браво!)»

В апреле 1427 года новое собрание феодалов во Франкфурте составило матрикул (предписание о том, сколько войск или денег каждое сословие должно представить на войну) и военный устав из двух частей (там имелся также артиллерийский устав и говорилось о крепостных пушках, Terras-Bochsen). Главные надежды в войне с Чехией эти ослы возлагали на одну большую пушку с каменными ядрами в 150 — 200 фунтов. В Нюрнберг, где должен был собраться «ландштурм» (ополчение), явились только курфюрст Оттон Трирский и некоторые другие, да и те потом улетучились.

В июле 1427 года гуситы произвели необычайные опустошения и грабежи в Силезии, Саксонии, Мейссене, Франконии. Тогда состоялось соглашение о всеобщем имперском походе в Чехию. Сборным пунктом для соединения шедших с разных сторон войск был назначен город Мис. Как только весть об этом распространилась по Чехии, все партии объединились: пражская пехота вместе с таборитами под предводительством Прокопа Большого, табориты с 500 повозками, орфаниты с 200 повозками, хоривиты с пехотой, даже католические феодалы с их рыщарями — все они двинулись на Мис. 21 июля 1427 года саксонцы, прибывшие в Мис раньше других немецких войск, пытались отступить к франконской границе, откуда должны были вторгнуться прочие имперские войска. Это отступление при преследовании со стороны гуситов превратилось в паническое бегство; гуситы убили около 12.000 бегущих и захватили весь их обоз и артиллерию. Узнав об этом, две другие немецкие армии, из которых одна, бранденбургская, должна была вторгнуться в Чехию у Эгера, а другая у Тауса, повернули назад. Прокоп взял Тахов (город в Богемском лесу), уничтожил его вместе с его жителями, но потерпел неудачу под Пильзеном.

В 1427 году сейм в Гейдельберге решил набрать регулярное имперское войско, взимать военный налог. Вербовка была поручена Фридриху Бранденбургскому, назначенному главнокомандующим, и папскому легату кардиналу Генриху Винчестерскому. Часть денег была собрана и присвоена сборщиками. К этому и свелись результаты сейма. Тем временем гуситы взяли Плацен, разбили саксонцев при Гримме, проникли дальше за Лейпциг и вглубь Марки.

В 1428 году Австрия и Моравия изнемогали от военных налогов Альбрехта II, а гуситы безуспешно пытались взять Брно; вскоре после этого они дошли самой Вены, под которой они одно время стояли лагерем у Нусдорфа.

«В 1427—1429 годах гуситы, которые в эти годы трепали (zausen) Силезию, Лаузиц, Мейссен, Верхнюю и Нижнюю Саксонию, Франконию и Баварию, разрушили более 500 укреплённых городов; в то время внутри страны те же табориты, хоривиты и другие фанатики, превратившись в организованные разбойничьи банды, успешно воевали с пражанами, с баронами, с приверженцами Сигизмунда и с немцами, жившими в Чехии».

Весной 1429 года казалось, что будет заключён мир с Прохвостом; последний пригласил вождей гуситов для переговоров; в связи с этим решено было заключить перемирие до июня; в Пресбург, где находились Сигизмунд и Альбрехт II, явился во главе депутации Прокоп Большой и поставил неприемлемые условия: признать библию за основу веры, разрешить причащение «Sub utraque species», даровать амнистию вождям чехом и т. д. Ничего не вышло.

В сентябре 1429 года табориты и хоривиты возобновили свои опустошающие походы, произвели набеги на Моравию, Силезию и Саксонию; в Дрездене был выжжен Старый город, тогда как курфюрст Фридрих Миролюбивый (сын «Строптивого») заперся в Новом городе; все города до Магдебурга были обращены в пепел; сгорели все деревни Лаузица. Когда город Герлиц в ответ на требование сдаться зашил гуситских посланцев в мешки и утопил их, то зав это пришлось поплатиться жителям соседних местностей.

В начале 1430 года под предводительством Прокопа Большого вся Чехия устремилась на Германию (20.000 конных и 52.000 пехотинцев, свыше 3.000 повозок, запряжённых по 10 — 12 лошадей в повозку, которых повозок, однако, потом не хватило для вывоза добычи). Саксония и Франкония превращены были в пустыню; свыше 100 городов были сожжены, все стада уведены были Чехию; главный военачальник Фридрих Бранденбургский откупился от гуситов 10.000-ами дукатов, город Эгер — 1.700 дукатов, Нюрнберг — 10.000-ами дукатов, епископ Бамбергский — 9 тысячами, баварский герцог Иоанн — 10 тысячами дукатов. Ансбах, Эйхштадт и Зальцбург тоже за большие деньги откупились от разгрома. Венгрия и Польша также испытали на себе гуситские набеги.

В конце 1422 года сейм в венгерском городе Пресбурге; там лежал «Прохвост», страдая от подагры. Целью сейма было добиться прибытия Сигизмунда на сейм в Нюрнберге; венгерские магнаты согласились на это лишь с условием, что после сейма он немедленно же возвратится в Венгрию. В середине сентября 1430 года Сигизмунд

прибыл на Нюрнбергский сейм (он должен был приехать в марте, но по обыкновению бил баклуши в пути и попусту растрачивал время). Большинство представителей сословий уже уехало; Сигизмунд созвал новый сейм на ноябрь, но лишь в феврале 1431 года состоялся сейм в Нюрнберге, более многолюдный, чем все последние сеймы, в связи с набегами гуситов. В апреле 1431 года принято было решение о матрикуле и военном уставе. Из этого ничего не вышло. В то же время было принято решение о земском мире до дня святого Мартина в 1432 году. Это тоже ни к чему не привело. Между тем кардинал Юлиан, посланный папой в качестве легата в Нюрнберг, проповедовал крестовый поход против гуситов.

В то самое время, когда в Нюрнберге заседал сейм, различные гуситские партии провели религиозный сейм; на нём выяснилось, что утраквисты (или каликстины) в такой же мере вернулись обратно к старой церкви, в какой всё более удалялись от неё фанатические и апокалиптические секты, совершенно одичавшие в своих разбойничьих походах. Поэтому умеренные гуситы послали в Эгер депутацию — и в числе её Прокопа Большого — для переговоров о соглашении с уполномоченными Сигизмунда. Никаких результатов. Кроме того, Прокоп получил сведения об иступлённых проповедях крестового похода, которые Юлиан произносил перед навербованным войском; национальный момент сразу сплотил все партии в Чехии. Ещё прежде, чем немецкое войско двинулось в поход, гуситы заняли все подступы к стране; в Пильзенском округе был сделан смотр, на который собрали 50.000 пехотинцев, 5.000 конницы, 4.000 повозок и много пушек. Юлиан же своей проповедью собрал в Германии 40.000 всадников и лишь немного пехоты.

26 июня 1431 года в церкви святого Зебальда в Нюрнберге Сигизмунд, оставшийся в Нюрнберге [вопреки воле венгерских магнатов], возложил на Гогенцоллерна Фридриха Бранденбургского главное командование армией крестоносцев; причём в числе прочих комедий елейная речь кардинала Юлиана.

«В первых числах августа 1431 года <u>имперская армия, сопровождаемая</u> кардиналом Юлианом, вторглась в различных местах в Чехию; при <u>Тахове одна часть с самого же начала оказалась позорно разбитой и рассеялась</u> во все стороны.

Фридрих Гогенцоллерн стянул к себе все прочие части и расположился со всей немецкой армией лагерем близ Тауса; неожиданно здесь появилось войско гуситов под предводительством Прокопа Большого (крайне озлобленное ввиду страшных опустошений, грабежей, пожаров и убийств, совершённых по наущению кардинала Юлиана). При крике «Прокоп идёт!» паника и повальное бегство охватили немецкое войско; во время этого безудержного бегства армия потеряла 11.000 человек, 2.000 повозок, 150 своих громадных пушек. Кардинальская шапка кардинала Юлиана [этот

тот самый пёс (derselbe Hund), который впоследствии вовлёк в беду венгров и которого при этом укокошили (und selbst dabei gemurxt)!], булла о крестовом походе, ризы и крест, который несли перед ним — тоже стали spolia opima⁹. И замечательно: когда один баварский герцог подал первый пример подал первый пример к бегству, то великий воин (!), главнокомандующий Гогенцоллерн, курфюрст Фридрих Бранденбургский, и не подумал даже о поддержании какого-либо порядка, а с самого же начала перестал отдавать распоряжения и удрал. [Он гораздо лучше умел давать ссуды под залог.] Прокоп Большой вторгся в Фойхтланд и в нетронутый до тех пор Остерланд. [Под Таховым он так разгромил войска саксонского курфюрства и шедших к нему на помощь баварцев, что лишь немногие уцелели. После этого курфюрст уплатой дани купил уход Прокопа].

«Силезцы откупились от гуситов, которые одновременно напали также и на них; отряд в 8.000 орфанитов проник до венгерского города Кременитца и сжёг его. Тем временем при известии о победе бедные гуситские крестьяне в Моравии восстали против фанатического гнёта своих тиранов; тогда в 1431 году Альбрехт II Австрийский, явившись в Моравию, уничтожил огнём и мечом 500 гуситских деревень; за этим последовала месть: в 1432 году гуситы разбили австрийцев».

По Карлу Марксу.

Карл Маркс так характеризует императора Сигизмунда, подло предавшего Яна Гуса: «Жалкий паразит, тунеядец, попрошайка, кутила, пьяница, трус, шут и фигляр».

37. Базельско-Флорентийский собор.

В заранее предустановленный срок, как решили в Констанце, открылся <u>XVII</u> вселенский собор, который действовал, меняя местопребывание восемнадцать лет (1431—1449): в Базеле до 1437 года, в Фарраре до 1439, во Флоренции до 1442, в Риме до 1443 и в Лозанне до 1449-го. Условно он называется Базельским или <u>Базельско-Флорентийским собором</u>.

Собор способствовал разгрому гуситского движения, войдя в соглашение с чешскими дворянами — «<u>чашниками</u>». В Базеле было подписано соглашение: за чашниками была признана собственность на захваченные ими церковные земли и допускалось отправление реформированного культа (проповедь на чешском языке,

⁹Военная добыча (лат.)

причастие верующих «*под обоими видами*»). После этого чашники выступили против таборитов, создав сильную армию на деньги папы и императора.

В 1434 у городка <u>Липаны</u> (восточнее Праги) чашники напали на таборитов и разбили их. Феодалы убивали пленных; немногих оставшихся в живых загнали в сараи и ночью сожгли. Отдельные отряды таборитов и после Липан продолжали сопротивляться, пока не пал Табор.

Последние отряды таборитов под руководством <u>Яна Рогача</u> были окружены и уничтожены в крепости <u>Сион</u> (6 сентябре 1437). Поражение таборитов повлекло за собой победу феодальной реакции над всем гуситским движением.

Однако за 15 лет гуситских войн население большинства городов стало полностью чешским; церковь не смогла вернуть утраченные земли и восстановить разрушенные таборитами монастыри. Папы уже не получали из Чехии прежних доходов.

Гуситская церковь в Чехии сохранилась до сего дня.

В 1439 году собор обвинил папу <u>Евгения IV</u> (1431—1447) в ереси и осудил его; тем не менее, Евгений занимал Святейший престол до самой смерти, ещё 8 лет. Одновременно собор избрал нового папу, интронизированного под именем <u>Феликса V</u>. Оба викария Христа предавали друг друга проклятию. Власть папы в Папской области была в то время номинальной.

Собор известен также заключением пресловутой <u>Флорентийской унии</u>. Во Флоренции 6 июля 1439 года представители двух великих христианских церквей — римской и византийской (православной) подписали <u>соглашение об объединении</u>. Значение Флорентийской унии, главным условием которой было признание папского главенства в христианской церкви, являлось не столько религиозным, сколько политическим. Издыхающая Византия рассчитывала посредством унии получить помощь Западной Европы в борьбе против турок, уже поглотивших почти всю Восточную империю.

Заключению Флорентийской унии предшествовали долгие препирательства в Ферраре и Флоренции (1438—1439) и применение католиками вооружённой силы ордена госпитальеров, или родосских рыцарей. Многие несговорчивые делегаты с Востока подверглись при этом пыткам, а несколько восточных участников собора, в том числе 6 митрополитов и константинопольский патриарх Иосиф, были умерщвлены.

В Москве действия русского митрополита Исидора, подписавшего Флорентийскую унию в качестве участника собора, были признаны незаконными, уния была объявлена недействительной, Исидор подвергнут заточению, из которого однако бежал. Лишь в некоторых областях Юго-Западной Руси (Киев, Галич и другие), подвластных литовскому князю, уния была принята.

В Византии уния была также отвергнута в 1443, 1450 и окончательно в 1472. Основные положения Флорентийской унии позже легли в основу Брестской унии 1596 года.

38. Процесс Жанны д`Арк.

Девушка в боевых доспехах, со знаменем в руках, известна всему миру. Во время Столетней войны простая крестьянка из Домреми (Лотарингия) спасла Францию и короновала в Реймсе ничтожного короля Карла VII.

Можно ли считать её фанатичкой? Нет, нехорошо. Крайняя набожность, религиозно-патриотический энтузиазм, <u>самовнушение...</u> Жанна была проста и ничего не знала об учёной мистике, но бессознательно мыслила в стиле великого архетипа <u>девы — спасительницы</u>. Может быть, в церковных проповедях она слушала историю Юдифи, которая убила Олоферна. Может быть, суеверный слух, что <u>только Дева спасёт погибающую Францию</u>, возник до того, как Жанна ощутила своё призвание и сам инспирировал её идею.

Идея женского мессианизма, <u>Дева — Спасительница</u>, но не кроткая Мария, Lumen Coeli, Sancta Rosa, а неведомая христианству воительница, франкская амазонка. Архетип героической Девы — Воительницы не укладывается в христианскую мысль. <u>Он</u> <u>чужд этой мысли</u>, как все валькирии, амазонки, Диана — охотница и другие...

Может быть, Жанна не догадывалась о призвании пока не услышала о новом мессианистическом суеверии. И тогда она сказала себе: «Да ведь это я!»

Она слышала «голоса», которые побуждали её освободить Францию от англичан. Её колоссальная вера в свою миссию — не безумия, не фанатизм, а <u>наивность</u>. Она провалилась бы сразу, если бы не то, что её наивная вера в себя вызвала <u>ответный взрыв веры</u> среди отчаявшегося французского народа. В грамотную и знатную даму никто бы не поверил, но это — простая пастушка из Домреми, с не говорил Бог, всё естественно и понятно! Народ повалил за ней.

Дальнейшее известно, все подвиги её описаны, вплоть до предательства у стен Компьеня, когда перед ней внезапно подняли крепостной мост, и она попала в руки бургундцев. Граф Люксембург продал её англичанам, которым она недавно нанесла столь крупные поражения. Англичане уплатили за неё 10.000 золотых.

Англичане не стали её убивать. Они передали Деву в руки церковного трибунала, президентом которого был епископ города Бовэ <u>Пьер Кошон</u> (Cauchon). Ректор Парижского университета он присоединился к бургундской партии и сыграл самую зловещую роль в процессе Жанны д`Арк.

В конце 1430 года Жанну перевезли в Руан, находившийся в руках англичан. Долгие месяцы она провела в тюрьме, с обритой головой, в железной клетке, с цепью на шее и на ногах. Инквизиционный суд, состоявший из французских епископов —

ставленников Англии, предъявил ей обвинение в ереси, колдовстве и связи с дьяволом. В ту эпоху колдовство было самым страшным обвинением.

Покинутая всеми, Жанна мужественно защищалась и даже <u>пыталась бежать</u>. Англичанам нужно было во что бы то ни стало осудить её как колдунью — тогда была бы скомпрометирована коронация Карла VII в Реймсе, главный подвиг Жанны после освобождения Орлеана.

Учёные прелаты, судившие Жанну, всячески старались сбить и запугать эту тёмную неграмотную девушку, но на все вопросы она отвечала разумно и с достоинством. В 1431 году в Руане экклезиастический трибунал под предводительством епископа Кошона осудил Жанну на пожизненное тюремное заключение.

Однако этого показалось мало врагам Жанны. В том же году то же судилище, объявив Жанну <u>hūrūtique et relapse</u> (еретичкой, повторно впавшей в ересь), вынесло ей <u>второй приговор</u> — смертную казнь сожжением на костре. Нарушили древний принцип «non bis in idem» (дважды за одно не судят).

30 мая 1431 года Жанна была публично сожжена в Руане как колдунья. Перед смертью она держалась с таким мужеством, что сами англичане (если верить легенде) признали у пепелища: «*Мы сожгли святию!*»

Французские войска одерживали победу за победой. В 1435 герцог Бургундский оставил своих союзников — англичан, перейдя на сторону сильнейшего.

В 1453 году Столетняя война кончилась; англичане потеряли все свои владения во Франции, кроме Кале.

После изгнания англичан Карл VII приказал пересмотреть дело Жанны д`Арк. В 1455—1456 состоялся ещё один процесс, и в 1456 году Жанна была признана невиновной в колдовстве.

В 1909 году церковь причислила её к сонму блаженных, в 1920 — <u>провозгласила</u> <u>святой</u>.

<u>39. Фома Кемпийский</u> (около 1380 — 25 июля 1471).

Thomas a Kempis, Томас Хемеркен, Хеммерлейн или Malleolus (лат. перевод прозвища Хемеркен, Хеммерляйн = молоточек) — немецкий религиозный мыслитель.

С годов учения в школе в Девентере Фома был близок к немецко-нидерландскому предреформационному течению «Братьев общей жизни» (Fratres communis vitae) и «Современного благочестия» (Devotio moderna). Эту группы были лояльны по отношению к римской церкви, но противопоставляли формализованной церковно-орденской набожности уединённое самоуглубление и моральное самоусовершенствование личности.

С 1406 года Фома Кемпийский, которому было около 25 — 26 лет, вступил в монастырь на горе святой Агнессы близ Зволле (Нидерланды); умер помощником приора.

По-видимому, Фоме Кемпийскому принадлежит трактат «О подражании Христу» («De imitatione Christi»), который получил распространение около 1418 года анонимно, в соответствии с принципом, выраженным в самой книге: «Не спрашивай, кто сказал, но направь внимание на то, что сказано».

Полемика об авторстве началась в XVII веке и затихла лишь в наше время: трактат приписывали папе Иннокентию III, Бонавентуре, канцлеру Парижского университета Жану Жерсону (Gerson), аббату Жерсану (Gersen, abbй de Verceil) и другим. Однако трактат по настроению и по насыщенному германизмами языку близок к другим произведениям Фомы Кемпийского (он оставил много религиозно-назидательных сочинений). И здесь, и там мы встречаем тихое и сдержанное, но решительное отклонение внешних религиозных «заслуг» (например, паломничеств), а также схоластических авторитетов.

Трактат «О подражании Христу» предназначен не богословам, а рядовым верующим; он излагает учение Христа ясным и простым языком, апеллируя скорее к чувству, чем к интеллекту. При этом аноним обходит вероисповедные разногласия и в основном проповедует христианские добродетели. Трактат далёк и от неоплатонической спекуляции в духе майстера Экхарта; в противовес ей он возвращается к типу мистики, известному по сочинениям Бернара из Клерво, но заменяет пыл последнего ровным, размеренным, меланхолическим умилением.

«О подражании Христу» — одна из вех на пути, ведущем от « \underline{y} много $\underline{д}$ елания» православных \underline{u} сихастов через его сентиментализацию в духе бюргерского мироощущения к \underline{n} истизму и другим созерцательно-религиозным кружкам XVII— XVIII веков. Книга выдержала $\underline{6}$ олее $\underline{2}$.000 изданий, была переведена на все языки

христианских народов и получила межвероисповедное распространение (с XVIII века — в греческих и русских православных кругах). Русский перевод трактата опубликовал Π обедоносцев.

40. Обзор средневековой философии.

И в патристике, и в выросшей из неё в VII—VIII веках схоластике философская рефлексия о предельных основаниях бытия (как и всё знание) оказывается подчинённой *теологии*. Вместе с тем, христианская схоластика и по способам философствования, и по основным решениям сохраняет преемственную связь с античной философией. Поскольку догматы христианства наиболее адекватно постигаемы в Откровении, постольку философско-рациональному знанию ставились определённые рамки и запреты, которые не вытекали из имманентных характеристик самого знания, а противоречили ему, вступали с ним в определённый конфликт. То или иное осознание этого конфликта вынуждало церковь оставлять определённое место для развития рациональнофилософской мысли, хотя даваемое ею опосредствованное познание Бога признавалось второстепенным по своему значению.

Именно в силу зависимости философии от теологии материалистическая линия не получала развития в эту эпоху, хотя тенденция к материализму представлена, например, в номинализме.

В философии Средних веков перекрещиваются две тенденции: <u>теистическая</u>, идущая от древнееврейской религии, и <u>пантеистическая</u> — от античной философии. Первая связана с пониманием Бога как личности, которая творит мир не в соответствии с неким вечным образцом, <u>а совершенно свободно</u>. Творчество есть вызывание бытия из небытия посредством волевого акта Божественной личности.

<u>Августин</u>, в отличие от неоплатоников, и в человеческой личности подчёркивает значение момента <u>воли</u>, функции которой отличаются от функций разума: для воли характерны мотивы решения, выбора, согласия или несогласия, не зависящие от разумного усмотрения. Если разум имеет дело с тем, что есть (<u>вечное бытие</u> античной философии), то воля скорее имеет дело с тем, чего нет (<u>ничто</u> восточных религий), но что впервые вызывается к жизни волевым актом.

Вторая тенденция, к которой тяготеет едва ли не бульшая часть средневековых схоластов, в том числе <u>Фома Аквинский</u>, в вопросе творчества подходит ближе к античной традиции. Бог Фомы — это добро в его завершённости, это вечный созерцающий себя разум, это «скорее совершеннейшая <u>природа</u>, нежели <u>воля</u>, сама себя

делающая совершенной» (В. Виндельбанд. История древней философии, СПб, 1898, с. 373). Поэтому понимание божественного творчества у Фомы близко к пониманию его у Платона.

Однако независимо от преобладания у христиан философов той или иной тенденции, человеческое творчество оценивается ими совершенно иначе, чем оно оценивалось античной философией. Человеческое творчество выступает в христианстве прежде всего как *творчество истории*. Не случайно философия истории возникает впервые на христианской почве («О граде божием» Августина): история есть та сфера, в которой конечные человеческие существа принимают участие в осуществлении замысла божьего о мире. Поскольку, далее не столько разум, сколько воля и волевой акт веры прежде всего связывают человека с Богом, приобретает значение <u>личное деяние</u>, индивидуальное решение как форма соучастия в творении мира Богом. Это оказывается предпосылкой понимания творчества как создания чего-то небывалого, уникального и неповторимого. При этом сферой творчества оказывается преимущественно область исторического деяния, деяния нравственного и религиозного. <u>Художественное и научное творчество, напротив, выступают как нечто второстепенное</u>.

В своём творчестве человек как бы постоянно обращён к Богу и ограничен им; поэтому Средние века никогда не знали того пафоса творчества, каким проникнуто Возрождение, новое время и современность.

Отношение философии и теологии, роль рационального познания Бога по-разному истолковывается в философских концепциях католицизма и восточного православия. В силу пантеистически-онтологической направленности православие и связанная с ним византийская философия отводит решающее место непосредственному созерцанию, интуитивному схватыванию сверхъестественной божественной сущности.

Внутри западной философии Средних веков нет единого истолкования взаимоотношения философии и теологии, что определяется и уровнем социального и культурного развития, и специфическими модификациями христианства в концепциях разных средневековых орденов. Если Ансельм Кентерберийский считает, что истины, добытые разумом и противоречащие авторитету Писания, должны быть отвергнуты, то Абеляр, который пытался рационалистически обосновать христианство, отстаивает мысль о необходимости сначала исследовать с помощью разума религиозные истины для того, чтобы судить, заслуживают ли они веры.

Если францисканско-августиновское направление (Бонавентура и другие) отдаёт приоритет созерцанию, экстатическому погружению в глубины духа, то доминиканское направление (Альберт Великий, Фома Аквинский и другие) разграничивает области философии и теологического размышления и по предмету (философия направлена на

сущее, теология — на спасение), и по <u>источнику</u> (философия вырастает из разума, теология из веры), и по цели (философско-теоретическое созерцания стремится к знанию ради знания, теология же, будучи практической дисциплиной, рассматривает знание как средство спасения). Подчёркивая примат веры над знанием в исследовании истины откровения, в размышлении о Боге как первосущем, томизм сохраняет определённую <u>автономность</u> философского постижения бытия, его специфические цели и функции.

В учении Иоанна Дунса Скота (который был членом францисканского ордена) тенденция к <u>независимости знания от веры</u>, к освобождению философской рефлексии от рамок авторитета и Откровения выступает ещё более резко.

Поскольку предельные ориентиры человеческого знания и деятельности заключены, согласно христианству, в Боге, постольку всей культуре Средневековья присуща устремлённость ввысь, от земли к небу. В основе средневекового миросозерцания лежит <u>идея творения</u>: вся природа представляется как проявление божественной мудрости, как <u>символическое выражение определённого отношения</u> Бога к человеку.

Со схоластикой связано <u>оттачивание логического аппарата</u> (оно вызвано, между прочим, и сложностью строения самой теологии), а также <u>изменение способа философского рассуждения</u>. Развив аристотелевскую логику, схоластическая диалектика делает преобладающими <u>дискурсивно-рассудочные</u> способы обоснования знания, когда с самого начала сталкиваются противоположные тезисы, приводятся аргументы в пользу одного из них, обсуждаются контраргументы. Одна из существенных особенностей всей средневековой культуры состоит консервативности, догматичности и авторитарности её системы ценностей. Это объясняет идейную нетерпимость к ересям, возникающим внутри ортодоксальной теологии.

В связи с направленностью христианства на поиски новых форм регуляции социального поведения человека средневековая философия стремится осмыслить внутренние личностные механизмы оценки — <u>совесть, религиозный мотив, самосознание</u>. Перенос центра тяжести на личностную ориентацию смог обеспечить не только <u>громадное влияние христианства</u>, но и устойчивость тех социальных форм, которые положили в своё основание проповедуемые христианством ценности.

¹⁰Дискурсивное знание (лат. discursus = рассуждение) — рассудочное, опосредствованное, полученное в результате связного рассуждения на основе предшествующего опыта знания; процесс связного, строго последовательного, ясного рассуждения, в котором каждая последующая мысль вытекает из предыдущей и обусловливает последующую. Дискурсивным является, например, знание, полученное в результате индуктивного умозаключения, когда от знания частных фактов исследователь шаг за шагом идёт к обобщающему выводу. Дискурсивное знание обычно отличают от знания, полученного непосредственно (интуитивно). По Канту, дискурсивное познание — это познание, возникающее из рассудка, в противоположность интуитивному познанию, которое покоится на непосредственном созерцании.

Это способствовало формированию *НОВОГО ТИПА ЛИЧНОСТИ*, которая ориентирована внутрь себя, нового её отношения к природе и к другим людям. В средневековой философии человек впервые удостаивается того, что он <u>сам</u> может достичь <u>единства с Богом</u>. Будучи высшим творением Бога, человек стоит в центре всего мироздания и впервые начинает рассматриваться как самоценная личность. Конечно, эта тенденция представлена непоследовательно, поскольку она сопрягается с допущением трансцендентного надчеловеческого существа.

Аксиологический пафос христианства более всего выражается в идее <u>спасения</u> (salvatio). Философское размышление в значительной мере направлено на рациональное осмысление лучших вариантов достижения спасения. Вопрос о свободе человека принял в средневековой философии своеобразную форму вопроса о <u>происхождении зла</u> и о <u>предопределении</u> (praedestinatio).

На заре средневековой философии пелагиане, утверждая абсолютную свободу человека, считали, что возможно спасение без помощи церкви. Естественно, церковь жестоко преследовала пелагианскую ересь, вплоть до физического уничтожения. Против Пелагия выступил Августин, который утверждал, что «воля человека свободна, но в границах Божьего предопределения». Августин признаёт свободу воли, без чего невозможно было бы вменять человеку никакого поступка и произносить никакого нравственного суждения. Он вносит признак свободы в само определение воли как движения духа, никем не принуждаемого и направленного к сохранению или приобретению чего-либо: все частные предметы воли могут быть сведены к одному всеобщему — блаженству (beatitudo). Свободу воли Августин трактует как психическую самостоятельность самого акта хотения.

От этой психологической свободы Августин отличает свободу по отношению к нравственному содержанию и качеству воли, т. е. <u>свободу от греха</u>. Здесь он различает:

1) невозможность грешить, libertas major (наивысшая свобода), принадлежащая только Богу; 2) возможность не грешить, свободный выбор между добром и злом, libertas minor, принадлежавшая только первозданному человеку до грехопадения (но через волю зла он потерял эту возможность добра); 3) невозможность не грешить, свобода к одному только злу, необходимость зла и невозможность добра — состояние человека после грехопадения.

[Пелагианство выступало против догмата о грехопадении].

По Августину, добро возможно в человеке лишь действием Божественного начала, проявляющегося в человеке и через него, но не *от него*: это действие есть *благодать*. Уже для того, чтобы человек захотел помощи благодати, нужно, чтобы благодать действовала в нём: собственными силами он не только не может творить добро, но даже

искать его. Воля человека всегда сопротивляется благодати и должна быть ею преодолеваема. Таким образом, спасение зависит всецело и исключительно от благодати Божией, которая сообщается и действует не по собственным заслугам человека, а даром, по свободному избранию и предопределению со стороны Божества. Где же действительная свобода самоопределения грешного человека к добру и злу? Августин в принципе утверждает эту свободу, но не даёт отчётливого согласования её со своим учением о предопределении и благодати. Он лишь указывает на чрезвычайную трудность задачи, простодушно замечая: «Когда защищаешь свободу воли, то кажется, что отрицаешь благодать Божию, а когда утверждаешь благодать, то кажется, что упраздняешь свободу».

После Августина в церкви шли горячие споры об этой проблеме: его последователи склонялись к детерминизму, а некоторые монахи из Южной Галлии отстаивали свободу воли. В IX веке крайний августинизм нашёл себе в Германии фанатического приверженца в лице монаха <u>Готшалька</u> (Gottschalk, 808—867). Он учил о безусловном предопределении одних людей к добру, а других к злу, но беспричинному выбору Божьей воли. Этот крайний детерминизм церковь признала ересью. В 848 году Готшальк был осуждён как еретик и заточён.

В противовес фаталистической позиции <u>двойного предопределения</u> (*Готшальк* и другие), Иоанн Скотус Эриугена отстаивает идею простого предопределения, связывая зло не с Богом, а <u>с человеческой деятельностью</u>.

Альберт Великий и Фома Аквинский усматривают существо свободы человека не в подчинении необходимости, а в том, чтобы нравственные поступки определялись совестью и свободным выбором человека, основанным на знании.

Иоанн Дунс Скот дал известную формулу: «Ничто кроме самой воли не причиняет акта хотения в воле». Он же утверждал: «Бог есть абсолютная свобода», т. е. признавал абсолютным началом мира <u>волю</u>, а не <u>разум</u>.

Церковь заняла срединную позицию между пелагианским волюнтаризмом¹¹ и крайнеавгустинианским фатализмом, признав и свободу воли человека (а следовательно, и его ответственность за грехи), и божественное предопределение, необходимость благодати. Предопределение обосновывается на предвидении Богом того, как каждый человек воспользуется данной ему свободой воли. Спасение зависит не только от веры, но и от добрых дел. Католики считают, что в случае отсутствия у верующего добрых дел, он может их заимствовать из запаха «сверхдолжных» дел, которым распоряжаются церковь и папа римский.

¹¹Термин «волюнтаризм» возник в XIX веке. Законченную систему волюнтаризма создал Шопенгауэр, но его предшественниками отчасти явились Кант и Фихте.

К. Маркс называл это учение своеобразной «теорией накопления»: «множество мучеников и святых имело такое обилие заслуг перед богом, что из этого образовался запас [совершенно так же, как "прибавочный" труд... предков капиталистов], который глава видимой церкви, папа, может дарить или продавать другим верующим, имеющим за собой мало заслуг или даже бремя тяжких грехов...» (Архив Маркса и Энгельса, т. VII, с. 148). На этом основано «отпущение грехов», которое начало практиковаться в римской церкви с XI века, а в XII — XIII веках начало продаваться (индульгенции).

Торговля индульгенция дошла до крайнего цинизма. Крайняя развращённость церкви, аристократии, больших столиц привела к тому, что реформация яростно выступила против принципа свободы воли, создав снова фаталистическую этику. Но об этом речь пойдёт далее, когда я дойду до Лютера и Кальвина.

С антропологией и онтологией христианства тесно связано своеобразное видение истории. Представление о <u>шиклическом времени</u>, характерное для греко-римской культуры, замещается <u>финалистским</u> восприятием времени, истолкованием движения мира от его сотворения к концу. Благодаря этому природный и человеческий мир обретает в средневековой мысли *направленность*. Трактовка времени как линейного, устремлённого в некоторую перспективу, связывает средневековую культуру с культурой нового времени. Однако в Средние века мышление мало интересуется зависимостью событий от земных дел и причин, рассматривает историю под углом зрения трансцендентной божественной цели.

41. Средневековая эстетика.

В противоположность античности в центре средневековой эстетики и искусства стоит уже не чувственно-материальный космос, а духовный личностный абсолют. Внешняя материальность выражает здесь не пластический характер, а некоторое внетелесное духовное содержание, которое может быть выражено в чувственной материи только приблизительно, символически. Проблема символа становится поэтому одной из центральных в средневековой эстетике, ведь всё чувственное не только в искусстве, но и в природе является лишь отблеском и отображением запредельного, сверхчувственного мира.

Художественная форма должна противостоять природной не как образ (imago = изображение) последней, но только как сходство (similitudo), что и должно связывать их между собой. Несовершенное чувственное восприятие должно быть заменено

совершенным. Такие эстетические критерии, как «<u>ясность</u>», «<u>цельность</u>», «<u>пропорции</u>», «<u>согласованность</u>», выдвинутые крупнейшим авторитетом средневековой философии и эстетики Фомой Аквинским, означают прежде всего спиритуалистическое претворение всех материальных и чувственных компонентов, превращение их в адекватное выражение лежащих в их основе духовных идей.

Средневековая эстетика восприняла наследие античного идеализма в обеих традициях — платонической и аристотелевской, истолкованных в духе христианского спиритуализма. Крупнейшими представителями средневекового платонизма являются святой Августин, Эриугена, Бонавентура; аристотелизма — Фома Аквинский. В Византии следует отметить прежде всего Ареопагитики, а также многочисленные трактаты так называемых иконопочитателей VIII—IX веков, защищавших возможность явления божественной сущности в чувственных образах иконописи.

Обобщённую картину средневековой культуры, не лишённую выразительности, дал Анатоль Франс в романе «Восстание ангелов», где добрый демон Нектарий изящно излагает всю всемирную историю.

Привожу выдержки из этого полушутливого рассказа, начиная с завоевания Европы германскими народами:

«Эти северные воины, несмотря на всё их невежество, знали некоторые механические искусства. Они верили, что на небе происходят битвы. Звуки арфы вызывали у них слёзы, и быть может, сердца их были более способны на великие деяния, чем сердца галлов и римлян, земли которых они захватили. Они не умели ни обтёсывать камень, ни полировать мрамор; но из Рима и Равенны они привозили порфир и колонны, и их вожди употребляли в качестве печатей геммы, вырезанные греками в годы, когда чтили красоту. Они возводили стены из кирпичей, искусно расположенных стрелками, и им удавалось строить довольно красивые церкви с карнизами на консолях, в виде грозных голов и с тяжёлыми капителями, на которых чудовища пожирали друг друга.

Мы обучали их поэзии и наукам. Один из наместников их бога, Герберт, брал у нас уроки физики, арифметики и музыки, и про него говорили, что он продал нам душу. Проходили века, но нравы оставались грубыми. Мир был в огне и крови. <...> Народы эти организовались среди ужасающих неурядиц. То были сплошные войны, голод, избиение».

«Человечеству, впавшему в детство, приходилось всему учиться наново. Брат Λ ука, мой сосед по келье, изучавший нравы животных, утверждал, что ласка зачинает детенышей через ухо. Я собирал в полях целебные травы, чтобы облегчить страдания больным, которых до тех пор лечили лёгким прикосновением к мощам святых».

«Тем временем, не довольствуясь драками между собой <...> сеньёры задумали двинуться войной на Восток. Они говорили, ...что идут освобождать гроб господень. Так говорили они; но идти в далёкие края за землями, женщинами, рабами, золотом, миррой и ладаном их побуждали страсть к приключениям и корыстолюбие. Эти походы — надо ли говорить? — все кончали разгромами; но наши тяжеловесные соотечественники вынесли из них знакомство с ремёслами и искусствами Востока и вкус к пышности».

«Мы стали строить церкви дивной красоты, со смело изогнутыми арками, стрельчатыми окнами, высокими башнями, тысячами колоколенок и острыми шпицами, которые, вздымаясь в небо Ягве, вместе с тем несли ему и молитвы смиренных, и угрозы гордых <...>. Странное зрелище представлял собор, над которым трудились совместно люди и демоны, где каждый пилил, полировал, складывал камни, вырезывал на капителях и карнизах крапиву, терновник, чертополох, жимолость, земляничные листочки, высекал статуи дев и святых или причудливые изображения змей, рыб с ослиной головой, обезьян, почёсывающих зад, — где, словом, каждый вкладывал в работу свой собственный дух, возвышенный или причудливый, смиренный или дерзкий, так что всё вместе создавало гармоничную какофонию, восхитительную песнь радости и скорби, триумфальную Вавилонскую башню. По нашему наущению резчики, ювелиры, мастера эмали совершали чудеса, и все искусства роскоши зацвели разом: лионские шелка, аррасские ковры, реймские полотна, руанские сукна. Почтенные купцы отправлялись на ярмарки верхом на кобыле, везя с собой свёртки бархата и парчи, вышивки, тканые золотыми шелка, драгоценные украшения, серебряную утварь и книги, украшенные цветными рисунками. Весёлые подмастерья устанавливали подмостки в церквах или на людных площадях и представляли, в меру своего разумения, деяния небесные, земные или адские. Женщины щеголяли роскошными нарядами и беседовали о любви. Весной, когда небо делалось синим, всех — знатных и простых — охватывало желание порезвиться на лужке, пестреющем цветами. Скрипач настраивал инструмент; дамы, рыцари и девицы, горожане и горожанки, поселяне и девушки, взявшись за руки, водили хороводы. Но внезапно Война, Голод и Чума входили в круг, и Смерть, вырвав скрипку из рук музыканта, заводила свой танец. Пожары истребляли сёла и монастыри, воины вешали на дубах у перекрёстков крестьян, не заплативших выкупа, и привязывали к деревьям беременных женщин, и ночью волки пожирала плод у них в чреве. Бедняки теряли рассудок. Иной раз, в пору затишья и мирной жизни, они без всякой причины, гонимые безумным страхом, покидали дома и бежали толпами, полунагие, раздирая себе тело железными крючьями и распевая гимны...»

«Но я узнал образ мыслей его, этого всеблагого бога <...>, в обычае, установленном его наместниками и распространившемся по всему христианскому миру,

— сжигать под звон колоколов и пение псалмов мужчин и женщин, которые, по наущению демонов, возглашали инакомыслие о Боге».

«...Сожаление о тех временах, когда сын царствовал вместе со своей девственной матерью над народами, ослеплёнными великолепием — каменным кружевом соборов, сверкающими розами витражей, ярко раскрашенными фресками, где развёртывались тысячи чудесных историй, богатой парчой, сияющей эмалью рак и дарохранительниц, золотом крестов и потиров, созвездиями свечей в тени сводов, гармоничным гулом органов. Всё это не могло, конечно, сравниться с Парфеноном и Панафинеями, но это радовало глаз и сердце, ибо всё же было красотою». [Прославление готического искусства]

42. Хронология культурной и политической жизни Западной Европы в XI—XV веках (суммарно)

936 год — германским королём становится Оттон I (позже названный Великим).

951 — Оттон I в Италии.

961—962 — победоносный поход Оттона I в Италию.

962 — Оттон I коронован императором.

В результате итальянских походов (951, 961—962) Оттоном I была завоёвана Северная и Средняя Италия и создана Священная Римская империя. Папство попало в зависимость от германского императора. Оттон уменьшил власть крупных вассалов, остановил вторжение венгров.

973 — смерть Оттона Великого.

987 — восшествие на французский престол Гуго Капета, начало династии Капетингов (987—1328).

988 — крещение Руси князем Владимиром Святым.

1014 — Кнуд Великий, король Дании.

1017—1035 — Англия входит в состав державы датского короля Кнуда Великого.

1031 — крушение Кордовского халифата в Испании.

1033 — присоединение Бургундского королевства к Империи.

1061 — норманны в Сицилии.

1066 — <u>битва при Гастингсе</u>; победа нормандского герцога Вильгельма «Ублюдка» над англо-саксами и завоевание Англии франко-нормандцами. Вильгельм умер в 1087.

- 1075 усилившееся папство начинает борьбу с германскими императорами за инвеституру.
 - 1095 объявление первого крестового похода.
 - 1096 соединение крестоносцев в Константинополе.
 - 1097 крестоносцы в Малой Азии.
- 15 июля 1099 в пятницу крестоносцы взяли штурмом Иерусалим и учинили страшную резню. <u>Основание Иерусалимского королевства</u>.
 - Около 1100 года рождение « Π есни о Pоланде».
- 1138 престол Священной Римской империи занимает княжеский род Швабии Штауфены (или Хоэнштауфен, Hohenstaufen).
- 1147—1149 второй крестовый поход, предпринятый французским королём Λ юдовиком VII.
- 1152 Фридрих Барбаросса (*Rotbart*) стал «королём римлян». Крупнейший монарх из династии Гогенштауфенов, правил по 1190 год. Возобновил завоевательные походы в Италию.
- 1154 Генрих II Плантагенет присоединяет крупные территории во Франции: к английской короне отходит богатая Аквитания (как приданое королевы).
 - NB! 1163 начало строительства Notre Dame de Paris.
- 1176 битва при *Леньяно*, победа миланцев над Фридрихом Барбароссой. Походы его в Италию закончились полной победой стойко сопротивлявшихся городов Северной Италии.
 - 1180 воцарение Филиппа Августа во Франции.
 - 1189 смерть Генриха Плантагенета.
 - 1189—1199 правление в Англии Ричарда Львиное Сердце.
 - 1189—1192 третий крестовый поход.
 - 1190 смерть Фридриха Барбароссы (утонул во время крестового похода).
 - 1190—1197 император Генрих VI Гогенштауфен.
 - 1194 Южная Италия и Сицилия во власти Генриха VI.
 - 1198 интронизация папы Иннокентия III.
- 1199 Ричард Львиное Сердце погиб при осаде замка Chвlus во Франции. Ему наследует его брат Иоанн Безземельный (1199—1216).
- 1200 год официальное утверждение Парижского университета королём и папой.
 - 1202 четвёртый крестовый поход.
 - 1202—1204 завоевание французами Нормандии.
 - 1204 взятие Константинополя крестоносцами.

1209—1229 — альбигойские войны.

1211—1480 строительство Реймсского собора.

1212—1250 — правление Фридриха II, императора из династии Гогенштауфенов, соединившего в своих руках Империю и Сицилийское королевство. В ходе длительной и неудачной борьбы с итальянскими городами и папством Фридрих II был вынужден предоставить князьям широкие права.

<u>27 июля 1214 года</u> — битва при Бувине (Фландрия). Победа Филиппа — Августа над Иоанном Безземельным и его союзниками.

1215 — <u>Мадпа Charta</u>. Неудачная внешняя политика короля Иоанна Безземельного, произвол и вымогательства, вызвали в 1215 восстание баронов, которых поддержали рыцари и горожане. Иоанн был вынужден дать феодалам важные привилегии в Великой Хартии Вольностей.

1215 — Латеранский вселенский собор.

1222 — основание Падуанского университета.

1223 — смерть Филиппа — Августа, самого выдающегося из королей Франции в Средние века.

1223 — святой Франциск Ассизский основывает францисканский орден.

1224 — основание университета в Неаполе.

1226 — смерть Франциска Ассизского (канонизация 1228).

1228—1253— сооружение церкви Сан-Франческо в Ассизи. Около 1237 Гийом де Лорис создаёт «Roman de la Rose».

1241—1242 — вторжение монголов в Венгрию.

1245 — Лионский собор.

1248 — начало строительства Кёльнского собора.

1250 — победа гвельфов над гибеллинами во Флоренции [Гибеллины — дворянская партия, сторонники императора; гвельфы — партия крупной буржуазии, сторонники независимой государственности папы].

1250 — смерть Фридриха II.

Стремление Фридриха Барбароссы, Генриха VI и Фридриха II создать мировую империю привело их к борьбе с папством и северо-итальянскими городами; в этой борьбе Гогенштауфены потерпели полное поражение. Род их угас в 1268 со смертью Конрадина.

1260 — король Обеих Сицилий (правил в 1232 — 1266) Манфред, побочный сын Фридриха II (Гогенштауфена), вместе с гибеллиновскими городами Сиена и Пиза нанёс тяжёлое поражение флорентийским гвельфам при Монтаперти. Гвельфы были изгнаны из Флоренции.

- 1263 папа Урбан IV для борьбы против гибеллинов вызывает в Италию Карла Анжуйского, брата французского короля Людовика IX.
- 1263 Бонавентура, генерал ордена францисканцев, пишет Легенду святого Франциска Ассизского.
 - 1263 во Флоренции рождается Данте Алигиери.
 - 1265 возникновение парламента в Англии.
- <u>1266 битва при Беневенте</u>, победа Карла Анжуйского над Манфредом, который погиб в этом бою.
- 1267 с помощью Карла Анжуйского флорентийские гвельфы возвращаются к власти в своём городе.
 - 1268 гибель Конрадина, последнего из Гогенштауфенов.

Конрад IV был императором с 1250 по 1254 год; по его смерти Гогенштауфены утратили имперский престол. Его сына Конрада V прозвали Конрадин; герцог Швабии и Франконии, он попытался отвоевать Неаполитанское королевство, но был разбит Карлом Анжуйским при Tagliacozzo, взят в плен, приговорён к смерти и казнён.

- 1268 Карл Анжуйский становится королём Обеих Сицилий под именем Карла I.
- <u>Около 1270 года</u> возникает «Legenda aurea» («Золотая легенда») обширный сборник жизнеописаний святых, скомпонованный знаменитым агиографом Якопо из Вараццо (Jacobus de Voragine).
 - 1270 восьмой крестовый поход и смерть Λ юдовика IX от чумы.
- 1271—1295 путешествие венецианца Марко Поло в Центральную и Восточную Азию.
 - 1274 смерть Фомы Аквинского.
- 1282 Сицилийская вечерня, знаменитая резня, избиение французов на Сицилии (особенно в Палермо). Сицилия подпала под власть Арагонского дома (Педро III), и только Неаполь остался за Карлом I (и до 1442 за Анжуйским домом).
 - 1282 демократическая организация власти во Флоренции.
 - 1285 воцарение Филиппа Красивого во Франции.
 - 1291 зарождение Швейцарской конфедерации.
- Около 1295 Джотто создаёт в церкви Сан-Франческо в Ассизи цикл фресок из францисканской легенды.
- 1296 1303 борьба Филиппа Красивого с папой Бонифацием Восьмым, закончившаяся победой французского короля.
- 1302 «битва шпор»: при Куртре фландрские города одерживают полную победу над французским рыцарством.

1302 — чёрные гвельфы изгоняют из Флоренции белых гвельфов. Под этот закон подпадает Данте Алигиери.

1303 — в *Ананьи* (близ Рима) посланцы французского короля берут в плен папу Бонифация VIII. Канцлер Франции Гийом де Ногарэ и римский князь Шьярра Колонна подвергают папу насилию: Колонна даёт ему пощёчину.

11 октября 1303 — Бонифаций VIII, вскоре после своего освобождения, умирает в $\rho_{\text{име}}$.

1303 — основание Римского университета.

1307—1312 — процесс тамплиеров; уничтожение ордена.

1309—1377 — авиньонское пленение пап.

<u>Около 1310—1321</u> — создание флорентийским изгнанником Данте Алигиери «Божественной комедии».

1310 — вторжение в Италию Генриха VII Люксембургского (император в 1308—1313).

1314 — смерть Филиппа Красивого.

1321 — смерть Данте Алигиери в Равенне.

1328 — новая династия во Франции: воцарение Филиппа VI Валуа.

1337—1453 — Столетняя война между Францией и Англией.

1341 — увенчание поэта Петрарки лаврами на Капитолии (Рим).

1342 — смерть венгерского короля Карла I из Анжуйской династии (правил с 1308): он укрепил королевскую власть и подчинил магнатов.

26 августа 1346 — битва при Креси; победа англичан.

Август 1347 — взятие Эдуардом III французской крепости Кале.

1347—1349 — эпидемия чумы («чёрная смерть»).

1348—1353 — создание «Декамерона» (Джованни Бокаччо).

1348 — основание Пражского университета («старейший германский университет»). Основан Карлом IV.

1356 — Карл IV (на имперском престоле в 1346—1378) издаёт свою знаменитую Золотую буллу: она утверждает коллегию из семи курфюрстов (князей, избирающих императора) и признаёт за ними право верховной власти в их княжествах.

9 сентября 1356 — битва при Пуатье, полное поражение французов: их король Иоанн Добрый взят в плен англичанами.

1357—1358 — восстание в Париже во главе с Этьеном Марселем.

<u>1358</u> — Жакерия.

1360 — мир между Францией и Англии в Бретиньон (передышка в Столетней войне).

- 1364 основание Краковского университета.
- 1374 смерть Петрарки.
- 1375 смерть Боккаччо.
- 1378 восстание чомпи во Флоренции.
- 1378 возвращение папской курии в Рим и начало «Великой схизмы Запада» (до 1449).
 - 1381 восстание Уота Тайлера в Англии.
 - 1396 битва при Никополе (победа Баязида).
 - Около 1400 начало применения пороха, зарождение артиллерии.
 - 1408—1420 борьба Арманьяков и Бургиньонов во Франции.
 - 1415 сожжение Яна Гуса.
 - 25 октября 1415 битва при Азенкуре (полная победа англичан).
 - 1420 договор между Францией и Англией в Труа.
 - 1420 создание Гугенбергом первого типографского станка.
- 1428 начало широкого патриотического движения во Франции. Выступление Жанны д`Арк.
- 8 мая 1429 освобождение Орлеана французскими войсками во главе с Жанной д'Арк.
 - Май 1430 пленение Жанны.
 - 30 мая 1431 сожжение Жанны в Руане.
- 1435 Аррасский трактат (соглашение между французским королём Карлом VII и герцогом Бургундским против Англии).
 - 1436 изгнание англичан из Π арижа.
- 1438 прагматическая санкция, подписанная в Бурже Карлом VII (признание верховенства вселенского собора и ограничение власти папы).
 - 1439 введение постоянного поземельного налога (тальи) во Франции.
- 1453 изгнание англичан из всей Франции кроме г. Кале с округом. Конец Столетней войны.
 - 1453 взятие турецким султаном Мехмедом Константинополя.
 - 1455—1485 война Алой и Белой Розы в Англии.
- 1456 битва при Белграде: Янош Хуньяди во главе венгерских, сербских и валашских войск разбил турок, на время остановив их продвижение в Европу.
- 1469 Фердинанд, наследник Арагона, женится на Изабелле, наследнице Кастилии.
- 1470 начало книгопечатания во Франции (немец Schuffer ещё в 1450 изобрёл типографский шрифт).

- 1476 Карл Смелый, герцог Бургундии, терпит поражения при Грандсоне и Морате.
 - 1477 поражение бургундцев при Нанси, гибель Карла Смелого.
 - 1477—1482 присоединение Бургундии и Пикардии к Франции.
 - 1480 Иван III освобождает Русь от татарского ига.
 - 1485 битва при Босворте. Новая династия Тюдоров в Англии.
 - 1492 открытие Америки Христофором Колумбом.
 - 1492 падение Гренады. Испания полностью освобождена от арабов.
 - 1494 родился Франсуа Рабле.
- 1494 изгнание дома Медичи из Флоренции; доминиканский монах Джироламо Савонарола устанавливает теократическую республику (фактически диктатор). Сожжение книг, картин, музыкальных инструментов.
 - 1498 сожжение Савонаролы.

43. Николай Кузанский.

Nicolaus Cusanus родился в Германии, его настоящее имя — Hиколай Кребс (или — Kрипфс), он родился в 1401 году в г. Куэс (Куза) на Мозеле и вошёл в историю под именем Кузанского.

Крупнейший учёный, философ и богослов эпохи перехода от схоластики к гуманизму. Жил в Италии, где с 1437 года состоял в папской курии. В 1440 он издал труд «Об учёном незнании», в 1447 — «О происхождении». В 1448 (или 1449) Николай Кузанский назначен кардиналом, с 1450 он епископ в Бриксене. Умер в Тоди (Умбрия) 15 августа 1464 года.

Его философия, стоящая на рубеже схоластики и гуманизма, развивалась под влиянием <u>мистики</u> (особенно майстера Экхарта) и <u>номинализма</u> (Уильям Оккам).

Николай Кузанский стремился философски определить сферу человеческого знания как область знания о незнании (или точнее: знания незнания) — в трактате «De docta ignorantia» (1440). Его docta ignorantia (учёное незнание) есть незнание, достигнутое научным путём; так Николай Кузанский называл учение о непостижимости Бога. Человеческое познание — это бесконечный процесс приближения к абсолютной истине. Чувственное познание Николаем Кузанским отнюдь не отрицается, но понятия, относящиеся к чувственному миру, он называл догадками, так как они затемнены материей.

Он стремился также расширить возможности познания при помощи принципа «совпадения противоположностей», причём это совпадение реально достигается только в Боге. Но этим именно принципом Николай Кузанский и советовал руководствоваться в процессе познания.

Исходя из этого принципа, он различал следующие <u>четыре ступени познания</u>: 1) чувственное восприятие (sensus), которое <u>не ясно</u> отражает то, что лежит на поверхности вещей; 2) рассудок (ratio), противопоставляющий противоположности; 3) разум (intellectus), объединяющий противоположности; 4) интуиция (animus), когда достигается полное совпадение противоположностей.

Истина, согласно Николаю, достижима только интеллектом, который есть отражение Божества. По этой самой причине (интеллект — отражение Бога, а в Боге противоположности совпадают) в интеллекте не имеет силы закон противоречия, но этому великому закону формальной логики подчиняется рассудочная деятельность, имеющая дело с понятиями о чувственном мире.

Закон противоречия, один из 4-х основных законов формальной логики, был открыт Аристотелем. Мусульманский богослов *Аль-Газали* (1059—1111) утверждал, что закону противоречия «подчиняется даже сам Бог». Покушается ли Николай Кузанский на логику?

Соппсіdentia oppositorum (совпадение противоположностей) — это сознательное отрицание противоречий, когда имеют в виду Бога. Николай Кузанский переработал под влиянием неоплатонизма понятия христианской философии в учение о Боге как о максимуме Бытия, стоящем выше противоположностей, в которых ограниченный рассудок мыслит вещи природы. Для естественных наук, изучающих наш мир, закон противоречия и вся логика остаются в силе. Но в Боге совпадают все противоположности: конечного и бесконечного, наименьшего и наибольшего, единого и множественного и т. д.

В то же время, по мнению Николая Кузанского, доказывающего свои положения примерами из геометрии, conncidentia oppositorum встречается в действительности всюду. Это мнение Николая Кузанского впоследствии разделяли <u>Джордано Бруно</u> и Шеллинг.

Хотя Николай Кузанский догадывался, что пространство и время бесконечны, он однако считал созданный мир «Богом в ничто», в котором никакое учение о творении неспособно что-либо изменить. Связующим звеном между Богом и миром служит Христос, как воплощение Λ огоса.

Человек, подобно любой вещи, относится к микрокосму и является отблеском универсума, который устроен по принципу перехода через ряд ступеней — от высшего к низшему.

Особое внимание Николай Кузанус уделял разработке метода мышления и способа выражения, свойственного математике, стремясь, в частности, разрешить проблему бесконечно больших и бесконечно малых величин.

Учение Николая Кузанского, несмотря на мистико-идеалистическое содержание, заключает в себе ряд плодотворных идей. Таковы критика ограниченности рассудочных противопоставлений; методологическое значение понятий математики для познания природы (эмпирического исследования); предвосхищение последующего понятия о бесконечно малых величинах; постановка вопроса о границах применения закона противоречия в математическом познании etc.

В своих естественнонаучных возэрениях Николай Кузанский отчасти предвосхитил некоторые идеи Коперника. Но гораздо важнее то, что в трудах кардинала содержатся элементы диалектики, интерес к которой вновь пробудился в XV веке. Термин «диалектика» здесь употреблён в нашем смысле, так как в Средние века «диалектикой» называли формальную логику. В какой-то мере Николай Кузанский был сенсуалистом с оттенком агностицизма; у него усматривают и пантеизм. Джордано Бруно в своей теории познания развивает идею conncidentia oppositorum.

Николай Кузанский ратовал за объединение восточного и западного христианства. Его conncidentia oppositorum имела прямой политический смысл в эпоху Флорентийской унии.

44. Оккультные науки

Лат. occultus = скрытый, тайный. Оккультизм — мистическое учение, возникшее в древних религиях, но пережившее христианскую эпоху в формах «тайного знания». Оккультизм признаёт существование «таинственных сил» и «духов», с которыми посвящённые могут устанавливать непосредственную связь с помощью магии. Собственно, оккультизм есть вера в магию, вещие сны и предсказания, облечённая в форму науки.

В религии Древнего Египта <u>Тот</u> первоначально был богом Луны в г. Гермополе, затем богом <u>мудрости</u>, письма и счёта, покровителем писцов, священных книг и <u>волшебства</u>. Считалось, что на загробном суде Осириса Тот вёл запись деяний умершего. Ему были посвящены ибис и павиан, в облике которых или с головой одного из них он обычно и изображался. Супругой Тота считалась богиня <u>Сешат</u>, покровительница анналов.

Греки, сблизившись с египетской религией, отождествили Тота с <u>Гермесом</u>, поскольку этот добродушный пастушеский бог архаических греков уже в классический период стал вестником богов, проводником душ покойников в Аид, покровителем красноречия и гимнастических состязаний, изобретателем <u>алфавита</u>, <u>мер и весов</u>, а главное — богом дорог, путников и торговли.

В эллинистический период учёные древности нередко рассматривали Тога — Гермеса как своего покровителя. В период разложения античного общества и упадка Римской империи мистицизм расцвёл пышным цветом. «Это было время, — писал Фридрих Энгельс, — когда даже в Риме и Греции, а ещё гораздо более в Малой Азии, Сирии и Египте абсолютно некритическая смесь грубейших суеверий самых различных народов безоговорочно принималась на веру и дополнялась благочестивым обманом и прямым шарлатанством; время, когда первостепенную роль играли чудеса, экстазы, видения, заклинания духов, прорицания будущего, алхимия, каббала и прочая мистическая колдовская чепуха» (Маркс и Энгельс, Сочинения, т. 22, к. 475).

В начале I века н. э. сложилось <u>неопифагорейство</u>, сохранившее лишь тень давней пифагорейской науки; в нём большую роль играла <u>вера в демонов</u> и <u>колдовство</u>. В конце этого века неопифагорейское учение проповедовал <u>Аполлоний Тианский</u>, который выдавал себя за бога и распространял слухи о совершённых им чудесах. В III веке неопифагорейство слилось с <u>неоплатонизмом</u>.

Неоплатонизм оказал огромное влияние на мистику Азии и Европы, стал идейной основой иудейской каббалы, христианского мистицизма, мусульманского суфизма. На идеях неоплатоников основан весь европейский оккультизм.

y его истоков — египетские эллинизированные мудрецы начала новой эры, поклонники Тота — Гермеса, которому они дали эпитет <u>Трисмегистос</u> («Трижды Величайший»).

В течение всего Средневековья сохранялись сведения о <u>книгах</u> Гермеса Трисмегиста, т. е. книгах, в которых были записаны сообщённые им великие тайны, высокие познания. Эти тайны строго охранялись от непосвящённых. Тайное учение Гермеса содержало формулы заклинаний и давало адептам оккультных наук власть над демонами и стихиями природы (см. «Фауста» Гёте). Поэтому книги Гермеса Трисмегиста использовались <u>алхимиками</u>.

«Герметической наукой» стали называть всё, что относилось к «великому творению» (орега тада, псевдоним философского камня), к трансмутации металлов и к универсальной медицине. Отсюда возник путём расширения эпитет «герметический» = «тайный», «строжайше закрытый», «непроницаемый». Книги Гермеса Трисмегиста и всех адептов тайных наук были зашифрованы при помощи условных обозначений, символов, аллегорий и недомолвок. Прочесть их обычному культурному человеку было невозможно (а сегодня ещё трудней). До нашего времени дошло свыше 100.000 алхимических рукописей. Возможно, что в них содержатся и ценные знания, но эти книги для человечества уже утрачены вследствие своего герметизма.

<u>Исаак Ньютон</u>, весьма интересовавшийся сочинениями алхимиков, писал, что существуют некие ужасные тайны, открытые лишь малому числу великих посвящённых. По его словам, тайны эти нельзя постичь без того, чтобы мир не оказался в огромной опасности. При этом Ньютон ссылался на книги Гермеса Трисмегиста.

Всё это идёт от неоплатоников, утверждавших, что в мифах и символах скрывается неведомая мудрость. Скрытые силы природы могут персонифицироваться и вступать в общение с людьми. Египетский Тот, изобретатель речи и письма, он же Гермес Трисмегист, передал оккультные знания жрецам, сохранивших их в символах.

Христианская церковь всегда стояла перед оккультизмом в затруднении. <u>Лактанций</u>, христианский писатель IV века, утверждал, что «магию, гадания, вызовы умерших изобрели демоны». <u>Ориген</u> заявлял: «Магия не пустая вещь, а как думали Аристотель и Эпикур, а средство бесов». <u>Фома Аквинский</u>: «Магические искусства — это обманы демонов».

Но в евангелии от Иоанна сказано: «Не всякому духу верьте, но испытывайте духов, от Бога ли они» (IV, 1). Значит, можно общаться и с добрыми духами, с ангелами? Христианские легенды подтверждали это.

Бесы — это реальность христианина, постоянный элемент его мира. Иисус Христос изгнал из Марии Магдалины семь бесов, разговаривал с бесом, сидящем в

больном, изгнал из бесноватого, легион бесов, которые вселились в стадо свиней. За апостолом Павлом следовала девица, в которой находился дух, говоривший её устами, и Павел приказал ему: «Изыди из неё». Многие обряды христианской церкви ставят своей прямой и специальной целью очищение от злых духов. При входе в католический храм у двери стоит чаша со святой водой и всякий, входя, должен погрузить в неё пальцы и осенить себя крестным знамением, чтобы отогнать злых духов. В католической церкви существует особая должность заклинателя духов (экзорциста): он должен соединять превосходное знание всех обрядов, молитв и правил экзорцизма с большой физической выносливостью, так как ритуал изгнания бесов может длиться сутками.

Экзорцист — это, по сути дела, христианский шаман, колдун, маг. Церковь с необходимостью допускает магию. Но она не признаётся в этом, памятуя, что магия — наследие старых религий.

Впрочем, уже в Средние века возникло различение <u>чёрной</u> и <u>белой магии</u>. Чёрной магией называли искусство вызывать демонов с целью заставить их служить магу. Белая магия — искусство производить некоторые эффекты, внешне кажущиеся чудесами, но в действительности происходящие от естественных причин. За чёрную магию сжигали на кострах, белую магию терпели. Но на практике различить их было трудно, и поэтому любые занятия магией были сопряжены с большим риском.

Натуральная магия, алхимия и оккультизм получили новое широкое распространение именно в эпоху Возрождение. Причины этого я объясню позже.

Пример. Sędziwoi (1566 — 1636) — польский дипломат и алхимик, автор известных алхимических трактатов.

45. Новые веяния.

Споры сторонников Платона и Аристотеля начали приобретать новые оттенки. Поскольку аристотелизм был равен схоластике, её противники вновь обращаются к Платону, толкуя его по-новому. В Италии, наиболее культурной и передовой стране Европы, зарождается тяга к подлинной древнегреческой культуре, науке и философии. В XIV веке первые гуманисты знали только римских классиков, Виргилия и Цицерона; в XV веке Гомер и Платон делаются столь же известными — в подлиннике.

Расцвету эллинизма содействовали политические события первого разряда. Уже с начала XV века турки грозят гибелью одряхлевшей Византийской империи, и её властители силятся найти помощь в Европе через посредство папства, которое они манят надеждой на соединение церквей.

На Базельский, Феррарский и Флорентийский соборы приезжают греческие посольства, и в 1439 г. является на свет мёртворождённая Флорентийская уния (см. выше раздел 37). Тогда-то никейский патриарх Виссарион ($\mathit{Бессарион}$) получает от папы кардинальскую шапку и поселяется в Венеции, а его учитель $\mathit{Пле}\phi$ он, поклонник философии Платона, завязывает близкие отношения с Козимо Медичи и учёными Флоренции.

После падения Константинополя (1453) в городах Италии появились сотни учёных греков и тысячи греческих рукописей. Культурнейшие люди Италии узнают Платона «из первых рук». В богатой Флоренции, где правят банкиры — тираны дома Медичи, происходит новый подъём платонизма. Здесь учреждается знаменитая Платоновская академия с философскими симпозионами. Видный деятель этой Академии Марсилио Фичино (1433—1499) переводит Платона с греческих оригиналов и пропагандой платонизма подрывает авторитет схоластизированного Аристотеля.

Хотя после заговора Пацци (1478)¹² Платоновская академия расстроилась, изучение Платона продолжается. Новые учёные овладевают греческим языком не только ради чтения классиков, но порою и для изучения текста Святого Писания: это изучение впоследствии (в руках Лютера и Меланхтона) послужило могучим орудием церковной реформы. С этою же целью некоторые изучают язык гонимой и презираемой — древнееврейской. Молодые умы Италии вступают в споры с новооткрытыми учителями: так, Леонардо Бруни по прозвищу Аретино (т. е. уроженец Ареццо, 1369—1444), известный эрудит, оспаривает мнение стоиков: «мудрец может быть блаженным даже в

¹²Раzzi — знатная гибеллинская семья во Флоренции, соперники дома Медичи; в 1478 году Джакопо Пацци возглавил заговор против Лоренцо и Джулиано Медичи. Убийство Джулиано вызвало немедленную репрессию.

быке Фалариса» ¹³. Бруни полагает, что мудрец в тюрьме не может назваться счастливым, но только менее несчастен, чем другие. <u>Этика перестраивается</u>; аскетизм под сомнением; в воспитание детей вводится гимнастика и большое значение придаётся опрятности, гигиене; начинают давать хорошее образование девочкам. <u>Нравы смягчаются</u>, любовь — естественное право человека.

46. Гуманисты XV века.

Возрождение началось в Средние века. Не было никакой пропасти, никакого явного разрыва. Официальной философией эпохи Возрождения оставалась по-прежнему схоластика, однако возникает уже с XIV века культура гуманизма — светская и языческая по духу. Вместе с коллекциями античных статуй и древних пергаментов воскресло античное философское наследие: церковную фальсификацию Аристотеля или Платона, клевету на Эпикура и прочих гуманисты с презрением отвергают. Они хотят подлинной, дохристианской древности. Значительные достижения естественных наук делают всё более смешной картину мира, которую Средние века восприняли из Писания и патристики.

Вследствие этого передовая философия перестаёт играть роль <u>служанки</u> <u>богословия</u>, в ней развиваются антисхоластические направления. Ранее всего они проявились в <u>этике</u>.

Одним из родоначальников культуры Возрождения, первым знаменитым гуманистом явился поэт <u>Франческо Петрарка</u> (1304 — 1374). Он долго жил в Авиньоне, где был принят при папском дворе и влюбился в знатную авиньонскую даму, донну Лауру (точно неизвестно, из какого рода: поэт увековечил только её имя). Петрарка был клириком и не порывал с религией, но он уже явился провозвестником нового мировоззрения. В своеобразной исповеди «О презрении к миру» он отстаивал гуманистические идеалы, любовь к жизни, сладостную земную любовь мужчин и женщин; те же идеи звучали в его поэзии и в его трактатах. В «Письмах без адреса» и в стихотворениях он бичевал разврат и алчность папской курии. Петрарка воскресил в европейской философии древнее этическое учение стоицизма.

Но это было только начало. Далее явилась целая череда гуманистов, учёных вольнодумцев, поклонников античной гармонии духа и тела, эллинской красоты и свободы.

¹³ <u>Phalaris</u> (*Фаларис*) — жестокий тиран Агригенты с 565 по 549 год до новой эры. Он сжигал свои жертвы, запирая их внутри полой медной статуи быка и медленно накаляя статую огнём. Крики и стоны жертв напоминали <u>мычание</u>, это было <u>очень смешно</u>. («Фаларийский бык», символ самой мучительной смерти).

Один из самых знаменитых гуманистов XV века был <u>Лоренцо Валла</u> (1407 — 1457), учёный — филолог, один из основоположников <u>научной критики текстов</u>, которую он использовал для борьбы против политических притязаний папства и для опровержения христианских мифов.

Лоренцо Валла отрицал <u>божественную природу Христа</u>, отрицал участие апостолов в установлении Символа Веры. В трактате «Об удовольствии как истинном благе» Валла выступил против *аскетизма*, заявляя, что <u>человек создан для удовольствий и наслаждений</u>. Таким образом, он воскресил <u>эпикурейскую этику</u>. Светлое жизнеутверждающее воззрение Лоренцо Валлы раскрепощало человека. Валла боролся <u>за свободу мысли и действия</u> (трактат «О свободной воле»), выступал против власти духовенства, отвергал монашество (трактат «О монашеском призвании»).

Особенно прославился антипапский памфлет Валлы «Рассуждение о подложности так называемой дарственной грамоты Константина» (1440, напечатан в 1518), где он доказывал, что пресловутый «Константинов дар» — фальшивка и что римская курия не может основывать на ней своих притязаний на светскую власть. Светскую власть он рассматривал как тиранию, как средство ограбления народов, которые <u>имеют право освободиться от этой власти</u>. Таким образом, он оправдывал недавнее гуситское движение и создавал теоретические предпосылки для близящейся Реформации. Борьба Валлы против пап и защита им формирующихся национальных государств имели огромное значение.

За свою деятельность Валла подвергался преследованиям инквизиции. Впрочем, это история сложная. Он был сначала профессор в Павии; затем переселился в Милан, а оттуда в свой родной Рим, где его представили папе и наградили двумя приходами. После книги о даре Константина пребывание Валлы в Риме стало невозможным, и он уехал в Неаполь к королю Альфонсу, который сделал его своим секретарём. В Неаполе Валла открыл публичную школу, где у него учился знаменитый впоследствии Помпоний Лето.

В Неаполе Валла несколько раз насмехался над невежеством одного из самых популярных проповедников. Услыхав об этом, проповедник отомстил ему (не называя имени, но давши внятную характеристику) в одной из своих проповедей. Валла начал с ним литературную войну, в которой зашёл слишком далеко (он вообще был человек смелый и резкий; утверждали, что он и его соперник Поджо Браччолини, 1380 — 1459, тоже гуманист и автор знаменитых «Фацетий», даже дрались на улицах). Валлу вызвали в духовный суд и потребовали, чтобы он отказался от своих заблуждений. Но в ответ Валла стал настойчиво требовать, чтобы ему прежде указали их, и ловко отделался от обвинения в ереси. Когда его упрекнули, что он отвергает десять предикаментов

<u>Аристотеля</u> (!!!), Валла ответил, что в научных вопросах считает себя в праве <u>мыслить</u> по-своему, и что десять предикаментов не есть десять заповедей.

С помощью своего покровителя короля Альфонса Валла освободился от каких бы то ни было последствий духовного суда и даже получил поручение от папы Николая V перевести на латинский язык Фукикида.

Лоренцо Валла обладал чрезвычайно смелым умом и стремился ниспровергнуть всё общепринятое. Его трактат «О свободной воле» впоследствии чрезвычайно высоко ставил <u>Лейбниц</u>. Валла безусловно признавал <u>свободу воли</u> и называл безумцем <u>Секста Тарквиния</u> за его известный запрос Аполлону.

Полемика Валлы скандализировала учёный мир: он бранился с неслыханной резкостью. Среди его оппонентов были и гуманисты, особенно Поджо Браччолини. Валла — человек новых времён.

Эней Сильвий Пикколомини (Жneas Silvius Piccolomini, 1405 — 1464) — одна из оригинальнейших фигур эпохи, знаменитый эрудит, гуманист. Он родился близ Сиены в благородной, но обедневшей семье; нужда рано заставила его поступить на частную службу, он много лет состоял секретарём разных высоких особ и в своих путешествиях добирался даже до Шотландии. Из ряда других секретарей он выдвигается своим ораторским талантом и своею изящное латынью. Во время Базельского собора он был ещё в небольших чинах, но имел случай сойтись с высокопоставленными иностранцами. Эней Сильвий там подружился с имперским чиновником Гаспаром Шлихом, любовная история которого дала Энею сюжет для повести «Эвриал и Лукреция»), которую он написал на латинском языке.

К этому роду прозы молодой клирик чувствовал особое влечение: в одной из своих эпистол Пикколомини изложил историю своей собственной любви, <u>отнюдь не платонической</u>. Ко двору императора Фридриха II (правил с 1440 по 1493) Эней Сильвий попал сперва как <u>секретарь антипапы</u>, но потом перешёл на службу к самому императору. В Вене Энею удалось собрать кружок молодых людей, расположенных в новой науке. Впоследствии он поступил на службу к папе — секретарём римской курии. Эротические сочинения Пикколомини имели скандальный успех. В одном из них Эней Сильвий писал:

«Найдите мне в мире вещь более распространённую, чем любовь. Укажите мне такое королевство, такой замок, такой город, такую деревушку, где не знают любви! Разве молодые юноши и девушки не предаются сладким играм любви в хижинах так же, как во дворцах? Что касается меня, то признаюсь, что я не жалел ударов моей шпаги для робких дев и чувственных красоток. Благодарю Бога за то, что он тысячи раз спасал меня из ловушек, расставленных бдительными отцами или ревнивыми мужьями».

Слава его блестящей образованности помогла Энею Сильвию сделать небывалую карьеру. В Риме он сделался епископом, <u>потом кардиналом</u>. Папа <u>Калликст III</u> (Альфонс Борджиа, 1455 — 1458) умер 6 августа 1458 года, и кардинальская коллегия избрала на престол Святого Петра кардинала Пикколомини!

Бывший секретарь антипапы и любитель чувственных наслаждений был интронизирован под именем <u>Пия II</u>. Он, разумеется, переменил свои убеждения и в одной из булл подверг осуждению даже свои собственные литературные произведения. Учёным Пий II помогал мало, так как был занят исключительно политикой. Во время Мантуанского собора, в отсутствие папы, римляне провозгласили республику. Пий II поспешил в Рим, набрав по пути значительное войско, осадил город, принудил к сдаче и после торжественного въезда устроил кровавую расправу. Умер он 15 августа 1464 года.

Кроме его латинского романа и писем, из его сочинений наиболее известны его <u>исторические</u> труды.

<u>Iulius Pomponius Laetus</u> (1428 — 1498) — незаконный сын богатой неаполитанской фамилии, ученик Лоренцо Валлы. Поселившись в Риме, Помпоний собрал обширную библиотеку, которую держал открытой для своих друзей. Жил он чрезвычайно скромно и бедно. Мечтая о <u>полном восстановлении античного мира</u>, Помпоний основал в Риме академию, члены которой принимали древнеримские имена и, как говорили в Риме, приносили жертвы античным богам.

Это невинное общество показалось подозрительным <u>Павлу II</u> (Пьетро Барбо, 1464 — 1471). Помпоний был арестован и посажен в тюрьму, но после следствия выпущен на свободу.

Джованни Пико делла Мирандола (1463 — 1494) — родился в замке Мирандола близ Модены. Это был замечательный, разносторонний учёный; его общирные знания поражали современников уже тогда, когда Пико был мальчиком, почти ребёнком. Удивительна смелость его тезисов в философии и теологии. Он избрал своим девизом: «De omni re scibili» («Обо всех вещах, доступных познанию») — гордо выполнял его. Этот сын моденского графа в 10-летнем возрасте стал лучшим оратором и поэтом века. Жажда знаний поглотила его целиком: он ездил по университетам, изучил 22 языка, а когда тогдашняя наука открыла ему все тайны, изучил халдейский, древнееврейский и арабский языки, чтобы углубиться в Каббалу. В 1486 году Пико делла Мирандола прибыл в Рим. Он был чрезвычайно популярен. Непосильная умственная деятельность подорвала его здоровье, и он умер в собственном замке близ Флоренции. В философии он был идеалистом и мистиком.

Раннее Возрождение <u>антропоцентрично</u>. В 1487 Пико делла Мирандола выступил в Риме с речью «О величии и достоинстве человека». Он акцентирует силу человека, его

способность подняться над своим скромным положением и возродиться на божественном уровне. Человек занимает <u>исключительное место в Творении</u>.

В книге «О достоинстве человека» Пико делла Мирандола писал: «О дивное и возвышенное назначение человека, которому дано достигнуть того, к чему он стремится, и быть тем, чем он хочет! Бог создал человека, чтобы он сознавал законы вселенной, любил её красоту, поражался её величием. Человек может расти и совершенствоваться по свободной воле».

Современники верили, что Пико делла Мирандола знал 20 способов получения золота из неблагородных металлов. На его могиле якобы было написано: «Собиратель золота из свинца». (Выдумка?)

47. Никколо Макиавелли.

«Маккиавеллизм» — политика вероломства, хитрости, интриги и предательства; этот термин образован от имени Маккиавелли, а само это имя — синоним коварного и беспринципного политика, использующего любые средства для достижения своих целей. Между тем, Никколо Маккиавелли был одним из величайших мыслителей Возрождения, без него мой обзор был бы неполным, хотя Маккиавелли никогда не занимался богословием. Дело в том, что его политическая доктрина наглядно воплощает его философию, и не нужно искать у него специально философских высказываний.

Но нужно присмотреться к его жизни, понять его жизнь и мышление как единое целое.

Никколо Маккиавелли родился 3 мая 1469 года во Флоренции; и по отцу, и по матери он аристократ, предки его были баронами, потом переселились во Флоренцию и занимали высшие должности <u>гонфалоньеров</u>, но со временем обеднели. Отец Маккиавелли был юрисконсультом; мать, образованная женщина и поэтесса, научил Никколо владеть пером. Мальчик получил хорошее образование: греческим он не владел, но прекрасно знал латынь. Из римских классиков он лучше всего изучил <u>историков</u> и <u>сатириков</u>, т. е. писателей, дающих наибольшие знания о жизни народов или частных людей.

Вскоре после смерти <u>Лоренцо Великолепного</u> флорентийцы восстали и изгнали из города нового тирана <u>Пьетро Медичи</u> вместе со всем их домом (1494). В новой республике всё возрастающим влиянием пользовался доминиканский монах <u>Джироламо</u> <u>Савонарола</u> (1452 — 1498).

Хроникёр Бурхард записывает под 1494 годом:

«В понедельник 17 ноября сиятельнейший король французский Карл вступил в город Флоренцию с величайшим почётом и триумфом, сопровождаемый большим количеством конных и пеших. Здесь он обсуждал разные дела с флорентийцами. На дверях церквей и в других открытых местах золотыми буквами было написано: «Король, мир и восстановление свободы». Между прочим, король вступил в соглашение с флорентийцами, заключив с ними условия, которые 26 ноября были оглашены в митрополитском храме по окончании литургии. В силу этих условий флорентийцы обязались заплатить королю в течение года 130.000 дукатов. Король постоянно будет иметь во Флоренции двух послов, а флорентийцы будут иметь при короле двух послов, с целью постоянно обсуждать текущие военные дела.

Свержение тирании Медичи стало возможным благодаря вторжению Карла Французского; новая Флорентийская республика вступила с ним в союз.

Джироламо Савонарола, сын врача из Феррары, монах доминиканского ордена, в 80-х годах выступил с сочинениями и проповедями, в которых изобличал безнравственность, особенно в среде духовенства и богачей, призывал к отказу церкви от богатства и пышных обрядов, к аскетизму. Его симпатии к простому народу и демократическим формам правления снискали ему большую популярность. В 1491, став настоятелем (приором) монастыря Сан-Марко во Флоренции, Савонарола изъял из употребления золотую и серебряную утварь, церковные сосуды и заставил монахов работать.

После 1494 года, т. е. после переворота во Флоренции и изгнания семейства Медичи, Савонарола стал фактическим <u>диктатором города</u>, превратив его в подобие гигантского монастыря. Все граждане обязаны были посещать церковь; «языческие» книги, музыкальные инструменты, картины сжигались на улицах. Сам великий Сандро Боттичелли был захвачен фанатизмом Савонаролы и в экстазе раскаяния бросал в огонь свои картины.

Савонарола ввёл республиканское устройство и осуществил ряд реформ: освобождение несостоятельных должников от долгов, изгнание ростовщиков, усиление налогов на землевладельцев и т. д. Эта суровая народная теократия изумила всю Италию. Папа <u>Александр VI</u> (испанец из семейства Борджиа, понтификат 1492 — 1503) тщетно пытался подкупить Савонаролу титулом кардинала; потерпев неудачу, папа в 1497 году отлучил его от церкви. Савонарола был схвачен и после пыток сожжён вместе с двумя другими монахами, своими последователями.

В это время началась политическая карьера Макиавелли. С 1498 он занимает видное место — он секретарь Совета Десяти, с жалованьем 192 флорина в год. На этом посту он прослужил 14 лет и 5 месяцев, в почти беспрерывных посольствах и разъездах, которые дали ему огромный дипломатический опыт. Макиавелли, хотя ни разу не был первым посланником, стал видным дипломатом, объездил всю Италию, был несколько раз во Франции и в Германии у императора Максимилиана, которого итальянцы прозвали Massimiliano da pocchi danari (Максимилиан о Малых Деньгах — «пустой карман»). Макиавелли внимательно изучал жизнь, нравы, политический быт разных стран и сообщал свои наблюдения в отчётах.

Особого внимания заслуживает его посольство к <u>Цезарю Борджиа</u> — посольство, во время которого произошли так называемые «<u>синигальские убийства</u>».

Цезарь Борджиа был достойным сыном своего отца. Папа Александр VI, племянник папы Калликста III, хотел упрочить папский престол за фамилией Борджиа и превратить Рим в <u>наследственную монархию пап</u>. Цезарь Борджиа попытался, опираясь на власть отца и особую роль церкви, стать государем всей Италии.

<u>Объединение Италии</u> — давняя мечта всех патриотов, об этом мечтал ещё Данте. Но папа Александр VI и его сын объединяли Италию для себя, широко используя яд, клятвопреступление, обман и шантаж.

Красавица донна Лукреция, дочь папы, была весёлым и совершенно безвольным существом: о ней говорили, что отец её и брат (Цезарь) были в числе её любовников. Это остаётся недоказанным, зато совершенно ясно, что папа и Цезарь сделали Лукрецию своим орудием, <u>инструментом политических браков</u>, и отделывались от её мужей за ненадобностью при помощи кинжала.

Папа Александр VI обманом заманил к себе кардинала Орсини и посадил его в тюрьму; имение кардинала было конфисковано в пользу папы. Было известно, что кардинал владеет очень дорогой жемчужиной, но её не нашли при конфискации. Папа приказал не давать заключённому пить, пока не будет возмещена недостача. Любовница кардинала, переодевшись мужчиной, принесла папе жемчужину. Тогда несчастному кардиналу папа послал хлеба и вина, но только вино было отравлено.

Цезарь Борджиа, пользуясь деньгами, войсками и влиянием папы, вёл войну за основание собственной монархии. Мелкие тираны (Вителоццо, Оливеретто и др.) составили против него союз. Цезарь оказался слабее коалиции, покорился ей и пригласил этих тиранов к себе на свидание, для переговоров. Затем, вопреки древним законам дипломатии, он предательски перерезал их с поразительным хладнокровием. При этом подвиге присутствовал и Макиавелли в качестве посланника Флорентийской республики, которая после казни Савонаролы вступила в союз с домом Борджиа.

Макиавелли давались не только мирные поручения. С 1506 года он увлечённо занимался военным искусством и в 1509 году, применяя теорию к практике, во главе флорентийского военного отряда взял Пизу.

В 1512 над Флоренцией собрались тучи. Воинственный папа <u>Юлий II</u> (1503 — 1513), типичный кондотьер, озлобленный на Флоренцию за союз с французским королём Людовиком XII, деятельно поддерживал семью Медичи. Император, прежде обещавший поддержать Флоренцию, потребовал теперь огромной взятки; не получив её, он позволил своим войскам вторгнуться в земли Флоренции. В самом городе шла агитация в пользу изгнанной Медицейской династии. Выборный правитель республики, слабы <u>Пьетро Содерини</u>, потерял голову в этих сложных обстоятельствах. В сентябре 1512 года Флоренция была взята почти без боя и тирания Медичи реставрирована.

Маккиавелли лишился места и даже попал в тюрьму; кажется, его даже пытали. В 1513 году кардинал Джованни Медичи был избран папой (Лев X) и даровал амнистию всем заключённым. С этого времени Макиавелли жил в имении La Strada недалеко от Флоренции, изнывал от безделья и писал книги. Главная из них — знаменитая книга

«Государь» («Il principe»). В период работы над ней опальный дипломат писал одному из друзей: «Я исследую там, что такое власть государя, сколько родов её, как она приобретается, особенно новому, такая книжка должна быть приятна, почему я и думаю посвятить её Юлиану Медичи». Обыкновенно авторы подобных сочинений стремились изобразить свой идеал государя; Макиавелли, должно быть, не раз смеялся над книгами этих мечтателей. Он заявляет: «...Между тем, как живут люди и как должны жить, расстояние необъятное, и я счёл за лучшее не отступать ни на шаг от правды действительности (andare dietro della veritó effettuale della casa)». Он пишет суровую правди.

Последняя глава книги — прочувствованное воззвание к будущему освободителю Италии от варваров. Макиавелли выражает надежду, что этот освободитель выйдет из дома Медичи. О нём Италия ежедневно молит Бога; этот будущий освободитель спасёт её, как Моисей спас народ Израиля. Глава и весь трактат кончается словами Петрарки: «Восстанет доблесть против злобы и поразит её; не умерла ещё древняя храбрость в сердцах итальянских».

Освобождение Италии требует <u>сильного вождя</u>; историческая слабость и раздробленность Италии диктует флорентийскому теоретику разработку реалистической (порою слишком реалистической, слишком «итальянской») политики.

Одно время на роль <u>сильной личности</u> притязал Цезарь Борджиа, и Макиавелли, <u>не считая его человеком нравственным</u>, хвалит его змеиную мудрость. В период создания книги больших внешнеполитических успехов добился брат папы — Джулиано Медичи, властитель Флоренции, которому Макиавелли хотел посвятить и поднести «Государя». Но Джулиано умер в 1516 году.

Через два года начинает возвышаться новый властитель — <u>Лоренцо Медичи,</u> племянник покойного Джулиано, и Макиавелли спешит поднести книгу ему. Но пустой, ничтожный Лоренцо не оценил этого труда.

С годами Макиавелли стал чаще посещать Флоренцию, сблизился с молодыми людьми из лучших фамилий, которые собирались в садах Руччелаи; двоим из них он посвятил свои «Рассуждения на первые 10 книг Тита Ливия» — по сути дела, это было продолжение «Государя». В сада Руччелаи постепенно созрел ещё один заговор против дома Медичи, но Маккиавелли в нём не участвовал и не был привлечён к ответственности. Он написал также диалог «О военном искусстве», где верно указывал на пагубность наёмных войск и профессиональной армии; войска должны состоять из граждан, обученных военному искусству. Он завидовал <u>ландверу</u> — ополчениям немецких городов: «немецкие города не тратятся на солдат: там в праздник каждый забавляется оружием, а при необходимости выходит в поле как опытный воин».

Маккиавелли писал стихи. Высокая поэзия не давалась ему, его серьёзные пьесы учёны и скучны, зато в комедии и сатире он не знал себе равных. Успех его «Мандрагоры» превзошёл все ожидания, но это мало удовлетворяло человека, рождённого для политической активности.

Наконец, старому писателю удалось сойтись с кардиналом <u>Джулио Медичи</u>, который в 1523 стал папой под именем <u>Климента Седьмого</u>. Уже с 1521 года кардинал даёт ему незначительные дипломатические поручения. В 1525 году Маккиавелли уже ездил в Венецию, а затем ему доверили исправление укреплений Флоренции на случай войны.

И вскоре началась эта война — между Лигой и императором. Это была та самая война, в ходе которой войска коннетабля Бурбона взяли штурмом и разграбили Pим (Sacco di Roma, 1527), а флорентийцы воспользовались этим, чтобы ещё раз выгнать Медичи.

Теперь Маккиавелли пострадал за мучительно заработанное сближение с семейством Медичи, от которых он получал пенсию в 100 дукатов за свою великолепную «Историю Флоренции». Может быть, были и другие причины: республика 1527 года сильно напоминала республику Савонаролы — королём Флоренции был провозглашён Иисус Христос, женщинам запретили носить серебряные пояса и золотые цепи, запретили игры и т. д. С этой республикой не мог сойтись Маккиавелли, который служил во время реакции против Савонаролы. И 22 июня 1527 года, пережив ещё одно разочарование, Макиавелли умер — как говорят, от излишнего употребления чрезвычайно сильных пилюль, которыми он привык прекращать свои боли в желудке.

Маккиавелли изменял жене в каждом городе Италии. Его дети, как и его друзья, любили, но не уважали его. Над ним посмеивались, вышучивали его странности.

Маккиавелли смотрел на эпоху <u>пессимистически</u>. В письме к Содерини (1515): «Всё, что я видел, всё, что я читал, не научило меня уважать действия людей и их мотивы». В «Asino d'oro»: «В этот презренный, испорченный век и без глаз Аргуса видно много дурного и мало хорошего». В «Государе»: «Мудрость человеческая состоит в том, чтобы выбирать лучшее из дурного».

Макиавелли даже в действиях Савонаролы усматривает расчёт и эгоистические побуждения, а нежелание папы судить его объясняет страхом перед издержками. В то же время он высоко ставит личную доблесть человека, а его заветная мечта — единая и свободная Италия. Макиавелли — демократ, ищущий долгого тактического союза с тиранией. В своих трудах он говорит о правительстве, о государстве, разумея под ним и монархию, и республику.

Его политическое учение исходит из двух принципов: 1) всеобщая испорченность людей; 2) принцип *интереса* (выгоды).

Великий законодатель должен предполагать людей дурными. Это не значит, что все люди — злодеи: «редко люди бывают вполне бесчестны или вполне честны». Большинство идёт средним путём — самым пагубным!

Маккиавелли обобщает недостатки людей: «Человек может простить оскорбления личности и даже смерть родителей, но не простит никогда тому, что посягнёт на его собственность» ($Princ.\ XVII$). Толпе он отказывает в благородстве и уме. «Люди всегда идут по дорожке, протоптанной другими, и подражают другим в своих действиях» ($Princ.\ VI$). Толпа всегда преклоняется перед успехом.

«Страсть к приобретению есть дело естественное и обыкновенное, и если люди достигают своей цели, их хвалят, а не порицают; но когда, не имея сил, они хотят во что бы то ни стало достигнуть её — следствием бывает позор» ($Princ.\ III$). Между средствами достижения цели первое, без сомнения, сила. «Только пророки вооруженные достигали своей цели, а безоружные погибали» ($Princ.\ VI$). Правительство должно применять силу в случаях явного неповиновения: «Усмирение несогласий казнью виновных есть лучший способ» ($Discorsi,\ III,\ 27$). Но к такому способу надо обращаться только в крайней необходимости, и Маккиавелли в принципе не одобряет его: путь насилия — это способ действия животных; люди к нему обращаются вследствие неудачи на пути законов. Когда наступает эта крайняя необходимость, следует стараться, чтобы кровь проливалась в возможно меньшем количестве.

«Хотя Цезарь Борджиа был жесток, он всё же был милосерднее, чем флорентийский народ, который избегая нарекания в жестокости, допустил разрушение Пистойи» (*Princ*. XVII). «Хорошо направленной жестокостью (если только, говоря о зле, можно употребить слово хорошо) может назваться та, которая производится один раз, при закреплении власти» (*Princ*. VIII). К такой жестокости неминуемо прибегает каждая власть: «Гражданин республики, желающий сделать что-либо великое, должен уничтожить прежде всего завистников; сам Моисей принуждён был казнить многих» (*Disc.*, *III*, 30).

Эта теория устрашения опирается на убеждение, что людей надо <u>ласкать</u> или <u>уничтожать</u>: «Они мстят за мелкие обиды и не могут мстить за тяжёлые» (*Princ. III*). «Лучше и даже выгодней, где можно, ограничиться одною ласкою; когда же это невозможно, государь должен быть строгим, но настолько умеренно, чтобы не возбуждать ненависти, ибо возбуждение ненависти никому не принесет пользы» (*Disc. III*, 19). «Выгодней всего государю, если власть его опирается на народ» (*Princ. IX*).

Любовь народа — лучшая защита против заговоров, но с любовью должны соединяться уважение и страх.

«Цель правительства — держать подданных таким образом, чтобы они не должны были и не могли оскорблять его; следовательно оно должно или подавить их, отнявши у них всякий способ вредить, или осыпать их благодеяниями, чтобы перемена не могла казаться им приятною» (Disc. II, 23). Хуже всего полумеры и угрозы: в отчаянии человек очень опасен, а убитый мстить не может.

Важным подспорьем для силы служить <u>хитрость</u>, и государь должен быть <u>не</u> <u>только львом</u>, но и лисою (Princ., XVIII), хотя последнее качество не должно проявляться слишком явно.

«Государь благоразумный не может и не должен исполнять обещаний, когда это для него невыгодно. Если бы все люди были честны, бесчестно было бы это правило, но когда не соблюдают обещаний тебе данных, то и ты не обязан соблюдать своих. Одно дело иметь вид честности, иное дело — $\underline{\textit{быть}}$ честным, и можно даже сказать, что для государя невыгодно быть всегда честным, а казаться таковым полезно» ($Principe\ XVIII$).

За ловкость в обмане Макиавелли хвалит Цезаря Борджиа. Рассказав, как Цезарь Борджиа удовлетворил притеснённый народ, казнив наместника — орудие своих жестокостей, Макиавелли пишет «Собрав все эти действия герцога, я не решаюсь порицать его, но мне кажется, его надо поставить образцом для подражания всем тем, кто достиг власти с помощью счастия или чужих войск». (*Princ. VIII*). Он не рекомендует такого способа действий ни для того, кто достиг власти доблестью, ни для наследственного монарха, который, по его мнению, легко может удержать власть и удержит её непременно, если не будет слишком глуп или слишком жесток.

Макиавелли не верит в прогресс (по крайней мере в политике) и считает несомненной теорию кругооборота: за монархией, которая переходит в деспотизм, следует аристократия, переходящая в олигархию, и её свергает демократия; но это золотое время непродолжительно — демократия вырождается в охлократию (господство черни), и тогда снова делается необходимой монархия, и т. д. — до бесконечности.

Книгу «Государь» и вообще политическую доктрину Макиавелли принято считать безнравственной и циничной. Но это — позиция тех, кто не желает признаться, что следует тем же принципам. Фридрих II, самый циничный из королей, написал «Анти — Макиавелли».

Макиавелли <u>честно</u> и <u>открыто</u> сказал правду о том мире, в котором он жил. Он не брал на себя обязательства выносить этому миру моральную оценку: он застал скверный

мир и принял его как ρ еальность. В его понимании Φ акты опровергают мораль. Действительность смеётся над наивной верой.

Общество развивается <u>не по воле Бога</u>, а по своим собственным законам, в силу естественных причин. Историю движут «материальный интерес» и сила. Маккиавелли отмечал противоположность интересов народных масс и господствующих классов. Он выступал за создание сильного национального государства, свободного от феодальных междуусобиц и способного подавить народные волнения. В политической борьбе своей эпохи он считал допустимым применение любых средств, оправдывал жестокость и вероломство правителей в борьбе за власть.

Маккиавелли так же не рекомендует коварство и беззаконие, как Маркс не «проповедует» классовую борьбу. Маккиавелли констатирует, что позднефеодальное общество зиждется в действительности не на уважении права людей и наций, ещё менее на свободе каждого члена общества, а на <u>игре совершенно материальных сил;</u> привилегированные и наделённые властью представители общества играют в неё без всякого иного ограничения, кроме собственного понимания своих интересов.

<u>К. Маркс</u> считал исторической заслугой Макиавелли то, что он одним из первых стал рассматривать государство человеческими глазами и выводить его законы из разума и опыта, а не из теологии (Маркс и Энгельс, Соч., т. I, с. 111).

Маккиавелли ввёл плодотворное для своего времени понятие <u>интереса</u>, приоритарного, настоящего и становящегося, <u>страны против интриг государей</u>; он разоблачил тем самым метафизические прикрытия конкретных побуждений. <u>Анализ Макиавелли уже является преднаучным</u>.

48. Эразм Роттердамский.

Erasmus Roterodamus Desiderius — это псевдонимы. Настоящее имя этого обаятельного голландца было <u>Gerhard Gerhards</u>, он родился 28 октября 1469 в Роттердаме, а умер 12 июля 1536 в Базеле.

Это был учёный — гуманист, писатель, богослов, виднейший представитель «северного Возрождения», знаток античной культуры, противник схоластики и религиозного фанатизма.

Он происходил из богатой голландской купеческой семьи, жил во Франции, Англии, Италии, Швейцарии.

В юности Эразм испытал влияние со стороны «братьев общей жизни» (см. раздел 39, Фома Кемпийский), затем со стороны так называемых «оксфордских реформаторов», в первую очередь под воздействием Джона Колета. Эти факторы определяли мировоззрение Эразма, которое сам он называл «философией Христа» (philosophia Christi). Суть его — возрождение идей и идеалов раннего христианства, возврат к истокам во всех областях жизни.

Таким образом, возрождение античных наук и искусств (Ренессанс в узком смысле слова) оказывается составной частью христианского Ренессанса в понимании Эразма. Для оценки его философских воззрений особое значение имеет трактат «Кинжал христианского воина» («Enchiridion militis Christiani», Antwerpen, 1502), свидетельствующий о последовательном, рано сложившемся и неизменном в течение всей жизни мировоззрении.

Известнейшее из всех произведений Эразма — шутливая декламация «<u>Похвала</u> <u>Глупости</u>»: «Μωρία ἐγκώμιο [sive] stultitiae laus», написано в 1509, впервые напечатано в 1511 в Париже. Это своего рода summa (по средневековой терминологии), свод взглядов автора по всем вопросам человеческого существования, покоящийся на двух важнейших для мироощущения Эразма тезисах: <u>парадоксальная</u> (мы бы сказали диалектическая) двойственность всех явлений бытия и пагубность любого эксцесса, одержимости, интеллектуальной ослеплённости. «Похвала Глупости» остроумно и едко осмеивает общественные пороки того времени, религиозную мораль, аскетизм, схоластику и проч.; особенно чувствительный удар Эразм наносил богословам и монахам.

Критика Эразма косвенно подрывала учение церкви, так как он будил сомнение в подлинности и святости библейских книг, указывая, что многое в них представляет собой аллегории, отрицал троичность божества, высмеивал таинство причащения, целибат духовенства.

В богословии Эразм избегал любых догматических дискуссий, сводя всё к изучению и толкованию Писания в историческом и нравственно-аллегорическом смысле. Применение методов гуманистической филологии позволило Эразму осуществить первопечатное издание Нового Завета (Baseleae, 1517) с обширными комментариями и новым латинским переводом (в издании 1519 года); оно не только стало важнейшим шагом на пути к Реформации, но и положило основы научной экзегезы и критики текста Нового Завета.

Реформации Эразм не принял, отпугнутый фанатичностью Лютера, его жёстким догматизмом и особенно бесчеловечностью догмата <u>о несвободе воли</u>. Его полемика с Лютером — «О свободе воли (De libero arbitrio)», Baseleae, 1524, и «Заступник (Hyperaspistes)», Baseleae, 1526 — 1527. Однако, несмотря на эти расхождения, Эразм до самой смерти не прекращал критику пороков католической иерархии.

Социальные, политические и экономические воззрения Эразма не вполне поддаются описанию ввиду их сугубо моралистической окрашенности (см., например, «Воспитание христианского государя» — «Institutio principis Christiani», Baseleae, 1516). В целом Эразм — сторонник сильно, но просвещённой и гуманной монархической власти, хотя личные его симпатии явно на стороне самоуправляющихся городских общин. Очень важны педагогические взгляды Эразма, решительно отвергавшего средневековую систему образования и воспитания; Рабле в художественных образах развивал гуманистическую педагогику голландца, великие педагоги — просветители Ян Амос Коменский и Песталоцци идут по его стопам.

Эразм Роттердамский — бесспорный вождь того течения в гуманизме, которое обычно называют «христианским гуманизмом» (Дж. Колет, Томас Мор, Г. Бюде, Лефевр д`Этапль, Кастелло, И. Рейхлин) и которое пыталось синтезировать культурные традиции античности и раннего христианства. Сущность эразмианства — свобода и ясность духа, миролюбие, воздержанность, здравый смысл, образованность, простота. В оппозиции к понятию эразмианства стоят прежде всего фанатизм, затем невежество, насилие, лицемерие, нарочитая интеллектуальная усложнённость (отсюда возвращение Эразма к поздней схоластике, в первую очередь к Иоанну Дунсу Скоту).

Из совершенно мирских компонентов складывается и первостепенно важное для Эразма представление о <u>благочестии</u>. «Похвала Глупости» сыграла важную роль в подготовке Реформации. Ещё при жизни Эразма эта книга была издана 40 раз и переведена на все языки Европы; позднее она переиздавалась свыше 200 раз. Этот блестящий памфлет бичует пороки современной автору действительности, а более всего — церковь и духовенство. В своём монологе Глупость хвалит папу, кардиналов, епископов, монахов, пустословов — схоластов, религиозных кликуш и ханжей.

Дильтей назвал Эразма Дезидерия «Вольтером XVI века». Эразм был другом Томаса Мора и был связан с Флорентийской академией платоников. Он отстаивал веротерпимость и в яростных спорах Реформации стоял вне партий. «Неучастие человека в его определении Богом, восторженность, которая лишает человека возможность располагать земным миром и — вследствие распущенности мира — отдаёт его в полное распоряжение Бога —вот то, что Эразм Роттердамский называет "нововведением" Лютера» (А. Gail. Erasmus von Rotterdam, Auswahl aus seinen Schriften, 1948).

Эразм жаловался: «То, о чём я говорю сдержанно, относя значимость его только к определенным случаям, Лютер распространяет на всё и вся».

Сравнивая Библию с античными классиками (особенно с Сократом и Платоном), Эразм хотел объять «универсальное откровение», «чистое евангелие», «христианскую философию» и явился таким образом, <u>основателем теологического рационализма</u>. Его идеалом образования был эстетический, моральный и религиозный индивидуализм.

Все круги, которые представляли консервативную, средневековую, схоластическую идеологию в религии и философии, были на стороне <u>соборного движения</u>, зато гуманисты, сторонники новых течений, были на стороне папства. Точно так же, когда появились Лютер и протестантизм, самые антиклерикальные, острее всех высмеивающие тогдашние отношения в Церкви, гуманисты Эразм Роттердамский и Томас Мор <u>остались верны Церкви</u>.

49. Мрачный эпилог XV века.

В 1484 году на папский престол взошёл грубый развратник кардинал Мельфский, принявший имя Иннокентия VIII. Это был невежественный человек, мечтавший только о золоте, вине и женщинах. Римляне острили, что он «подлинный папа» Рима, ибо он усердно заселяет землю и римские улицы кишат его детьми. К моменту избрания Иннокентий имел восемь сыновей и восемь дочерей.

Сам папа цинично заявлял, что Бог не велит ему иметь детей, зато дьявол послал ему много «племянников». «Племянниками» (непотами) именовали папских детей, отсюда термин «непотизм».

Впрочем, Иннокентий не скрывал своего отцовства и с большой пышностью, торжественно и публично отпраздновал свадьбу своей дочери Теодорины, темы самым положив начало обыкновение пап официально признавать своих детей. Теодорина вызывающим образом участвовала в наиболее сложных делах курии и нередко своим вмешательством определяла решение важнейшего вопроса. Она вышла замуж за неаполитанского короля: этот брак положил конец старой борьбе пап с Арагонской династией, царившей в Неаполе.

Точно так же при заключении мира с Флоренцией папа женил своего сына Франческетто на дочери Лоренцо Великолепного и поднёс кардинальскую шапку ребёнку из дома Медичи — тринадцатилетнему Джованни, будущему Льву X.

Иннокентий VIII вписал своё имя в историю сажей от костров инквизиции. Жалобы инквизиторов <u>Инсисториса и Шпренгера¹⁴</u> на равнодушие многих епископов к ведовству послужили поводом для знаменитой папской буллы от 5 декабря 1484 года «Summis desiderantes» («С величайшим рвением»). В булле говорилось:

«С величайшим рвением, как того требуют обязанности верховного пастыря, стремимся мы к тому, чтобы росла католическая вера и были искоренены злодеяния еретиков. Поэтому мы снова настойчиво предписываем то, что должно осуществить эти наши стремления. С великой скорбью приняли мы сведения, что в некоторых частях Германии, особенно в областях Майнца, Кёльна, Трира, Зальцбурга и Бремена, весьма многие особы как мужского, так и женского пола, не заботясь о собственном спасении, отвернувшись от католической веры, имеют греховные половые связи с демонами, принимающими облик мужчин или женщин, и своими колдовскими действиями, песнями, заклинаниями и другими внушающими ужас и отвращение волшебными средствами наводят порчу, губят рождаемое женщинами, приплод животных, плоды земли, виноградники и плодовые сады, а также мужчин, домашних и других животных,

 $^{^{14}}$ Они утверждали, что не верить в существование ведьм — *величайшая ересь*.

виноградные лозы, фруктовые деревья, луга, посевы и урожаи: они мучат мужчин, женщин и внутренними болезнями препятствуют мужчинам оплодотворять, а женщинам рожать, даже отнимают у мужчин силу исполнять супружеские обязанности и мешают в исполнении брачного долга женщинам».

[Это сокращённый и неточный перевод начала буллы].

Далее папа обрушивался с угрозами и предупреждениями на тех клириков и светских лиц, мешавших инквизиторам Генриху Инсисторису и Якобу Шпренгеру, профессорам богословия, осуществлять розыск и преследование ведьм в тех или иных областях и диоцезах.

Булла «Summis desiderantes» — это историческая булла <u>против ведьм</u>. Она развязала волну жесточайшего и бессмысленного инквизиционного террора. По всей Европе запылали костры, на которых горели женщины и девушки, обвинённые в ведовстве.

Необходимые уточнения и инструкции были даны теми же Шпренгером и Инсисторисом.

В 1487 году в Лионе эти два доминиканца издали на латинском языке <u>трактат</u> «Malleus maleficarum» («Молот ведьм»), повторённый в 1489 году.

Это руководство для инквизиторов поражает нас по сей день богатством своей извращённой фантазии, болезненным характером чёрной, демонической порнографии.

В книге ссылками на Библию и отцов церкви обосновываются священное право и обязанность инквизиции преследовать еретиков, из коих наиболее опасными объявляются В «Молоте колдуны. до крайних ведьмы И ведьм» пределов доходит женоненавистничество этих двух холодных садистов, немецких инквизиторов. Женщина представлена в этом трактате <u>по природе союзницей дьявола</u>. Шпренгер и Инсисторис разработали целую систему изобличения ведьм и наказаний (в том числе наказаний за малейшие попытки помешать охоте за ведьмами). Вместе с тем «Молот ведьм» предусматривал и всяческие способы извлечения материальной выгоды для церкви и её агентов от сожжения тысяч женщин, обвинённых в ведовстве.

«Молот ведьм», одобренный папами, стал настольным руководством инквизиторов в развернувшейся дикой охоте за ведьмами. Авторитет этой позорной книги и её неимоверная популярность росли с каждым новым изданием. Книга была объявлена вершиной богословской мудрости, ей приписывалась сила закона. Уже за первые 180 лет число изданий «Молота ведьм» достигло 29, из которых 16 было выпущено в Германии, 11 — во Франции, 2 — в Италии.

Шпренгер и Инсисторис в своей книге приводили массу примеров ведовства и проведённых ими расправ. Только в Равенбурге «не менее 48 ведьм в течение пяти лет были нами преданы огню».

Это был заразительный пример. В епархии Комо в XVI веке ежегодно сжигалось более 100 женщин. В Трирской области, за 7 лет было сожжено 380 человек; в двух деревнях этой области осталось в живых две женщины. В 1546 в Женеве сожгли 500 ведьм. В 1577 году в Тулузе было сожжено 400 ведьм, в их числе девочки 7, 8 и 10 лет. В Брауншвейге в последнее десятилетие XVI века сжигалось в иные дни по 10 — 12 человек; площадь казней напоминала лес, так часто она была заставлена столбами для привязывания еретиков.

В Страсбургском епископстве за 5 лет (1630 — 1635) сожжено около 5.000 женщин.

В княжестве Нейсе с 1640 по 1651 было осуждено около 1000 ведьм: для быстроты исполнения приговора из сталкивали в специально выстроенную печь.

Наиболее крайние антиклерикалы считают, что результатом буллы «Summis desiderantes» за всё время деятельности инквизиции было уничтожение <u>9 миллионов человек</u>.

Признания в ереси, признания ведьм в том, что они на мётлах летали на шабаш, признания женщин в сожительстве с демонами (в том числе такие же признания семилетних девочек) исторгались с помощью изощрённых пыток, придуманных или усовершенствованных инквизицией.

«Испанский сапог», популяризированный Виктором Гюго в «Соборе Парижской богоматери» (там этой пытке подвергают цыганку Эсмеральду), был ещё самым невинным инструментом. В застенках инквизиции были вещи и пострашнее: чугунная маска, которую в раскалённом виде надевали на лицо пытаемого; ошейник с гвоздями; «кресло милосердия», усаженное гвоздями; тиски для пальцев; груша, вставляемая в рот; маска с воронкой, через которую лили воду в горло пытаемого; станок для обжигания ступней; дыба; клещи. Инквизиция только пытала, но сама никогда не карала: своих жертв, признавшихся в ереси или сношениях с дьяволом, она передавал в руки светских властей для казни. Это была только казнь без пролития крови — сожжение заживо на костре. Испанская инквизиция выработала красивый эвфемизм для обозначения казни — аутодафе (акт веры). Инквизиция оправдывала эти сожжения тем, что первое сожжение устроил сам Господь, наслав огонь с серой на города Содом и Гоморру.

Были даже <u>сожжения в печи</u>. Жертву помещали в каменную или медную печь и разводили медленный огонь, так что несчастный умирал в страшных мучениях. Испанские инквизиторы во время аутодафе поливали сжигаемых смесью смолы и масла.

Самый знаменитый инквизитор в истории был Великий Инквизитор Испании <u>Томас де Торквемада</u> (Torquemada, латинское Turrecremata, 1420 — 1498), доминиканский монах, жестокий фанатик. Он родился в Вальядолиде, был приором монастыря в Сеговии, затем духовником кастильской принцессы <u>Изабеллы</u>, впоследствии испанской королевы.

Это была фанатически религиозная женщина, получившая почётное прозвище «Католички». Изабелла Католичка (1451 — 1504) вышла замуж за Фердинанда Арагонского. Этот брак объединял под одним скипетром Кастилию и Арагон, что способствовало полному объединению Испании.

Считая своей главной политической целью объединение Испании, Торквемада поставил на службу этой задаче церковь и инквизицию, реорганизовав её и превратив в «страшное оружие абсолютизма» (К. Маркс). Назначенный Великим Инквизитором Кастилии (1483), а затем Арагона (1484) и Барселоны (1486), Торквемада разработал кровавый инквизиционный процесс, выступил автором беспримерных по жестокости инструкций о применении пыток при расследованиях (1484, 1490, 1498), ввёл в практику массовые публичные казни — аутодафе, благословил Изабеллу и Фердинанда на поход против Гренады (1492) и добился изгнания из Испании мавров и евреев.

За 16 лет по приговорам, утверждённым Торквемадой, было сожжено и казнено иными способами выше 8.000 человек.

Дополнение: Фрейдистская трактовка «Молота ведьм».

Фрейдовское открытие связи между непристойностью и болезнью не возникло из скабрёзной психики учёного. Может быть, с тех пор, как человек впервые почувствовал себя виновным в сексуальном желании, он и рассматривает болезнь как наказание за грех. Страшной кульминацией этого чувства вины было XV столетие, когда с благословения церкви сотни тысяч ни в чём неповинных женщин были сожжены на кострах за ведовство.

Подобная бойня оправдывалась в «Malleus Maleficarum» — книге, написанной двумя немецкими монахами, Иоанном Шпренгером и Генрихом Кремером. Всякий, читавший этот документ, может видеть, что это один из самых ошибочных протестов против сексуальных импульсов из всех когда-либо написанных на бумаге. Монахи объявили, что всякая колдовская сила возникает из плотского вожделения, которое у женщин никогда не бывает удовлетворено, так как «уста матки» постоянно алчут всё большей пищи. Ради удовлетворения своих желаний женщины вступают в связь даже с дьяволами, говорили монахи.

Описывая дьявольскую силу, Шпренгер и Кремер утверждали, что источник власти женщин над мужчинами заключается в их плотском распутстве. У мужчин «источник распутства лежит в отделённых частях, поскольку именно из них падает семя, тогда как у женщин оно падает из пупка... И нет сомнения, что они знают, под какими звёздами семя бывает самым сильным, и что люди, зачатые таким образом, всегда будут испорчены колдовской силой».

«Молот ведьм» подтверждает данное Фрейдом описание детских фантазий о сексуальности, включая страх кастрации, зависть к пенису, вожделение к матери и ненависть к отцу, а также чувство вины, согласно которому все сексуальные импульсы безнравственны, а те, кто им отдаются, должны быть убиты.

Хотя извращённое мышление «Молота ведьм» было жестоким, сладострастным и невежественным, оно сделало шаг вперёд от суеверного мнения, что какое-то существо вне человека контролирует его. В тогдашнем человеке мелькнул слабый проблеск догадки, что он, быть может, сам несёт ответственность за свои несчастия, и с этого момент человек начал свой путь к эмоциональной свободе.

(<u>The Story of Psychoanalysis</u>, by Lucy Freeman and Marvin Small, New-York, 1960).

Дополнение: Аутодафе.

Исп. auto de fü, португ. auto da fü, лат. actus fidei. Процессия, сопровождавшая казнь осуждённых инквизицией. В 1481 — 1808 годах в Испании сожжено инквизицией 34.658 человек. Аутодафе устраивались обычно в одно из воскресений между Троицей и Филипповым постом, очень часто также в День Всех Святых.

На рассвете раздавался глухой удар большого соборного колокола, предвещавший начало зрелища, и народ толпами собирался на место, считая, что очищается от грехов одним созерцанием казни. Знатнейшие люди считали честью оказывать услуги Святому Суду при таких процессиях. Шествие открывали доминиканские монахи с хоругвью инквизиции. Прежде всех шли кающиеся грешники, на которых была наложена только эпитимия; за ними шли, отделённые большим крестом, носимым перед ними, осуждённые на смерть — босые, в san-benito (одеждах с изображениями чертей и адского огня) и остроконечных шапках. Затем несли изображения скрывшихся и, наконец, останки умерших подсудимых в чёрных гробах, на которых были нарисованы картины адского пламени и другие символические изображения. Ряд священников и монахов замыкал шествие.

По главным улицам процессия направлялась к церкви, где после проповеди объявлялся приговор обвиняемым, стоявшим перед распятием <u>с потухшей свечой в руке</u>. Про прочтении приговора служитель инквизиции ударял каждого из осуждённых рукою в грудь в знак того, что инквизиция передаёт их светскому суду.

Тогда осуждённых принимал гражданский чиновник, который приказывал связать их и заключить в темницу. Через несколько часов их вели на место казни. Тех еретиков, которые перед смертью обращались в католичество, сперва удавливали (посредством гарроты), а потом сжигали; прочих же — закоснелых еретиков, изображения скрывшихся и останки умерших — сжигали в первоначально виде. Король со всем двором обычно присутствовал при аутодафе, наблюдая за казнью с балкона.

Самое блестящее аутодафе состоялось в Мадриде (при Карле II); затем число аутодафе стало уменьшаться, заменяясь <u>казнью в стенах инквизиции</u>.

Иногда инквизиция сжигала вместе с еретиком пару — другую его «братьев» — обезьян (мартышек или павианов).

50. Помпонацци.

Pietro Pomponazzi (1462 — 1524) — итальянский философ эпохи Возрождения, один из наиболее оригинальных и смелых мыслителей гуманизма. Он развивал в материалистическом духе воззрения Аристотеля, опровергая схоластику.

В своём главном произведении «О бессмертии души» (1516) Помпонацци, подчёркивая элементы <u>сенсуализма</u> в философии Аристотеля, утверждал, что душа составляет форму тела, но тем не менее <u>является смертной</u>. Он отрицал возможность чудес и явления привидений. Он склонялся к мысли, что поведение человека обусловлено внешним миром, отвергал идею о вмешательстве Провидения в жизнь людей.

Помпонацци, как один из теоретиков гуманизма, подчёркивал, что только отказ от веры в бессмертие души соответствует подлинной природе человека, так как цель его деятельности находится не в потустороннем, а в посюстороннем мире.

Придерживаясь концепции <u>двойственной истины</u>, Помпонацци, стремился к полному отделению философии и политики от религии. Религию он рассматривал как утилитарное средство, позволяющее держать народ в повиновении.

Трактат «О бессмертии души» и особенно отрицание этого догмата вызвал ярость духовенства. Помпонацци был привлечён к суду инквизиции, а книге его сожжена.

51. Коперник (Copernicus).

Николай Коперник (1473 — 1543) — великий польский астроном, творец гелиоцентрической системы мира.

Избранный каноником Варлийского капитула, он многие году не приступал к исполнению церковных обязанностей, обучаясь в университетах Кракова, Болоньи и Падуи. В одной из башен крепостной стены собора во Фрауэнбурге (польский Фромборк) он оборудовал обсерваторию и прожил в ней почти 30 лет. Свой исторический труд «Об обращении небесных сфер» он медлил публиковать, понимая, что его идеи противоположны учению церкви. Однако свои взгляды Коперник распространял в письмах к учёным.

Книга, сделавшая бессмертным имя Коперника, увидела свет лишь в 1543 году — накануне его смерти.

«Революционным актом, которым исследование природы заявило о своей независимости и как бы повторило лютеровское сожжение папской буллы, было издание бессмертного творения, в котором Коперник бросил — хот и робко и, так сказать, лишь

на смертном одре — вызов церковному авторитету в вопросах природы. Отсюда начинает своё летосчисление освобождение естествознания от теологии....» (Энгельс, Диалектика природы. — Маркс и Энгельс, Соч., 2 изд., т. 20, с. 347).

Гелиоцентрическая система Коперника явно противоречит библейским представлениям, в частности легенде об Иисусе Навине, который во время битвы с врагами приказал остановиться солнцу).

Теория Коперника явно означала разрыв с геоцентрической системой Птолемея и основанными на ней религиозными представлениями о Земле как избраннице Божией и о привилегированном положении человека во Вселенной (антропоцентризм). Это очень хорошо определил в наше время Альберт Эйнштейн: «Коперник призывал человека к скромности».

Научный авторитет Птолемея был огромен. Церковь твёрдо и непреклонно придерживалась его взглядов.

Замечательный математик и астроном Птолемей (Птоломей, II век н. э.) в своём труде, который арабы назвали «Альмагест» («Великая книга»), обобщил всю мудрость древней астрономии. Согласно Птоломею, мироздание состоит из девяти «небесных твердей», сложенных из прозрачного хрусталя; самое высокое, девятое небо, в Средние века назвали Эмпиреем (раем, обителью блаженных); девятое небо объемлет все остальные. Восьмое небо — это небо звёзд. Седьмое — небо Сатурна; по шестому движется «благодетельное и благоприятное для человека светило» — Юпитер; на пятом небе находится «злобный Марс»; на четвёртом — Солнце, «владыка, князь и правитель всех других светил», «душа мира, громадный шар, освещающий своим светом всё пространство»; на третьем небе — Венера; второе — небо Меркурия, а первое — небо Луны. Неподвижная земля — в центре мира.

Вращение сфер и светил в пространстве порождает дивную музыку. Но человек не может слышать <u>музыку сферу</u>: «наши уши остаются закрытыми для небесной гармонии, подобно тому, как наши глаза закрываются перед лицом Солнца, нестерпимый свет которого ослепляет нас».

И эту чудную картину, поддержанную отцами церкви, разрушил сын польского булочника, какой-то каноник из Фрауэнбурга.

Коперник <u>не решился</u> при жизни напечатать свою книгу. Образ великого умирающего, который хладеющей рукой касается пахнущего типографской краской тома, — <u>легенда</u>. «Шесть книг о вращении небесных сфер» (1543) вышли сразу после смерти Коперника: такова была его воля.

Книга перечёркивала космологию Священного Писания, астрономию Птоломея, Отцов Церкви и схоластику. Это была <u>революция</u>: декларация независимости естествознания от теологии. <u>Коперниковский переворот</u>.

Теория Коперника отбросила также идущее от Аристотеля и использованное схоластикой противопоставление небесных и земных движений. <u>Коперниканство подрывало миф о Творении</u>.

Помимо воли Коперника, его книга вышла под редакцией лютеранского теолога А. Оссиандера, который в своём предисловии определил учение Коперника как «удивительную», но совершенно нереальную гипотезу.

Римская церковь первоначально не придала книге принципиального значения. Поскольку Коперник был добрым католиком, церковь снисходительно рассматривала его теорию как некую игру ума, служащую ко славе учёных, порождённых церковью 15.

Но после развития теории Коперника в трудах <u>Джордано Бруно</u> и её фактического подтверждения <u>Галилеем</u> церковь впала в панику. В 1615 году папа Павел V объявил учение Коперника еретическим. В 1616 книга Коперника была внесена в «Индекс запрещённых книг» с лицемерной и издевательской пометкой — «<u>вплоть до исправления</u>»: она оставалась в «Индексе» до начала XIX века.

Во многих университетах Европы вплоть до конца XVIII века профессора должны были давать клятву, что они не разделяют «коперникианской ереси».

¹⁵

Церковь даже одобрительно отнеслась к работам Коперника, <u>не понимая их значения</u>. См. часть III (о Кеплере). \rightarrow

Приложение

Фрагменты из тетради об истории религии

<Вставка о «Ведах»>

<u>Веды</u> = «знание» (санскрит); древнейшие литературно-религиозные памятники Северной Индии. Они возникли после вторжения в страну скотоводческого племени <u>ариев</u> (середина II — середина I тысячелетия до н.э.); их возникновение знаменовало выработку <u>ведической религии</u>. Однако веды были записаны лишь в первой половине I тысячелетия до н. э. и обнаруживают следы значительной греческой переработки первоначального текста.

Веды состоят из 4 сборников (самхит), которым приписывается божественное происхождение и несотворённость. Старейшая из самхит, <u>Ригведа</u>, представляет собой сборник гимнов (10 книг, более 1000 стихов) — восхваления богов, молитва к ним (например, о ниспослании побед над врагами, даровании материальных благ). <u>Самаведа</u> — сборник песнопений, содержащий многие гимны Ригведы, но уже приспособленные для исполнения в ритуальных целях. <u>Яджурведа</u> — сборник жертвенных формул — заклинаний, молитв и правил совершения жертвоприношений. <u>Атхарваведа</u> — сборник жреческих заговоров и магических формул, направленных против злых духов.

До сего дня индусы считают Веды своим священным писанием. В течение многих веков, с появлением брахманизма, Веды подвергались комментированию и толкованиям; так возникла обширная ведическая литература: Веды, <u>брахманы</u> (богословские трактаты), <u>араньяки</u> (философия и мистическое значение текстов Вед) и <u>упанишады</u>.

2.

Что раньше — миф или сказки? Мифическая сказка. Она была структурно простой. Содержала в зародыше и развлекательный и этиологический <смысл>.

Это «пра-сказка» не давала объяснения мира, а лишь объяснение простых, будничных вещей и явлений: почему не дружат между собой различные виды животных (тотемистическая проекция меж племенной вражды), почему журавль и цапля все время ходят по болоту, почему солнце никогда не встречается с луной (инцест) еtc. Солнце и луна входили в круг обыденных вещей. Понятие мира в целом не существовало. Сказки о браках людей и животных объясняли происхождение рода и его связь с определенным тотемом.

Типичный структурный элемент «пра-сказки» — открытый финал: результатом сюжета становится то состояние, которое длится «по сей день» (в момент рассказывания). Сказка не имела законченности, никакой свадьбы героя в конце, ни

даже убийства чудовища (оно побеждено, но по-прежнему живо; Карачун повторяется; сказка учит обряду его одоления — сбор первых птичьих яиц). «Пра-сказка» принципиально не имела конца «Так они и ходят по болоту по сей день».

3. < зачеркнутый фрагмент на отдельном листе>

...мере развитие дуалистической восточной ереси <u>павликианства</u>: мир добра и мир зла; дьявол — творец и господин материального мира. Богомилы отвергали церковь, богослужения, кресты, иконы и все молитвы <u>кроме одной</u> — «Отче наш». Особенно резко они выступали против богатств церкви и праздной жизни духовенства.

Богомилы поощряли <u>аскетизм</u>, презрение к материальным благам, удовольствиям и веселью. Руководители богомилов не вступали в брак.

Братства богомилов возглавлялись «совершенными» (дедец — старейшина), во главе всех общин стоял «богомильский папа». В быту общин были черты «потребительского коммунизма».

В богомильских сказках дьяволу отдавалось главенствующее участие в создании человека.

Биографический отдел

О Михаиле Михайлове Из архива Р. Г. Назирова

Михаило Михайлова (Михаил Николаевич Михайлов, 1934—2010) называют «известным югославским диссидентом». Из-за своих выступлений в печати середины 1960-х годов он попал в число тех, кем особенно интересовались спецслужбы, несколько раз арестовывался и сидел в тюрьме, в 1970-х был лишён югославского гражданства. Но начинал Михайлов как филолог: после окончания Загребского университета молодой тогда ещё литературовед, потомок эмигрантов первой волны, был отправлен на учебную стажировку в Москву, где познакомился со своим ровесником и коллегой, аспирантом МГУ, Ромэном Назировым. Их сближает не просто возраст и интерес к русской литературе: и Михайлов, и Назиров пишут свои большие работы о Достоевском. Но ожидаемо в тематический репертуар их общения оказываются вовлечены разнообразные предметы, касающиеся и вопросов социально-политического устройства, и осмысления истории.

В публикуемых далее материалах, извлеченных из дневниковых тетрадей Назирова 1960-х годов, хорошо видно, о чём советский и югославский коллега спорят, в чём не соглашаются, а благодаря содержащимся в дневнике Назирова замечаниям внутренняя «кухня» этого общения прорисовывается ещё отчётливее.

Михайлов, по всей видимости, был социальным философом-романтиком, строящим причудливые конструкции, которым никогда не суждено быть воплощёнными. Несмотря на то, что, как и многим другим, с кем он делил судьбу, ему после лишения гражданства пришлось стать «специалистом по Восточной Европе», известные его суждения мало соотносились с реальностью и зачастую были просто ошибочными. Так, в 2000 году он не предвидел падения Милошевича: «быстрых перемен я не жду» («Дружба», 2000, № 2). Но первый президент Сербии был свергнут уже 1 апреля 2001 года. Много ретроспективно удивительных (но, вероятно, не столь причудливых в атмосфере 1960-х годов) мыслей он высказывает и в своих письмах к Назирову.

Сам Назиров тоже не чужд был некоторого излишнего оптимизма, быстро, впрочем, рассеявшегося по мере вхождения в самостоятельную жизнь 1960-х годов. Однако в любом случае в пору их знакомства он смотрел на происходящее вокруг гораздо более трезво, чем будущий югославский диссидент.

Проблемы Михайлова беспокоили Назирова по личным причинам: об их общении, без сомнения, было известно компетентным органам, и аспирант МГУ, сын репрессированного, опасался, что чересчур смелые выступления Михайлова создадут ему, Назирову, трудности. Однако времена действительно настали уже совсем иные, и на карьере Назирова его переписка с Михайловым никак не отразилась.

По всей видимости, переписка прервалась тогда же, в 1960-х годах, и об общении двух достоевистов после этого времени уже ничего неизвестно. Их профессиональные интересы сильно разошлись: уже в своём дневнике того времени Назиров пишет о том, что Михайлов не филолог. Их политические взгляды, как видно из переписки, также нельзя назвать близкими.

Что, возможно, самое примечательное, это зарисовки с натуры, сохранившие для нас облик Москвы середины 1960-х. Они были сделаны и провинциалом Назировым в его дневнике, и иностранцем Михайловым в его знаменитом очерке «Лето московское 1964» (как следует из публикуемых материалов, у Назирова был экземпляр этого текста, присланный самим Михайловым). Сравнение этих текстов в плане описательных стратегий и характера оптики наблюдателя могло бы принести интересные результаты. Вот с чего начинает Михайлов описание своих впечатлений от советской столицы:

«Прежде всего — ничто не похоже на то, что ожидает и представляет себе человек, читающий и западную и советскую печать.

На улицах стоят большие цистерны, из которых разливают русский национальный напиток — квас.

На каждом шагу — автоматы с газированной водой. Стакан чистой газированной воды — копейка, с малиновым соком — 3 копейки» 1 .

Сравним запись из дневника Назирова (24 апреля 1964^2):

«Блестящая улица Горького с её ресторанами и кафе пересекает две площади двух поэтов: площадь Пушкина и площадь Маяковского. Неподалёку от этой магистрали находится Театральная площадь, Большой и Малый театры, далее гигантские универмаги, потом площадь Дзержинского — знаменитая Лубянка — со статуей первого чекиста посередине.

Центр. Высокомерное: "Мы, мальчики из Центра..." Это самый шик, самые сверхстоличные. Это менялы, фарцовщики, интеллектуалисты, библиоманы, фланёры <...> Многим людям в Москве нет никакого дела до её театров, музеев и библиотек — их интересуют только магазины и кабаки».

Впечатления авторов фиксируются для примерно одного времени: 1964 год. Правда, исходные данные разные: Назиров приезжает в Москву из провинциальной Уфы, будучи хорошо знаком с советской действительностью, и с реалиями большого города (пытаясь поступить в институт в Ленинграде после школы, он провёл там у родных несколько недель), так что сосредотачивает своё внимание именно на особенностях столичной жизни. Михайлов приезжает из-за границы, о том, как живут в СССР он знает только по печатным источникам. При этом оба для Москвы чужие, неизбежно находящиеся под влиянием эффекта остранения.

В конце 1970-х Михайлов был выдворен из Югославии, работал в США, затем в конце жизни вернулся в Сербию, активно поддерживая сближение этой страны с Западом (Евросоюзом и НАТО). Ему суждено было пережить Назирова на 6 лет.

Б. В. Орехов

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

¹ Михайлов М. Лето московское 1964. Мертвый дом Достоевского и Солженицына. <Б. м.>, 1967. С. 3. 2APГH, оп. 3, д. 1964, л. 0033.

<u>13 марта. Суббота.</u>¹

Час назад я узнал, что в Югославии арестован и находится под следствием Михаил Николаевич Михайлов, по происхождению русский, преподаватель Задарского университета, сын эмигранта. Он исследовал Достоевского (его докторская диссертация о Достоевском так и не увидит света), а также увлекался русским модернизмом. В июне 1964 г. в Москве я несколько раз беседовал с ним. Он экзистенциалист, христианин и мистик, верный ученик Шестова и Бердяева. Вернувшись в Югославию, он написал большой репортаж «Московское лето 1964 года», опубликованный в начале этого года в журнале «Delo», объединяющем кружок молодых модернистов и бравирующем своей оппозицией и независимостью относительно режима Тито.

Самое главное в этом репортаже, имевшем в Югославии шумный успех — это утверждение, что советское правительство сейчас борется против сталинизма и против антисталинистов, что оно замалчивает потрясающие факты, что сталинизм коренится в самой природе нашего общества. Михайлов объявил, что первый лагерь смерти создан был в СССР, а не в гитлеровской Германии. Это был Холмогор, и он создан в 1921 году. Короче, он намекал, что сталинизм начался при Ленине.

Репортаж стал всемирной сенсацией. Его переводили на разные языки мира, я прочёл его изложение во французской газете «Le Monde», где корреспондент предсказывал несомненные реакции в Москве. Заголовок гласил: «Une revue yougoslave écrit que l'U.R.S.S. a commis avant Hitler le crime de genocide». Это, конечно, несправедливо. В репортаже Михайлова много несправедливого, но есть и правда.

Литературный журнал «Дело» издаётся в Белграде, пользуется известностью. Советский посол протестовал против этого репортажа. В югославской прессе началась ожесточённая кампания против Михайлова и его статьи. Наше правительство конфиденциально уведомило Тито, что если он не примет мер, то в Москве опубликуют факты о титовских лагерях для политических противников (есть, напр., Голый остров на Адриатическом море, где по сей день томятся так наз. «сталинисты»). Их тысячи за колючей проволокой.

Бархатный диктатор принял меры. Редактор журнала «Дело» подал в отставку. Михайлов арестован. Теперь я жду визита КГБ. Пусть приходят. Мне кажется. что было бы даже красиво продолжить семейную традицию.

О деле Михайлова трубят радиостанции всей Европы. У нас ничего пока не слышно.

Я не схожусь во взглядах с Михайловым, но я знаю, что он честный человек и не антикоммунист. Он принадлежит к той породе интеллигенции, которая судорожно ищет третий путь, чтобы выжить в завтрашнем коммунистическом мире. Он даже по-своему чтит Ленина. Он процитировал мне в одном из писем слова Бердяева: «Бог был на стороне Ленина». Он говорил мне в июне 64 г., что сейчас СССР повторяет эволюцию, проделанную Югославией. Он был полон надежд. Югославская «удба» развеяла его иллюзии. Наивный он всё же человек! Но мне очень жаль его. Когда люди пишут, им нужно отвечать тем же, а не сажать за тюремную решётку.

26 апреля. Понедельник.

Итак, никто ко мне не пришёл. Никому я не нужен. Не до меня. Случилось много интересных событий. $\underline{\Gamma}$ лухая борьба в ЦК КПСС. Попробуем суммировать»² <...>

¹ АРГН. Оп. 4, д. 8, л. 0069, 0070.

² Далее следует характерная для Назирова длинная запись о политической обстановке.

<между 26 апреля и 2 мая 1965 г.>³

<...> Говорят, что Миша Михайлов освобождён из тюрьмы. <...>

<...> Детали о деле Михайлова. Следствие вёл трибунал в Задаре, и оно касалось не только Миши, но и заместителя главного редактора журнала «Дело». Михайлова обвинили в том, что он в «грубой манере» преподнёс серию информаций «искажённых и неточных», которые «осмеивают Советский Союз»⁴. Заместителю редактора Мирковичу (его имя больше не фигурирует на обложке журнала «Дело») предъявлено обвинение в том, что он дал разрешение опубликовать репортаж Михайлова. Обвинения основаны на 175-й статье уголовного кодекса, наказывающей оскорбление иностранной державы. Эта статья предусматривает наказание от трёх месяцев до трёх лет тюрьмы.

Кроме того, Михайлов был обвинён в том, что 25 февраля отправил итальянскому издателю Джованни Вольте дактилографическую копию своего репортажа. «Дело» с этим репортажем было запрещено 11 февраля; таким образом, Михайлов нарушил 125 статью уголовного кодекса о распространении запрещённых изданий. По этой статье максимальное наказание — год тюрьмы.

Дата ареста Михайлова — что-то около 10 марта. Миркович на свободе, но получил строгий выговор первичной партийной организации, членом которой он является.

Около недели назад, т. е. примерно 20 апреля, прошли слухи об освобождении Михайлова. Дело приняло слишком широкий резонанс. <...>

3.

<u>4 мая. Вторник</u>⁵

29 апреля в Задаре начался процесс Михайлова; он не признал себя виновным. Первое заседание продолжалось пять часов. Сегодня я уже узнал, что процесс закончен и вынесен приговор — десять месяцев тюрьмы. Естественно, его выгнали из университета. Завтра буду искать в газетах подробности. О процесс кратко информировала «Unitá». <...>

4.

10 мая. Понедельник [105-106]

3 АРГН. Оп. 4, д. 8, л. 0085, 0089.

⁴Речь о большом очерковом материале, который Михайлов называет «репортажем», под названием «Лето московское 1964». Далее в публикуемом материале есть свидетельство, что Михайлов посылал Назирову экземпляр этого текста. Сам Михайлов в биографическом интервью так описывает этот эпизод: «Этот большой литературный репортаж должен был печататься в 1965 году в трех первых номерах известного тогда белградского литературного ежемесячника "Дело". Вышли две первые части, но <...> советский посол Пузанов официально заявил протест. Тито, который балансировал между Востоком и Западом, решил принять меры и обрушился на меня в публичной речи на общеюгославском совещании... прокуроров как на человека, "клевещущего на дружественный Советский Союз". По каким-то загадочным причинам речь эта была опубликована лишь спустя две недели после ее произнесения, зато арестован я был в тот же день, когда она появилась в печати. Меня продержали в тюрьме под следствием сорок дней. Тем временем на Западе поднялся шум, мою книгу перевели на одиннадцать языков, и под давлением западной общественности меня выпустили. Однако вскоре все же судили и приговорили к двум годам. Но в 1965 году Международный ПЕН-клуб впервые устраивал свою ежегодную встречу в социалистической стране, в Югославии, и его тогдашний президент Артур Миллер заявил, что, если я буду посажен, встречу перенесут в другое место. Тито не захотел рисковать престижем, и за неделю до встречи Верховный суд Хорватии изменил мне приговор на условный. Впрочем, работу и возможность печататься в Югославии я, разумеется, потерял». («Дружба». 2000. № 2)

АРГН. Оп. 4, д. 8, л. 0101.

АРГН. Оп. 4, д. 8, л. 105—106.

<...>

«Тіте» от 7 мая с. г.:

«На прошлой неделе правительственная машина властно принудила к молчанию одного критика в Югославии. Жертвой был Михайлов Михайлов, 30 лет, профессор литературы в университете г. Задара на Адриатическом море, который после визита в Россию написал откровенно антисоветскую статью для югославского ежемесячника «Дело»... Схваченный полицией под нажимом самого президента Тито, Михайлов был обвинён в «осмеянии» иностранного правительства — уголовное преступление в Югославии.

В ходе процесса Михайлов проявил себя как человек, которого трудно запугать. Появившись в зале суда, чьим единственным украшением был большой портрет Тито, он отказался признать себя виновным пред трибуналом, состоящим из трёх судей. Он даже до процесса одержал одну победу, когда верховный суд Хорватии принял его петицию об отводе одного из первоначально назначенных судей по его делу как лица предубеждённого — этот судья вёл кампанию за увольнение Михайлова с его поста в университете. При заполнении судебного протокола Михайлов выразительно добавил после своего имени: «из города Задара, который в последнем издании "Большой Советской энциклопедии" назван "американской военной базой на Средиземном море"»*

Давая показания, Михайлов оставался столь же вызывающим, как в горьком письме, которое он разослал в свою защиту редакторам газет. Он настаивал, что его статья только приводила исторические факты о сталинских чистках и трудовых лагерях. Когда он предложил представить доказательство, суд отказался выслушать его оправдания на основании, что «нельзя допускать новой клеветы на Советский Союз». В своём последнем слове Михайлов сказал, что он не отрекается от написанного, и добавил, что если суд осудил его статью, то «это значит, что он (суд) осуждает историю и берётся определять, что можно и что нельзя говорить в истории».

Как предвиделось суд нашёл Михайлова виновным, но вместо максимального наказания — три года — приговорил его к десяти месяцам тюрьмы, с вычетом одного месяца предварительного заключения. Это был гораздо более мягкий приговор, чем вынесенный Миловану Джиласу («Новый класс»), который по-прежнему отбывает девятилетний срок за свою критику югославского коммунизма. Для циников соль была именно в этом: югослав получает только месяцы за критику Сталина, но годы — за критику Тито».

Из журнала «Тіте». — Да, очень любопытно. И всё-таки он многие факты перепутал в своей статье. Много страшной правды написал о лагерях, но кое-где поднаврал, кое-где сглупил... Нет, он не очень серьёзный человек, он слегка демагог. И какой вздор, что он хочет возвращения в России религии и мистицизма, хочет затушевать революцию и восстановить приукрашенный и модернизированный ancient régime! Возврата нет!

Но в тюрьму-то зачем было сажать?

5. <Письмо М. Михайлова Р. Г. Назирову $>^7$

26.VI.65.

Дорогой Рома,

*Сноска Назирова: «Может быть, возвращение к последним месяцам второй мировой войны, когда Задар использовался как база британских и американских кораблей, выгружавших продовольствие для партизан Тито. После войны корабли США только случайно заходили в Задар как остановочный порт. (Прим. ред.)»

АРГН. Оп. 4, д. 8, л. 0151—153.

Жду от Вас ответ на письмо. Надеюсь что Вы живёте так же как и прежде, и что Вам моё дело не доставило неприятностей.

Оно теперь окончилось счастливо для меня. Теперь кончаю докторат.

Западная печать, к сожалению, использовала всё это для антисоветской пропагандистской кампании. Однако ничего бы не было если бы не протесты советских властей. Очень жалею что так всё произошло. Глупо и ненужно.

Что же, теперь пройдут долгие годы пока дело уляжется и нам будет возможно повидаться. Вряд ли меня пустили бы теперь Сов. власти в Москву.

Как Ваша работа? Что делает Олег? Конечно, если Вы мне не ответите на это письмо, то я Вам больше не буду писать.

Как сын, жена?

Вы мне в прошлом письме написали, что в своём репортаже я допустил много вещественных ошибок. Я не согласен с Вами, скорее Вы неточно информированы. Но даже если бы это было и так, то моя вина небольшая. О всех этих событиях данные весьма разнородны, а советская версия порою и вовсе отсутствует.

Я Вам не советовал «несерьезно» изменить убеждения, а попробовать почитать тех философов о которых я вам писал. И не забудьте, что я во время оно (1948—54) был убеждённым сталинистом. Это не малая штука.

Жду с нетерпением Вашего письма. Пишите всё что думаете открыто. Ваш Михайлов Михаил.

6. <черновик ответного письма Назирова Михайлову>8

Дорогой Миша!

Не беспокойтесь, почта работает исправно, я получил и Ваше большое письмо, и Ваше «Московское лето»⁹, наделавшее столько шуму. Не отвечал я долго по двум причинам: 1) я не застал Анненского в редакции, пошёл в «Новый мир», Лакшин был на совещании, я оставил ему записку с изложением дела и моим телефоном — это всё; никакого отклика от них; как раз завтра собирался повторить обход; 2) я много думал над Вашим письмом и собирался написать Вам втрое больше. Мне есть, что ответить. Не скрою, это большое письмо во многом удивило меня. Хотя бы этот совет, бросить устарелые взгляды и усвоить новые, самые современные, как будто взгляды сменить так же просто, как покрой костюма. Дорогой Миша, ведь это же несерьёзно!

Что касается того, насколько они «устарели», то это вопрос сложный. Мы, молодые, здесь в Союзе думаем, что устарел и Ницше, и Бердяев, и Сартр уже безнадёжно устарел. И уж если мы создадим что-нибудь новое оно будет принципиально новым, а не просто — одно из двух, ratio или intuition, рационализм или иррационализм. Читают у нас теперь и Бердяева, вот и я прочёл «Миросозерцание Достоевского», красивый стиль, тонкий анализ, в тысячу раз выше Мережковского. Но признайтесь же честно, что это всё равно не добросовестная работа, ведь и Бердяев подгоняет Достоевского под свою схему, более сложную и искусную, но всё же схему. И от книги Бердяева тоже исходит тонкий аромат политики, только это политика парижского интеллектуального центра эмиграции, политика людей, мечтающих так или иначе вернуться в ту Россию, которой больше нет и — вы понимаете это — не будет. У нас многое сейчас меняется, сильно изменился характер руководства, появляются экономические эксперименты и т. д. Но Россия останется

⁸ АРГН. Оп. 4, д. 8, л. 0124—130.

⁹ Очевидно, что это черновик ответа на предыдущее письмо и на не сохранившееся «большое письмо». Возможно, первое письмо Назиров не сохранил из соображений безопасности.

советской, останется красной, с коммунистами, и к старым русским традициям прибавилась новая — традиция революции. Простой советский человек может быть недовольным, может ругаться, может крыть свою власть, но при этом он говорит: «Мой отец революцию делал, я сам всю Отечественную прошёл, Боевое Красное знамя имею...» Это орден Красного знамени. К чему я всё это пишу? Я хочу только Вам сказать: революция — русская стихия, наша почва, и когда русский мужик, например, ругает грузин, он говорит: «Да у них же советской власти нет!» Во всяком случае, так я слышал лет шесть назад.

В наше время быть русским — значит быть наследником тысячелетней России и сверх того наследником революции. Какие бы преступления ни совершались под прикрытием революционных лозунгов, сама она сохраняет всё своё величие, всё обаяние. Помните последнее восклицание мадам Ролан в 1793 году? Я горжусь тем, что я сын крестьянина, сын коммуниста, хотя меня ничуть не смущает, что мать моя — дочь мелкого торговца. У меня есть друг, чьи предки были дворянами, а другой, преуспевающий спортсмен — внук большого уральского купца, разорённого революцией. Жена одного моего очень давнего товарища — репатриантка из Китая, с КВЖД; её отца (вернувшегося «преждевременно») Иосиф «шлёпнул» (простите) в 1949 году. Чорт побери! Мы все родственники по крови — внуки татарских крестьян или русских дворян. Но мы все советские...

Да что убеждать Вас, Вы сами всё отлично понимаете! Поймите ещё одно: никогда больше не вернётся святая Русь, не вернётся религия, даже в самой тонкой и современной форме. Пусть возвращаются эмигранты, я бы лично принял их всех, кроме <u>палачей</u>, я подал бы руку любому Шульгину, я бы даже согласился назначить приличную пенсию Керенскому, но пусть они поймут, что их родина — новая.

Простите меня, я слишком увлёкся. Может быть, Вам не очень приятно читать всё это? Это правда. Вот точно так я читал Вашу статью. Я понял, что Вы «писали по своей совести». Этот репортаж не продиктован злобой, но скорее добрым отношением к России. Я так думаю. Но нет ли у Вас большой доли сенсационности? Миша, ведь это очень серьёзно, понимаете? Тут не место для сенсации, нужно писать точно, сурово, основываясь на проверенных фактах, а Вы видели, какую сенсацию сделала из Вашей статьи французская «Le Monde»? Они извлекли из нее 120.000 prisonniers (tués sans jugement) — это целая армия Врангеля, откуда Вы взяли эту цифру? Мы тут разговаривали с серьёзными, думающими ребятами и решили, что это явное преувеличение. Нашли у Вас и прямые ошибки — о сталинских переселениях малых народов. Это было не до войны, а во время войны, и не там, где вы указываете, не на границах, а с линии фронта (калмыки, чечено-ингуши, балкарцы, крымские татары и немцы Поволжья; калмыков и кавказские племена сейчас вернули на прежнее место). Но самая грубая, явная ошибка, несправедливость — следующая: «Oni su rehabilitirali samo svoje, a tisue poštenih ljudi — ne partijacašta je sa njima?» Но откуда вы это взяли, Миша? Спросили бы у меня, я много наслышался об этих делах, знаю и точные факты. Реабилитированы живые и мёртвые, партийцы и беспартийные. Реабилитирован мой отец и реабилитирован Киселёв, тот самый «возвращенец» с КВЖД, из Харбина, расстрелянный в 1949 г. Справки о реабилитации, по сути дела, выдавали почти по каждому заявлению семьи. Уцелевшие реабилитированы почти все, кроме настоящих шпионов, да и те освобождены по отбытии срока. У нас в Уфе есть шофёр, который в годы войны служил у немцев и принёс присягу на верность Германии. Он расстреливал евреев на Украине, а потом украинских итальянских партизан. После 1945 года провёл 10 лет в Сибири. Сейчас у нас в заключении ещё остаются, мож. быть, бандеровцы (из армии Степана Бандеры). Они сами о себе говорят: «Мы — фашисты».

Даже если один неправильный факт содержится в репортаже, то ценность свидетельства подрывается. А у Вас довольно много ошибок. Вы уверены, что Иван Шмелёв

привёл точные цифры? Вы уверены, что Холмого был «prvi logor smrti»? Или это простонапросто всем известные Соловки, где поначалу не было массовых экстерминаций, это произошло много позже 1921 года...

Не подумайте, что я собираюсь всё опровергать. Я прочёл в Вашей статье много правды, и горькой правды при том. Встречи с писателями очень читаются, это интересно. У Вас есть талант журналиста, я сам журналист, и я воздаю должное Вашему таланту. Но вот я дохожу до «фольклора», и я опять изумлён: какая смесь, какой странный винегрет! Ну, посудите сами — «большой учёный», в языкознанье который знал толк — это настоящее, хотя не народное. Это написал бывший секретарь ростовского обкома партии, кажется, Басов, который там пробыл 18 лет и затем вернулся. Ну, ладно. Потом «Магадан» — тоже литературного происхождения, но неважно. И вдруг — среди всех этих «настоящих» вещей такая глупая вульгарная пародия «Анна Каренина», которую и не очень-то поют у нас. Не имеет популярности и «Профкомовская» (о Серёге и Маньке). Это всё шуточки, не доходящие до подлинных чувств людей. Пошловата и песня «Гляжу на небо просветлённым взором». Глупая, уж вы извините, просто даже немного инфантильная «Вдали от нас погиб Патрис Лумумба»... Да нет, я не моралист, но дело в том, что всё это студенческое остроумие, фольклором здесь и не пахнет. Подбор случайный, не передающий сути нашей сегодняшней песни. Это ж надо собирать по всей стране, а не просто в МГУ на плёнку записывать. У Вас три — четыре хороших песни затеряны среди массы всякого вздора.

Ну, хватит об этом. Извините за резкость, я не буду переписывать. Писал то, что думалось. Ещё раз повторяю, что «Лето» в целом отлично написано и много правды, а потому некоторые промахи, ошибки, неточности особенно нас поражают. В некоторых явлениях нашей жизни Вы хорошо разбираетесь, а о других информированы плохо. Кстати, сейчас у нас идут перемены. Прочтите «Новый мир» № 1, там Александр Трифонович Твардовский говорит интересные вещи. Хуже выглядит съезд писателей РСФСР: Шолохов сделал бесцветное вступление, доклад Соболева слабый. И всё равно — мы идем вперёд. Хотите подтолкнуть нас? Хорошо. Подталкивайте. Но знаете, Миша, я посмею сформулировать неясное чувство: Ваша статья как будто написана иностранцем, например, поляком. Есть какая-то неуловимая нотка непонимания наших чувств. Не обижайтесь, прошу Вас. Я знаю, что Вы, при всех идейных различиях, друг нашей страны. Только подталкивайте нас по нашей дороге. не старайтесь своротить нас на обочину. Лично я принимаю любую Вашу критику в наш адрес, лишь бы это было обосновано. Но пожалуйста без «украшений». Не надо приписывать сверх того, что было. Вы писали «по совести», как Вы говорите — значит, кое-где ошиблись. Ошибка в вину не ставится, но ведь Вас могут понять и по-другому. И в Париже, и в Москве Ваше «Лето» расценили как новый вариант «эмигрантской», недружественной Советской русский. критики России. Вы Вы не являетесь антикоммунистом. Ведь это так?

Сумбурное письмо. Разве можно разговаривать на бумаге? Но у нас нет пока возможностей встретиться. Да и будет ли когда? Но верно одно — сила нашей страны очень велика, и мы уже начинаем выходить из беды. Больше верьте нам. Я, может быть, туп, но скажу Вам честно: я на свой лад счастлив. Много раздражаюсь, ругаюсь, но скуки, уныния не знаю. Я здорово живо.

Ваш Рома.

<u>Простите мне эту поистине хулиганскую небрежность письма!</u> Р.S. Дополните в середине строфу: Для вас в Москве открыт Музей подарков, Сам Исаковский пишет оды вам, А здесь читает нам сонет Петрарки

Фартовый парень — Ося Мандельштам.

И ещё: будь «Лето» менее «ярким», но более точным, безупречным — оно бы сильнее выразило Вашу мысль.

Ваш Рома.

А о трагедии я бы ещё с Вами поспорил. Трагедия несчастной любви — не трагедия. Трагедия моего отца и всех других — вот трагедия XX века. Она всегда исторична, трагедия, она не живет вне времени.

«Социальные» корни трагедии? Нет, не так упрощённо я понимаю это. Мировой порядок и личность — вот коллизия...

Эсхил и Шекспир вечны, потому что были темпоральны, коренились в своём времени, своей эпохе. Экзистенциалистская трактовка трагедии родилась как раз тогда, когда трагедия как вид искусства умерла.

7. <Письмо Михайлова Назирову>10

Задар 28.ІХ.65

Дорогой Рома,

Очень меня обрадовало то, что Вы мне так быстро ответили. Жалко, что нет возможности поболтать с Вами лично. Этак мало чего можно добиться ведя письменную полемику.

Во многих вещах я с Вами согласен, но в основном я не согласен.

Я не считаю что всё советское плохо. Наоборот, — я убеждён, что русскому народу именно и нужен был такой исторический урок, — конечно в <u>отрицательном</u> смысле. Милый Роман, у вас ведь при всём вашем рационализме масса нелогичных мыслей. Попробую разобраться последовательно тем чередом каким Вы писали:

- 1. То что бежал Нуреев, который, как Вы считаете «порождение советского режима советской системы воспитания», доказывает что эта система никуда не годится. Таких Нуреевых при случае были бы миллионы. Недавно из Ленинграда приезжала к нам группа из 12 человек студентов и тоже один сбежал. Когда люди бегут из страны, со своей родины, то в первую очередь это не делает честь родине, а только потом уж и им. Лучше бы Вы не трогали Нуреева.
- 2. Дорогой Рома, если бы Вы знали программу НТС то Вы бы не считали что они хотят «из-за границы» спасать советских людей. Если бы СССР был страной свободной, то вместо того что бы вести подпольную работу в России и только пользоваться теми возможностями радио, печать и т. п., которые освобождены от всякого контроля в западном мире, НТС бы был простой политической организацией со своим печатным органом и возможно бы пользовался меньшими симпатиями у русского народа чем теперь. Если бы советские власти не боялись идей, на которых движется НТС то они бы свободно позволили читать эту литературу советским людям. Но милый Рома, как то черезчур много Нуреевых наплодила совет. система. А НТС базируется на истинной русской мысли Соловьёва, Бердяева, Лосского, Розанова, Шестова, Достоевского, и если хотите только эмиграция и спасла русскую мысль от уничтожения которое с радостью бы заготовили им, и для миллионов русских людей, вожди Вашей доблестной КПСС, и не Вам бы говорить плохо о эмиграции. Вы забываете жизнь Ленина, Плеханова, Горького и т. д. И если мне что в НТС

_

¹⁰ АРГН. Оп. 4, д. 8, л. 0140—0148.

не нравится, — то это только то что НТС чересчур похож на <u>большевицкую партию</u> и организационно и по своим действиям. Но Вы ошибаетесь если думаете что члены НТС собирают американские денежки. В основном это — <u>подвижники идеи</u>. О каких это «внушениях чужих идей», «нашей жизни» Вы пишете. Простите Рома, — но когда я слышу слова: «Наши идеи» то невольно вспоминается пропаганда Гитлера или Сталина или Хрущева. Если бы советская власть позволила таким как Нуреев свободно выражать свои идеи, то они бы может быть, не бежали из Союза.

Дорогой мой, — отец у меня сражался с фашистами, — в ранней молодости с большевиками. И если прийдется я буду не жалея своей крови делать тоже самое. Но верьте Рома, — до тех пор пока в России будет одна партия, один Центральный комитет, одна идеология, — каждое слово, каждый поступок который идет на пользу в деле уничтожения однопартийной диктатуры — будет святым делом для России вне зависимости от того откуда он исходит — из страны или из-за границы. Среди эмигрантов было и будет огромное число негодяев, но поверьте — в СССР их не меньше. И как Вы можете верить пропаганде о том что за НТС стоят американские разведки?! Ведь Сталин то же самое говорил и о Троцком, Бухарине, Тухачевском. Рома, — Вы или слепой человек, — или нечестный. Склоняюсь к первому, всё-таки.

Не сердитесь на меня за искренность. Я и не собираюсь отнимать у Вас право оставаться при Ваших убеждениях, однако именно КПСС не позволяет никому из 200 миллионов иметь свои собственные убеждения. «Чья бы корова мычала...» Я лично не член НТС, хотя читаю их литературу и могу Вас заверить НТС не собирается «своими силами» освобождать Россию. Но до тех пор пока в России будет существовать политическая и идеологическая цензура, — НТС будет делать полезное дело, — по мере возможности говорить русскому народу ту правду которую от него скрывает КПСС, КГБ и т. д. А конечно русский народ сам «на полях Кубани», как Вы это пишете, решит свою судьбу.

Я социалист по убеждениям, но я за демократический а не тоталитарный социализм. Не за однопартийный.

Как Ваша диссертация?

Обо всём о чём я писал можно бы было говорить и говорить часами. Так на бумаге мало можно сказать. Но я всё таки надеюсь что нам прийдется хоть раз ещё лично побеседовать в течение нашей жизни.

Пишу я много и печатаюсь очень много на Западе. Во Франции выходит в конце этого года моя большая (400 страниц) книга «Русские темы» «Les thèmmes russe» <так у Михайлова — прим. автора предисловия>. Пришлю её Вам. Хотя по крови русский, — но искренне говоря мне отвратителен всякий национализм, в том числе и русский. Пишите если не обидетесь.

Ваш Михаил Михайлов.

Р.S. И вспомните Рома о том что на Западе свободно работают <u>коммунистические</u> партии.

8. <черновик письма Назирова Михайлову>11

Дорогой Миша!

.

¹¹ АРГН. Оп. 4, д. 8, л. 0134—0139.

Да, действительно, очень жаль, что приходится вот так беседовать на расстоянии, по почте, а не в прямом общении, не в личной встрече. Ведь всё не ложится на бумагу, всё не скажется в литературной фразе.

«Если не обидитесь» — говорите Вы в заключение письма. Какой вздор, зачем обижаться, что толку в этом. Говорили всегда откровенно и будем так говорить впредь.

Когда ж это я Вам говорил, что в эмиграции все негодяи? Ерунда, я знаю, что там самые разные люди. Знаю, что там и сейчас прибывают новые из Союза. Но если и вправду всякая истина субъективна, как говорил, кажется, Ортега, то для меня лично яснее солнца: эмиграция из Союза сегодня есть поступок неправильный и непатриотичный. Я никогда не уеду из СССР, всегда буду жить в своей родной стране, хотя никакого национализма нет во мне и быть не может. Просто я парадоксальным образом уверен, что, несмотря ни на что, сегодняшняя Россия — лучшая страна в мире. Не знаю, поймёте ли Вы меня правильно. Может быть, Вы опять назовёте меня слепым. Не стану спорить. Отвечу Вам только, что наша переписка грозит превратиться в спор двух слепых о чудесных красках заката солнца или спор двух глухонемых о музыке.

Вот Вы пишете, что русскому народу именно нужен был такой урок — «конечно, в отрицательном смысле». Для Вас, конечно, в отрицательном, но ведь Вы же понимаете, что без этого «отрицательного урока» не было бы сейчас в России многих вполне положительных вещей. Я не могу спорить об этом, я не беспристрастен, я лицо заинтересованное: ведь одним из «положительных» результатов революции я с обычным человеческим самомнением считаю самого себя. Если бы не 1917 год, Ваш покорный слуга в лучшем случае сейчас бы пас баранов и не умел бы читать и писать.

Заметьте, что я не анализирую всю последующую историю. Кровь моего отца не остынет, я помню всё. Но для начала я считаю революцию и Ленина величайшими положительными явлениями в истории этой страны. Да, это была трагедия. Да, многие тогда погибли безвинно, многие были выброшены из своего дома. Расстреливали заложников, судили ускоренным судом и т. д. А когда в России не убивали, когда не расстреливали? В историях великих народов (всех!) скользко от крови. Может, права Марина Цветаева, что ещё Пётр Алексеевич, ревнитель ассамблей, был родоначальником Советов? Интересно, как Вы относитесь к Петру? Я считалю, что он был положительным явлением.

Когда люди бегут из родной страны, это всё-таки не делает чести именно <u>им</u>, а не родной стране. Даже стоя на Вашей точке зрения, следовало бы признать, что низко бросать родину в тяжёлые времена. Древние римляне говорили: Ubi bene, ibi patria. Так думает Нуреев. Неужели и Вы так рассуждаете? Да я лучше умру от голода или чего-нибудь ещё, пусть меня бросят собакам на свалку или в общую яму, но всё-таки я буду лежать в той же земле, в какой лежит мой отец. Не очень рациональное рассуждение? Тем хуже для разума. Да что там Нуреев, я и Вам скажу: что бы Вы ни думали о режиме, как бы Вы ни были настроены, Вы должны были бы жить в России, узнать её жизнь по-настоящему, узнать её людей во всех концах страны, их заботы, мечты и надежды. Теперь-то у Вас, конечно, нет такой возможности, и это очень жаль. Потому что ни России, ни русского народа Вы всё же не знаете.

Вы не знаете, как изменился этот народ, каким «грубым материалистом» он стал. Вы не знаете, что все религиозные искания рафинированных интеллигентов, этих мистиков с хорошей зарплатой от советского правительства, не имеет никаких точек соприкосновения с теми реальными тенденциями, какие действительно имеются в народе. Да, и у нас, конечно, отнюдь не все довольны, sapient sat, но их недовольство — чисто материальное. Россия хлеб

¹² Сноска Р. Г. Назирова: «Лебединый стан».

за морем покупает — это ли не причина для размышлений? Да этот один газетный факт важнее всей и всякой метафизики. Вот о чём думает советский народ, а не об идеях Льва Шестова и не о дедовских могилках. Народ живёт своими весьма прозаическими делами, и тот, кто его осуждает за это, должен был бы вспомнить, что он ест.

Не знаю, кто там «стоит» за спиной НТС, может, и не агенты они, не знаю и не спорю. Пропаганды я слышал много за свои 30 лет, и той, и другой. Но когда я говорю: «наши идеи» — и я готов это повторить без всякого стеснения, — то я имею в виду никакую не пропаганду, а я имею в виду то, что думают двести миллионов. Эти двести миллионов не очень-то слушают победные реляции по радио (кстати, нынче и реляций-то не стало, нечем хвастаться). Мы (слышите, мы, а не Сталин и не Хрущёв) желаем изменений в нашей стране. Самое первое — экономика. Затем — конституция. Затем — литература, искусство и т. д. Но если Вы думаете, что нас интересует «истинно русская мысль», на которой базируется НТС, то Вы глубоко заблуждаетесь. Траченое молью славянофильство в романтической оболочке — вот что такое Ваш НТС. Нам это, грубо говоря, «до лампочки» (знаете такое русское выражение?).

И прошу не обижаться. Я не собираюсь оскорблять Ваши убеждения, идеи, привязанности. Я само очень люблю Достоевского, с интересом читаю Розанова, уважаю Соловьёва (это был удивительно чистый человек!). Лосского я не читал. Бердяева одну лишь Книгу о Достоевском. Лев Шестов мне, извините, не импонирует. Но дело-то в не этом. Дело в том, что не религиозно-экзистенциальное возрождение предстоит России, а прежде всего экономическое обновление. Не единым хлебом жив человек, но без хлеба-то уж точно не проживёт. Народ не рассуждает так, как бунтарь, восставший против мирового порядка и ставящий на карту свою бессмертную душу: народ всегда должен жить, он любит жизнь прежде её смысла. И тут уж никакой экзистенциалистский мыслитель ничем не поможет русскому народу, и нужнее всех учителей оказываются Либерман, Трапезников и прочие экономисты, к которым, кстати говоря, начинают прислушиваться Брежнев и Косыгин. Нам сейчас нужно перенимать экономический опыт Чехословакии, Югославии, Польши. Нам (т. е. всему Союзу) нужны иные экономические отношения. Мы всё время об этом думаем и к этому стремимся. Для нас последние мероприятия, предложенные Алексеем Косыгиным, отнюдь не лишены интереса. Конечно, это лишь первый робкий шаг в направлении оздоровления экономики, но, кажется, это шаг именно в нужном <u>нам</u> направлении. <u>Нам</u> нужно ещё ОЧЕНЬ многое, это не всё, это лишь начало. Посмотрим, что будет дальше.

Наша жизнь остаётся трудной. Многое так и осталось для Вас тайной за семью печатями, Вы в то лето 1964 г. увидели только внешнюю сторону Москвы. Мы-то в стране видим кое-что ещё. Но, знаете, Миша, если бы я смог показать Вам простых людей России, тех, которые рассказывали анекдоты о Хрущёве и по пьянке дрались с милицией, то Вы бы убедились, как чужды им Ваши идеи, вся Ваша «истинно русская мысль». Между прочим, русский раскол, нигилизм, бомбисты-народовольцы, Плеханов и Ленин были типично русские явления. Вы скажете, что это не «мысль» и не «философия»? А знаете ли Вы, что Достоевский в душе ровно настолько же раскольник и нигилист, сколько и «взыскующий града». Пожалуйста, не забывайте, что я Вам уже писал: революцию сделал мужик, и Россию от немцев спас тот же мужик, и, к сожалению, батюшка Сталин тоже того же мужика сумел убедить в своей правоте... Нужно всегда прислушиваться к голосу народа — если он и ошибается, то ошибается не зря.

Да, мы двое слепых, мы говорим на разных языках. Экзистенциализм против <u>историзма</u>. Но вот Вам только один пример. Прочёл я недавно «Ward seven», там ярко отразилась идеология русской оппозиции наших дней: религия, права личности, борьба против <u>всякого</u> тоталитаризма. И автор без стеснения выдаёт секрет этой оппозиции: такое

презрение к народу, такое глупейшее высокомерие к «стаду» пролетариев, к «профсоюзным вшам», что мне дурно сделалось. Нет, это не от Достоевского, а от Ницше, который понял своего «великого учителя» ровно наполовину, не более. <u>Я-то больше от Достоевского!</u>

Вы никогда не позволяли себе таких отзывов о народе, Вы называете себя социалистом и сторонником демократии, excellent! Ну, а как же пациент седьмой палаты — он разве не из Ваших? Да я их видел и слышал в Москве, это люди, которые презирают советскую массу, боятся толпы, не понимают собственного народа. Я этих «человеков из подполья» не принимаю. Что касается остального, то у меня тоже есть своя голова на плечах. А диссертацию я кончил.

Пишите.

Рома.

9. <после 15 октября 1965 года. Фрагмент обширной записи, завершающей дневник 1965 г.> 13

<...> Я написал Михайлову такое резкое письмо, что он, пожалуй, больше мне не ответит. Ну, и хватит этой переписки! Уж слишком белым он становится. Он не желает понять, что можно быть марксистом и стоять в оппозиции к правительству. Хотя сейчас правительство наше, может быть, лучшее за сорок лет.

Но я хочу, чтобы было ещё лучше. Мне хочется ускорить процесс демократизации страны — процесс, очевидно, неизбежный.

Режим будет постепенно демократизироваться <u>вслед за экономическими реформами</u>. Но пока что ещё демократизация лишь началась. Посмотрим. <...>

10.

5 июня <1965>. Воскресенье. ¹⁴

<...>

Михайлов писал мне, что Абрам Терц — талантливый писатель. Не знаю, не читал. Но вот важные детали... 15

<...>

11.

Начало июля 1966 года¹⁶.

<...>

Югославия эволюционирует всё дальше. Ряд деятелей союза коммунистов высказывается за реформу политической жизни: партия должна играть только идеологическую роль, не вмешиваясь в управление экономикой. В то же время Миша Михайлов объявляет, что хочет создать новую партию, со своим печатным органом.

<...>

12.

¹³ АРГН. Оп. 4, д. 8, л. 0175.

¹⁴ АРГН. Оп. 4, д. 9а, л. 0021—0022.

¹⁵Михайлов упоминается один раз в большой записи о деле Синявского и Даниэля. Далее следует перечень обстоятельств суда, возмутивших Назирова.

¹⁶ АРГН. Оп. 4, д. 9а, л. 0027—0028.

Август <1966 года $>^{17}$.

В Югославии вновь арестован Михайлов. Он вёл кампанию за создание оппозиционной партии, заявляя в то же время о верности югославской конституции. Михайлов — сторонник «демократического социализма», противник частной собственности на средства производства. Он против капитализма и против коммунизма. В философии он мистик, экзистенциалист в духе Льва Шестова. Забавно, как все его западные друзья называют Михайлова профессором, а противники — ассистентом. Для меня ясно одно, Михаил Николаевич — не филолог. Он блестящий и ловкий политический деятель, честолюбец, позёр, хотя в его позе есть немало искренности...

<...>

13.

9 сентября <1966 года> 18 .

Михаил Михайлов был арестован 8 августа, 9 сентября освобождён под залог. Его должны судить по обвинению в распространении ложной и тенденциозной информации о Югославии в нескольких статьях, опубликованных им в иностранной печати.

¹⁷ АРГН. Оп. 4, д. 9а, л. 0032.

¹⁸ АРГН. Оп. 4, д. 9б, л. 0032.

Библиография

С. С. Шаулов Башкирский государственный университет

Возвращение к христианскому пониманию истории

Предлагаемый доклад¹ имеет две цели: презентационную и собственно аналитическую. Речь пойдет об издаваемой сейчас новой книге² уфимского литературоведа Ромэна Гафановича Назирова (1934—2004). Архив, оставшийся после него, заслуживает отдельного долгого разговора³. Сейчас скажем лишь, что знакомство с этим наследием колоссально расширило представление о сфере его научных интересов и его творческом облике.

О книге «Становление мифов и их историческая жизнь» нам уже приходилось говорить и писать⁴. Позволю себе обширную вставку из предисловия к ней, написанного в соавторстве с Б. В. Ореховым: «Нужно заметить, что масштабы оставшегося после Назирова архива таковы, что счет подобным открытиям, может быть, еще не закончен. В папке же под номером 47 нами была обнаружена рукопись завершенной монографии под названием "Становление мифов и их историческая жизнь". Рукопись не датирована, но, исходя из упоминаемых и цитируемых в ней источников, можно установить временную точку, раньше которой не могла быть закончена работа над книгой. Самая поздняя литература в монографии относится к 1996 году, но творческая история текста, очевидно, сложна. Некоторые соображения заставляют подозревать существование по крайней мере трех редакций. Имеющийся у нас текст, очевидно, ожидал окончательной правки, которая так и не была произведена, и содержит пометы вроде "переписать", "сократить" и т. д. В то же время монография концептуально завершена, текст выстроен сообразно с внутренней логикой, все разделы заполнены, последующая работа, по всей видимости, должна была носить отделочный характер, но на общую архитектонику вряд ли повлияла бы».

«Так, отдельные листы основной рукописи склеены автором из фрагментов, принадлежащих, судя по характеру бумаги и почерка, различным стадиям работы над книгой. Иногда таких склеек может быть больше трех на листе. Есть также относительно большие рукописные фрагменты, практически дублирующие (за исключением стилисти-

¹ Текст доклада, прочитанного на международной конференции «Евангельский текст в русской словесности: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр» (Петрозаводск, 9 — 14 июня 2014).

² *Назиров Р. Г.* Становление мифов и их историческая жизнь». Уфа, 2014. В июне 2014 года докладчик еще не имел на руках готовых экземпляров этой книги.

³ См.: *Орехов Б. В.* Научный архив профессора Р. Г. Назирова // Русское слово в Республике Башкортостан: Материалы региональной научно-теоретической конференции. Уфа, 2011. С. 115—120; *Орехов Б. В.* Текстология назировского архива // Назировский архив. 2013. № 1. С. 144—159; *Орехов Б. В., Шаулов С. С.* Архив Р. Г. Назирова как система // Назировский архив. 2013. № 2. С. 118—126. См. также более позднюю статью: *Орехов Б. В., Шаулов С. С.* Наследие Р. Г. Назирова до и после открытия архива // Назировский архив. 2014. № 4. С. 137—144.

 $^{^{4}}$ См.: *Орехов Б. В., Шаулов С. С.* Концепция мифа у Р. Г. Назирова (доклад в ЦТСФ РГГУ, 16.09.2013) // Назировский архив. 2014. № 2. С. 162—177.

ческой правки) основную рукопись (и составляющие ее фрагменты)» 5 .

Мы, опять же в соавторстве с Б. В. Ореховым, уже отмечали, что представление о Назирове как об ученом малых форм, при жизни опубликовавшем всего одну монографию оказалось ошибочным в свете архивных открытий. Так, уже сейчас опубликована монография «К вопросу об автобиографичности романа Ф. М. Достоевского "Игрок"», обширные материалы к монографии о «Бесах», монографический доклад о фрейдизме в литературе⁶. Готовятся к публикации фрагменты из книги «История Польши» и обширные заметки по истории жанра романа. Известны, но еще не «пошли в работу» огромная литературно-историческая летопись XIX века, обширная «История религиозной мысли» В этом ряду «Становление мифов» занимает особое место.

«Становление мифов» — последняя книга Ромэна Гафановича. Тематически это самый широкий из его трудов (по крайней мере, из известных и прочитанных на данный момент). Книга в переработанном виде включила в себя колоссальный рабочий материал, копившийся в течение десятков лет (вряд ли с прицелом именно на нее, скорее, — в силу природного интереса). Нам представляется, что книга и самим автором мыслилась как завершающий аккорд интеллектуального поиска.

Обращение Назирова к этой теме было вполне закономерно. В 1980 годах он выступил с серией статей по фольклористике (точнее, по истории некоторых фольклорных сюжетов и мотивов) в издававшемся тогда в Уфе сборнике «Фольклор народов РСФСР». Вот названия некоторых из них, по которым можно судить о его подходах к теме: «Нарисованная лодка (к вопросу о происхождении одного фантастического мотива)», «Истоки сюжета "Кащеева смерть в яйце"», «Сюжет об оживающей статуе» и т.п.

В 1990-х фольклор и фольклорно-литературные связи интересуют его уже в более широком, культурологическом ключе. Выходят в свет три статьи, непосредственно предшествующие книге, а может быть, появляющиеся параллельно с работой над ней: «Генезис и пути развития мифологических сюжетов» (1994; по сути, краткий предварительный конспект книги); «Средневековое мифотворчество» (опять же краткий пересказ одной из глав книги); «Специфика художественного мифотворчества Достоевского: сравнительно-исторический подход» (а вот это уже, по сути, одна из глав книги целиком)⁸.

«Все или почти все статьи Назирова по фольклористике посвящены истории и

⁵*Орехов Б. В., Шаулов С. С.* Сумма мифологии // Назиров Р. Г. Становление мифов и их историческая жизнь.

⁶См.: Сводная библиография трудов Р. Г. Назирова и работ о нём (1955—2015). Сост. Б. В. Орехов // Назировский архив. 2015. № 2. С. 175—178.

⁷См.: Назировский архив. 2015. № 1-3.

⁸См.: Сводная библиография... С. 168, 169, 171.

трансформациям сюжетов. Выход к мифу как основе и подтексту древнейших фольклорных сюжетов и к мифопоэтике художественного текста был для него закономерен»⁹.

Собственно, этот исторический подход ясно прослеживается в самой композиции «Становления мифов...» Назиров, сочетая широкие обобщения и яркие конкретные примеры, рисует картину развития мифа от первобытной архаики почти до нашего времени, что видно уже по содержанию книги:

- І. Миф как наивный реализм.
- II. Тотемный брак и мифическая сказка
- III. Экскурс о (происхождении) змеепоклонстве(а)
- IV. Героический вор и рождение религии
- V. Лабиринт и Олимп
- VI. Переселение душ и утопия
- VII. Секулярный миф и эллинизм
- VIII. Мифы обыденного сознания
- IX. Эвгемер, Библия, Филон (Александрийский)
- Х. Главный итог эллинизма
- XI. Мифотворчество христианской Европы
- XII. Мифотворчество позднего Средневековья
- XIII. Карьера Сатаны
- XIV. Возрождение и Реформация
- XV. Наименее мифологический век
- XVI. Тайный страх неверующих
- XVII. Наполеон и его миф
- XVIII. Четыре немецких философа
- XIX. Самообманы цивилизации
- ХХ. Русская национальная мифология
- XXI. Мифы и прозрения Достоевского
- XXII. Революционная мифология и её перерождение

Тут возникают разнообразные проблемы с периодизацией его исторической схемы. Скажем только, что она выстроена так, что не слишком противоречит почти любой концепции мировой истории — вплоть до теории смены общественных формаций. Назирова интересует не стадиальность как таковая, а, прежде всего, кризисные, пограничные и синкретически динамичные явления культуры, в которых обнажается ее (культуры) первооснова — миф.

Но вот понимание мифа у Назирова весьма своеобразно. Прежде всего, бросается

⁹Орехов Б. В., Шаулов С. С. Сумма мифологии...

в глаза «сквозной» характер его понимания мифа. Он и сам признает, что применение термина «миф» к интеллектуальным и культурным структурам Нового времени проблематично: «Я отдаю себе отчет в том, что применение термина «миф» к духовному творчеству нового времени остается спорным и не признается академической наукой. Остается открытым вопрос о видоизменениях мифомышления в процессе эволюции человеческого общества и о самой возможности такого мышления в новое время» 10.

Прежде всего, следует подчеркнуть терминологическую омонимию. Термином «миф» в книге Назирова может быть обозначен и конкретный мифологический сюжет, и то, что можно назвать мифологичностью. В первом случае Назиров опирается на Мелетинского, в чем-то его корректирует, в каких-то конкретных случаях соглашается. Такой миф непосредственно вовлечен в культурный процесс, он определенным образом влияет на конкретные литературные тексты, отражается в бытовом поведении и т. д. Изменчивость «мифа» в таком понимании отражает, по определению автора, «историческую изменчивость самого характера мифотворчества» (заметим, что наличие мифотворческой составляющей человеческого сознания для Назирова неоспоримо в любую историческую эпоху).

С другой стороны, такие, эмпирически существующие в культуре мифы обладают этиологической (объяснительной) и телеологической (целеполагательной) активностью, а потому могут быть объективно вредны и опасны. Ключевое понятие здесь — мифотворчество, возможное как в сфере культуры (литературы, живописи etc.), так и в сфере политики (последнее беспощадно критикуется). Так, история Европы, понимаемая Назировым как *трагедия*) определяется, по сути, одним колоссальным мифом (об этом ниже).

Миф как мифологичность понимается более широко и глубоко. Фактически в первых главах книги, посвященных первобытной архаике речь идет именно о таком мифе.

Так, «делая акцент на упорядочивающей функции мифа и его познавательной ценности, Назиров соглашается и с мыслью Э. Кассирера об особом значении этизации мифа в первобытном сознании, а с другой стороны, обнаруживает родство с трансцендентальной (кассиреровской же) концепцией мифа как прямого и первичного отражения самой способности человека к познанию и освоению мира (а не форм, в которых эта способность проявляется). Возводя корни первичных мифологических представлений к доязыковой стадии эволюции человека, напрямую к физиологическим феноменам памяти, эмоций, сексуальности (двуполости) и пр., Назиров фактически понимает миф как онтологически первичную форму не познания, а самого сознания. Языковое отражение

¹⁰Назиров Р. Г. Становление мифов... С. 144.

¹¹Там же.

первичных мифологических представлений — необходимый, но уже следующий этап становления мифов, важнейший в деле разумного освоения природы. Языковое означивание пространства есть первичное упорядочивание хаоса, безусловно позитивное онтологическое деяние, формирующее собственно человеческий мир: «различая поименованные вещи в хаосе материальной среды, человек творит конкретную предметность» ¹².

Понятый так миф, мифологичность (у него встречается термин «мифомышление») — онтологически присущая человеку способность воспринимать мир в гуманистически ориентированных категориях, а значит, — этически.

История мифа в таком случае превращается в историю сознания (осознавания) себя человечеством. Будучи объективированной, такая история *читается* как текст, обладающий этическим значением, обладающий внутренней логикой и требующий моральной интерпретации — оценки (отсюда назировская публицистичность, порой неожиданные актуализации смыслов прошлого на фоне современности).

«Становление мифов» поддается в этом смысле относительно прозрачной интерпретации. С этой точки зрения, эссенциальный смысл этой книги — последовательная, логически развернутая и подтвержденная примерами из политической и культурной истории Европы критика самообожествления человека. Начало и первый образец этого, по Назирову, — Александр Македонский. Имперская идея — необходимая форма такого обожествления; обожествление власти толпой — отражение самообожествления ее носителя. Говоря об Александре Македонском, он особо выделяет описанный у Плутарха эпизод разговора завоевателя с индийскими гимнософистами: «Среди вопросов Александра <...> был и такой: как может человек превратиться в бога? Отвел гласил: человек превратится в бога, если совершит нечто такое, что невозможно совершить человеку. Вот оно: главной целью Александра было стать богом, а средством к достижению этой цели — основание Всемирного царства...» ¹³ Миф, зародившийся с Александром, стал впоследствии государствообразующим мифом римской империи.

В постренессансную эпоху этот миф стремительно демократизируется, и самообожествление (по сути, человекобожество) становится доступным уже не только императорам. Фаустианский миф — это одновременно и двигатель, и главный результат этой демократизации мифа индивидуализма. Показательно, что глава, рассказывающая о становлении и культурной жизни этого мифа, называется «Карьера Сатаны». Это имеет свое объяснение, но сначала отметим, что в критике фаустианства и ренессансно-постренессансной психологии человекобожества Назиров фактически смыкается с философско-

 $^{^{12}}$ Орехов Б. В., Шаулов С. С. Концепция мифа у Р. Г. Назирова (доклад в ЦТСФ РГГУ, 16.09.2013). С. 166.

¹³Назиров Р. Г. Становление мифов... С. 80.

исторической позицией А. Ф. Лосева. Это тем более интересно, что упоминания о Лосеве в книге немногочисленны и носят обычно *критический*, а иногда и иронический характер. Короче говоря, не соглашаясь с лосевской апологией Средневековья, Назиров, по сути, продолжает лосевскую же критику ренессансного (в своем истоке) индивидуализма на материале уже XVIII — XIX веков.

Отметим эту интересную особенность — сочетание открытой критики со спрятанным продолжением мысли. В одной из работ Назирова о Достоевском читаем: «...при всем огромном цитировании мировой литературы, Достоевский всегда утаивал истоки своих прямых заимствований. Он никогда не выдавал, что зеленый драдедамовый платок семьи Мармеладовых заимствован из второстепенного английского романа, а эпизод с пьяной девочкой на Конногвардейском бульваре — из «Блеска и нищеты куртизанок» В применении к Достоевскому тотальность этой формулировки (назировское «всегда») вполне может быть оспорено, однако в ней — ключ к пониманию некоторых особенностей собственно назировского творческого мышления.

Проиллюстрируем это одним примером. Почему глава о становлении фаустианского сознания современного человека называется «Карьера Сатаны»? Ответ на этот вопрос дает малозаметная отсылка ближе к концу книги — указание на учение Канта о дьяволе как «олицетворении радикально злого начала в человеческой душе». Примечательно, что Кант вообще упоминается здесь чуть ли не единственный раз во всей книге, тогда как его мысль подается едва ли не как ключ к концепции главы (да и книги в целом): «...это возмутило всех. Гегель в порыве благородного негодования писал, что учением о радикальном эле в человеке Кант замарал свою чистую философскую мантию. <...> дьявол удобен для оптимистической логики. Человек по природе добр, его портит дурное воспитание. Для просветительской логики дьяволом были феодализм и предрассудки. На них можно свалить пороки цивилизации и человеческую агрессивность. Просветительскому разуму Бог не нужен, а вот враг — очень даже нужен» ¹⁵. Просветительский миф отлично уживается с фаустианским, представляя собой, по сути, его секулярную версию. Фаустианский же миф трактуется у Назирова как сюжетное обобщение антихристианской трагедии новоевропейской истории. Исток трагедии — миф Человекобога.

¹⁴Цит. по переизданию: Назиров Р. Г. Специфика художественного мифотворчества Ф. М. Достоевского: сравнительно-исторический подход // Назиров Р. Г. Русская классическая литература: сравнительно-исторический подход. Исследования разных лет: Сборник статей. — Уфа: РИО БашГУ, 2005. С. 191. Интересно, что в «Становлении мифов...», где главка о Достоевском практически идентична этой публикации, тем не менее отсутствует эта фраза (и вообще первые, вводные пассажи статьи. Статья впервые опубликована в 1999 году.
¹⁵Назиров Р. Г. Становление мифов... С. 173.

Неслучайно, с фаустианским мифом оказывается связана революционная мифология XIX — XX веков. Вот как он пишет о Марксе: «Его учение — это наукообразное претворение античных, библейских и просветительских мифов, своего рода «социальная религия». Сразу после смерти Маркс стал объектом мифологизации, а его дружба с Энгельсом — вариацией близнечного мифа. В XX веке к ним добавили Ленина, и получилась троица. Только Прометеи исторического материализма были тайными Фаустами» ¹⁶.

Но это же мифотворчество Назиров последовательно критикует на материале собственно философском. Самая заметная фигура здесь — Гегель, который подвергнут в «Становлении мифов» жесточайшей философско-публицистической критике: «Система Гегеля есть лжерелигия, его философия истории кощунственно теологична, это Historia Sacra с подмененным мифом и в псевдо-научной форме. Весь его рационализм — громадная фальсификация, подгоняющая факты под теорию или просто не признающая фактов; суть ее — «секуляризированный самомессианизм», т. е. мания величия Гегеля, создавшего эту оптимистическую сагу в двадцати томах как памятник собственной изворотливости» 17.

Псевдорационализм Гегеля, по Назирову, повинен в исторических катастрофах XX века: «Гегелевское понимание диалектики как победы над логическим законом противоречия ведет к опаснейшим последствиям: к философской легализации внутренне противоречивых теорий, к контрабанде субъективной воли [курсив мой — С. Ш.], что особенно страшно в социальной сфере. Истребление миллионов людей оправдывается благом остальных миллионов, и все это называется «социалистическим гуманизмом» Диалектика! А на вышках вокруг стоят с автоматами верные гегельянцы» 18.

По сути, Гегель «выпорот» Назировым именно за успешную попытку философского самообожествления — присвоения себе Мирового Духа — и антигуманизм. Примеры различной реализации этого интерпретативного сюжета можно множить еще очень долго, однако все вышесказанное провоцирует вопрос о том, как трактуется в книге Назирова христианство, а равно вопрос о его личном отношении к Христу.

Начнем со второго. Назиров родился в 1934 году, в 1952 году в своем дневнике, впервые прочитав «Преступление и наказание», он пишет: «Такую книгу кончать Христом — преступление». Он был воспитан в подчеркнутой и искренней лояльности к советской власти и советскому культурному проекту (несмотря даже на то, что его отец был расстрелян в 1938 году). Таково начало его интеллектуальной и духовной жизни.

¹⁶Там же. С. 204.

¹⁷Там же. С. 197.

¹⁸Там же С 195

Дальнейшая динамика ее, видимо, была сложна, и до сих пор еще не ясна и автору этого доклада. Но в 1990 годах он разрабатывает и читает на филологическом факультете Башкирского университета курс «Культура и религия». В начале «Становления мифов», рассуждая о соотношении религии и культуры, он формулирует: «Религия — формообразующее начало культуры» 19. Очевидно, что в сфере интеллектуального поиска, он развернулся на 180 градусов.

С личным отношением дело обстоит гораздо сложнее.

Вот выразительный пример из творческой истории текста «Становления мифов». На одном из листов рукописи, склеенном из двух других есть исправление: слово «бог» исправлено на «Бог». Причем, правка произведена теми же чернилами (ручкой), которыми написан, видимо, более поздний вклеенный кусок рукописи. Значит, ли это чтонибудь? Вероятно, это пример можно интерпретировать по-разному. Может быть, это дань установившейся в постсоветскую эпоху норме? А может быть, и свидетельство некоего внутреннего психологического поворота?

Вот другой пример. Глава, касающаяся жизни Христа и начала христианства, называется «Главный итог эллинизма». Тут нет дешевого советского псевдоисторизма. Христос трактуется как историческая фигура, занимающая определенное место в освободительной борьбе евреев против римского господства. Подчас Назиров доходит до пассажей, напоминающих, к примеру, рассуждения Э. Ренана (над которым, кстати, в начале книги иронизирует). Одним словом, образ Христа последовательно «освобождается» от своего собственно мистического содержания.

Но за этой последовательной «демистификацией» вдруг следует потрясающий по своей неожиданности абзац: «Трактовать Явление Христа как мелкий эпизод колониальной истории значило бы уподобиться самодовольным и подслеповатым римлянам той эпохи. Ибо если и поныне последствия Явления Христа всемирны и неисчерпаемы, значит оно было чем-то исключительным и беспримерным. Параллели с биографиями других религиотворцев мало что объясняют. Христос торжествует над временем, как никто» 20.

Затем Назиров выделяет тот смысл христианства, который актуален в контексте его книги: «Первоначальное христианство — величайший пример десакрализации всякой власти, ибо государство насильственно по природе, Христос полностью отделил его от Бога, разделил кесарево и Божие. Он задал цель человечеству — самоустроение без насилия» ²¹.

Финал абзаца, видимо, фиксирует как раз то личное понимание Христа, которое

¹⁹Там же. С. 35.

²⁰Там же. С. 105.

²¹Там же

могло (выразимся осторожно) принадлежать Назирову: «Думается, что современная любовь к Xристу — шире, чем собственно христианская религия, которая в истории принявших ее народов неоднократно освящала земное государство» 22 .

Дальше Назиров постепенно переходит уже к раннему средневековью, останавливается на Нероне (с которого начинается эволюция мифа об Антихристе, пародирующего миф Христа), подробно анализирует учение Августина, — словом, оставляет проблему неоткрытой, непроговоренной. Возможно, впрочем, что он оставляет эту недосказанность как возможность свободной интерпретации.

О русском понимании Христа у Назирова написано сравнительно немного. Собственно, России вообще посвящено только две главы «Русская национальная мифология» и «Мифы и прозрения Достоевского», финальная глава посвящена реализации в России революционного мифа и выполняет роль заключения к ко всей книге, не только к ее русским главам.

Национальной мифологией России Назиров называет именно христианство, подчеркивая и усиливая, впрочем, именно его народные, фольклорные реинтерпретации (вспомним, слова о любви к Христу, которая шире исторической церкви). Оборотная сторона этой мифологии — миф о «третьем Риме», который в контексте книги Назирова трактуется отрицательно.

Достоевский в этой книге предстает как величайший обновитель христианского сознания и критик «мифа титанизма» (еще одно определение, которое Назиров дает мифу
человекобога): «Достоевский сводит на очной ставке мифологию гуманизма с христианством, испытывает все общие идеи христианским субъективизмом <...> Он
внушает нам: чтобы воскреснуть, чтобы выжить после катастрофы, нужно в себе победить идею, которая к этой катастрофе привела. Сегодня это актуально для России, как
никогда. Достоевский дал нам надежду, дал exemplum — спасение «гамлетического
Наполеона» 23.

Обратим внимание на публицистический намек в конце цитаты. Книга писалась в середине 1990-х годов; в мифе Достоевского Назиров видит *спасение* России, реактуализируя и углубляя расхожую номинацию «Достоевский — пророк».

Достоевский у него по сути пророк русского Христа (причем, Назиров не забывает указать и на возможность извращения мифа Достоевского в сторону религиозного национализма). Однако мифотворчество Достоевского имеет, по Назирову, всемирное значение, в нем — потенциальная возможность преодоления мифа Человекобога: «Достоевский проверяет историю Христом, а политику — слезинкой ребенка. Он заново утвер-

²²Там же.

²³Там же. С. 232.

ждает мораль любви [христианскую мораль, попранную Прометеями Нового времени — С. Ш.] и возможность святости. Мифотворчество Достоевского защищает от нигилизма»²⁴.

Контрапункт к главе «Мифы и прозрения Достоевского» — следующая глава «Революционная мифология и ее перерождения», фактически говорящая об осуществлении в XX веке мифа Человекобога как политической программы. Риторика Назирова в этой главе и публицистична, и «апокалиптична»: «Деградировавшие гуманистические мифы: культ гения, национальный мессианизм, революционный хилиазм — в своем слиянии произвели на свет ублюдка, тоталитарную государственность. И вина за это лежит на целых народах.

Ибо мифы творятся массами, жажда гениальной тирании — болезнь наций, диктатуры порождаются невротизацией народов. А ведь какие умы предостерегали человечество от тирании, террора и вырождения! И все напрасно. Народы продолжали жить в чаянии второго пришествия Наполеона. Настал злой час, Наполеоны появились вновь. И какими же они оказались гнусными!» 25

Назиров не доводит свой исторический обзор до современности. Однако на последних страницах книги публицистичность его рассуждений усиливается и перерастает в грозное и, на наш взгляд, по-прежнему актуальное предупреждение: «Современное человечество в основном мыслит мифологически и во всех кризисах ищет суррогат Бога — «мирского спасителя». Мы живем в эпоху деградированных мифологий. Старые мифы великих религий утрачивают действенность, а тоска по мифам остается. <...> После «смерти Бога» человечество еще не научилось жить без мифов. По словам Ролана Барта, миф организует мир без противоречий, но и без глубины. А плоды политического мифотворчества в XX веке представляются ужасающими» 26.

В финале этого доклада, на мой взгляд, необходимо подчеркнуть одну важную вещь. Речь не идет о том, чтобы превратить Назирова в православного мыслителя. Христианское влияние, неоспоримое на концептуальном уровне книги «Становление мифов», на уровне личного мировоззрения, видимо, было проблематичным (и совершенно точно — неканоническим). Честно говоря, я думаю, что Назиров не был христианином в том смысле, в котором мы здесь понимаем это слово. Тем не менее, его философия истории (или, если угодно, мифо-идеологическая история европейской культуры) должна быть определена как христианская — в ее логическом центре образ Христа и критика его антагониста, либо в более «светской» терминологии: нравственная программа христианства

²⁴Там же. С. 236—237.

²⁵Там же. С. 245.

²⁶Там же

и противостоящий ей миф самообожествления, миф индивидуализма.

При этом Назиров в итоге никак не эксплицирует мифологический образ Христа, вообще не формулирует христианский миф, оставляя его неким ощущаемым, но невидимым «фоном» разворачивающегося исторического сюжета. Христос в этой книге утаён. Почему? Видимо, потому что для самого автора Он представляется актуальной и еще не решенной (а возможно, и не поддающейся решению) проблемой.

В чем же значение книги Назирова?

Во-первых, она корректирует наши представления о путях, которыми развивалась советская гуманитарная наука. Назиров, безусловно, начинал как совершенно советский литературовед. В этом смысле показательна его первая монография²⁷. Показателен факт его дружбы в 1964—1970-м годах с Г. М. Фридлендером (и одновременно с М. С. Альтманом). Эволюция Назирова от начала 1960-х до конца XX века — поучительный и, с нашей точки зрения, позитивный пример постепенного перерождения советского «филолога-идеолога» в полноценного, полностью интеллектуально свободного и одновременно укорененного в первооснове мировой культуры ученого.

Во-вторых, эта книга (и наследие Назирова в целом) актуальна в наше время как пример независимого маршрута, приведшего Назирова в итоге к христианской философии истории. Назиров по каким-то причинам (криптографизм творческого мышления?) не эксплицировал свою методологию. Между тем, это следовало бы сделать, чтобы был более очевиден путь, которым он пришел к результатам своей мысли. В результате его научного поиска появился весьма своеобразный синтез дискурса светской науки с принципиальной этичностью мышления, восходящей в конечном счете к христианскому источнику. Неслучайно, в «Становлении мифов» так часто и неоднозначно поминается Лосев. Он во многом и предшественник (а значит, опора), и научный конкурент (с которым Назиров спорит). Но ведь Алексей Федорович Лосев как явление культуры и сам тоже — проводник и результат такого же синтеза личной веры и строгой научности. Думается, что типологический ряд относительно, отчасти близких к Назирову персоналий можно продолжить. В определенном смысле сюда же можно отнести и М. М. Бахтина, из поколения самого Ромэна Гафановича — С. С. Аверинцева и некоторых других.

Однако будут и отличия. Думается, их важно здесь хотя бы сформулировать. Вопервых, основа взросления и «возрастания» Назирова, в отличие от большинства фигур, которые могут быть названы имела смешанную, мультикультурную природу, включавшую себя и еврейский (в основе — иудейский), и тюрский (исламский) и агрессивно-

 $^{^{27}}$ Имеется в виду опубликованный посмертно первый труд Назирова о Достоевском: К вопросу об автобиографичности романа Ф.М. Достоевского «Игрок» // Назировский архив. 2013. № 1. С. 12—93.

светский советский компонтент, к которым сравнительно рано добавился интерес к классической русской культуре (причем, ее связь с христианством Назиров замечает уже в дневниках, хотя и оценивает ее тогда в духе времени). Во-вторых, его отличает «крутизна» пройденного маршрута — от полностью лояльного юного сталиниста (в дневниках за начало марта 1953 года попадается фраза «Только бы жил!») до «оттепельного» шестидесятника и дальше — до...

Конечную точку жизненного и интеллектуального маршрута Назирова, на наш взгляд, еще нужно изучать и анализировать.

Библиография

Дополнения к библиографии Р. Г. Назирова

Опубликованные труды о Р. Г. Назирове

Библиография имеет сквозную нумерацию и приниает в качестве базовой «Сводную библиографию трудов Р. Г. Назирова и работ о нём», опубликованную в «Назировском архиве» 2015, № 2.

- 251. Памяти Ромэна Гафановича Назирова (1934—2004) [Текст] // Достоевский и мировая культура. СПб. 2003. Альм. № 19. С. 311—313.
- 252. Борисова, В., Тихомиров, Б., Якубова, Р. Ромэн Гафанович Назирова, 1934—2004 [Текст] // Dostoevsky Studies. The Journal of IDS. 2005. Vol. IX. Р. 246—250.
- 253. Шаулов, С. С. Об одном малоизвестном «изводе» русского формализма: теория фабулы и история мифа по Р. Г. Назирову (1934—2004) [Текст] // Методология и практика русского формализма: Бриковский сборник. Выпуск II: Материалы международной научной конференции «II Бриковские чтения: Методология и практика русского формализма» (Московский государственный университет печати, Москва, 20—23 марта 2014 года) / отв. ред. Г. В. Векшин. М.: Азбуковник, 2014. С. 84—88.

Диссертации, защищенные под руководством Р. Г. Назирова (дополнение)

В 2013 году мы публиковали список диссертаций, защищённых под руководством Назирова. Список тогда оказался неполным. Мы восстаналиваем пропущенный пункт.

7. Пермякова Л. А. Сакрализация женственности в прозе русского символизма: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.01.01. Уфа, 1996. 227 с.

Правила для авторов

Рукописи в машиночитаемом виде представляются в редакцию по электронной почте nevmenandr@gmail.com. Во избежание недоразумений авторам предварительно следует ознакомиться со статьёй о принципах и целях издания (2013 № 1) до того, как посылать текст на рассмотрение редакции. Непрофильные статьи приняты к публикации не будут.

Ссылки на литературу оформляются в виде постраничных сносок. Фамилия автора цитируемой работы выделяется курсивом. Между названием работы и местом издания, а также между годом издания и страницами тире не ставится.

Вместе с представляемым в редакцию текстом следует прислать и сведения об авторе, включающие фамилию, имя, отчество, аффилиацию.

Вопрос о публикации в журнале будет рассмотрен после внутриредакционного рецензирования.

Публикация в журнале бесплатная.

